

В номере:

Личности и гении

Ирен Крекер. **Виновата ли зима в том, что я одна?** 3

Проза

Вадим Молодых. **Пустые головы**..... 6
Олег Маслобоев. **Дожди над Касабланкой** 19
Вероника Черных. **Кролик в тележке** 43
Анжелика Королёва. **Ничья жена**..... 55

Короткая проза

Тамара Ветрова. **Бабочка с черными крыльями** 73
Виктор Родин. **Визит накануне**..... 76

Поэзия

Александр Иванов 90
Екатерина Деришева 92
Сергей Маслоброд 95
Юлия Родичева 97

Мир приключений

Георгий Каюров. **Жёлтый император** 99

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Ольга Бедная, Анна Кашина,
Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Маргарита Сосницкая,
Матвей Левензон, Максим Замшев, Анна Гросул, Надежда Дёмина, Иван Дуб,
Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ, Игорь Хомечко, Олег Цуркан.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

**Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Дерезинская,
Александр Зингалюк**

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Ирен КРЕКЕР

Виновата ли зима в том, что я одна?

Первый снег, первый след зимы... Он падал на сибирскую землю моей малой родины каждый год в начале октября, оповещая тем самым о приходе зимы. Снежинки тихо опускались на землю, окрашенную в серо-грязные тона. На её фоне они были такими беззащитными, застенчивыми, нежными, какой была в то время и я, скромная девчушка из шахтёрского посёлка. «Мама, папа, зима пришла!» – кричала я восторженно и бежала на улицу, чтобы поймать снежинки в ладошку, потрогать, попробовать на язычок, раствориться в снежной нежности.

Незабываемая пора детства, наивного и доверчивого, как тот тающий, быстро исчезающий на ладошке снег.

«Снежинка за снежинкой/ Спускаются в ладонь мою,/ Ошибка за ошибкой/ Прощаются мне вьюгою», – пишет молодая поэтесса Татьяна Снежина, наблюдая чарующую картину падающих снежинок. Грустные нотки вплетаются в канву снега и стиха. Они трогают сердце. Но о каких ошибках говорит она в своём поэтическом откровении? Разве могли они у неё быть, у этой молодой девушки со светлым именем Татьяна Снежина?

«А за окном всё тот же снег. Может, поэтому я Снежина – снег, холод, пустота», – рассуждает она в автобиографии. А я смотрю в окно, за которым снежинки совершают свой медленный танец. Потом слушаю песню «Снежинка» в Татьянином исполнении. Её необычный милый голос звучит нежно, лирично, мелодично. Интонации песни трогательны. Интересна и её музыкальная аранжировка.

Интерес к творчеству молодой поэтессы и композитора растёт с каждой прослушанной в её исполнении песней. Благодаря возможностям Интернета узнаю, что настоящая фамилия Татьяны – Печёнкина, а Снежина – литературный псевдоним. У меня появляется особое доверие к стихам Татьяны, когда читаю о том, что детство её прошло на Камчатке, где служил отец, и что в юности судьба забросила её в родные моему сердцу сибирские края, в город Новосибирск, где я неоднократно бывала у родственников и друзей в гостях. Не понаслышке она знает о зимних вечерах, о завывании вьюги за окном, о морозе, пронизывающем до костей, о седых вулканах и заснеженных сопках.

Сорок лет моей жизни тоже прошли среди снега, на снежных просторах, граничащих с горизонтом. Наверное, поэтому мне так близки темы стихов девушки: одиночество среди Вселенной, боль молодой души, поиск смысла в происходящем вокруг.

Читая одно за другим стихотворения Татьяны, проникаюсь ощущениями и чувствами её героини, умеющей мыслить и философствовать о важных вопросах. Случайно или неслучайно выхожу в Интернет на документальный фильм о самой Снежинной. С интересом смотрю его, слушаю рассказчицу, но в какой-то момент сердцу становится тесно в груди. Я неожиданно понимаю, что поэтессы, с которой я уже успела внутренне сродниться, больше нет на нашей планете. Она ушла из жизни в двадцать три года, оставив о себе память большим количеством поэтических строк.

Меня потрясла судьба поэтессы, захотелось узнать о ней больше, чтобы понять, о чём думала девушка, когда писала свои стихи.

* * *

*Первый снег, как любовь твоя:
Может быть – растает, может – нет.
Первый цвет ледяного дня –
Между нами – лёг первый снег.*

*Первый снег, как моя душа,
Твои смелые хранит следы.
И, может быть, не стоят и гроша –
Я и первый снег твоей судьбы.*

Песня «Снежинка» вызвала во мне море забытых за давностью лет чувств. Одни картины неизвольно сменялись в памяти другими. За небольшое количество времени перед глазами пробежала юность, воскресившая множество мыслей и поставившая бесконечный ряд вопросов. Пришло время собирать камни, подумалось мне. Сложилась моя жизнь или нет? Простится мне вьюгою печаль, всю жизнь, не дававшая покоя, или тоска и страх перед жизнью затаились и ждут своего часа?

Первая безответная любовь, оставившая рубцы на снежной кайме. Первый поцелуй – без любви, просто потому, что должно же это когда-то произойти. Первые цветы, подаренные парнем, любовь которого отвергнута, потому что он не такой, каким рисовало его воображение, созданное на основе произведений классиков. Первые ночи без сна, когда родилось понимание, что проживаешь не свою жизнь, а потом всю жизнь преследующие строки: «Но однажды придёт она, вами высмеянная любовь...»

Почему именно эти воспоминания всплыли на поверхность при погружении в поэтический мир Снежинной? Ведь они не имеют никакого отношения к стихам Татьяны? А, может быть, всё же имеют?

Ожидание выдуманного счастья... Оно не оставляет меня в течение десятилетий. Мне кажется, Татьяна говорит в стихах как раз об этом, но по-своему, другими словами. Я чувствую её душевную боль. В детские годы, да и в юношеские, мне думалось, что люди понимают друг друга с полуслова. А если ты одиноко блуждаешь в мире своих мыслей, то ты не такой, как все. Именно тогда потихоньку затягивает чувство одиночества. В душе поселяется ощущение пустоты, никчемности, ненужности. На смену ожидания счастья приходит разочарование. Это я осознала только в зрелые годы, а тогда жила мыслями и ощущениями Татьяны:

*Первый снег, я его ждала.
Знала, что придёт, и верила,
Верила, что не заметёт –
Всё, что я тебе доверила.*

*Снежинка за снежинкой
Спускаются в ладонь мою.
Ошибка за ошибкой
Прощаются мне вьюгой.*

* * *

*Фантазией снега придумана встреча
Сердце одиноких холодной зимой.
Безумием ветра их вёл вместе вечер,
И ночь уводила дорогой одной.*

Я не знаю, что творится в душе лирической героини Снежиной, но, читая эти строки, вновь слышу страдания одинокой души. Она пытается найти точку опоры, место, где её поймут, услышат и признают. Но «мёрзлые окна зимы чёрно-белой пугали уютom бетонных домов».

*«На зимней дороге под песню метели
От каменных джунглей больших городов
они уходили...»*

Безверие, опустошённость, призрачность любви и мечты, которые «растворяли звезды в вихре бешеных надежд», читаются и слышатся мне в строках «Фантазии зимы» Татьяны Снежиной.

*«С вьюгой по пути им до рассвета не дойти
Снег замедляет.
С первыми лучами недогадливой зари
Мир их растает».*

На мой взгляд, прямым продолжением поиска выхода из состояния одиночества явились и стихи «Виновата ли зима», написанные в унисон преды-

дущим. Героиня продолжает свои размышления о причинах грусти и внутренней неуспокоенности. Она ещё пытается найти виновника своих страданий. «Виновата ли зима в том, что ты одна?» – размышляет она, находясь наедине со своей болью.

*«Вихрем листья сорвала осень лютая,
Закружила, замела лихой удалью.
На берёзе у окна одинокий лист.
Вот и ты, как он, одна у окна стоишь.*

*Виновата ли зима в том, что ты одна?
Виновата ли весна в том, что холодно?
Сердце мается в груди, словно месяц май.
Ты, весна, скорей приди, лёд, скорей растай».*

Конца и края нет одиночеству героини среди людей. Это состояние души, какого-то пятого измерения, которое неподвластно изменению само по себе. Только бережное и чуткое отношение к ней могло бы вывести героиню из состояния духовной безнадёжности и пустоты. Холод, печаль и разочарование – плохие советчики.

Мне очень близки слова поэтессы тем, что тема одиночества ещё лет семь-десять назад была центральной в моих дневниковых записях. Кто был виноват в моём одиночестве? Зима, природа, люди, небеса? Я не могу ответить на этот вопрос. Это был какой-то внутренний настрой души, изначально, от рождения плачущей о своей судьбе. Чувство неудовлетворённости собой не покидало меня в течение десятилетий. Я успешно продвигалась по службе, имела семью, друзей, но внутренне страдала от пустоты и бессмысленности моего существования. Может быть, поэтому меня так затронули внутренний мир, судьба и песни Татьяны Снежиной?

Однажды, прожив уже полвека, из них десять в другой стране, я как будто очнулась от дум, оглянулась вокруг себя и увидела людей, нуждающихся в помощи. Я окунулась с головой в их страдания и обрела веру в себя. Я поняла, что мир создан для жизни, что надо радоваться её мгновениям.

Моя душа обрела покой лишь в тот момент, вернее, в те дни, месяцы, годы, когда я, став медсестрой, правда, уже в зрелом возрасте, сознательно посвятила себя людям с психическими отклонениями, престарелым и инвалидам. Одновременно с головой ушла в творчество. Об этих годах мои книги «Мозаика моего счастья» и «Заметки практикующей медсестры», в которых описаны истории несостоявшихся судеб.

Мне думается, в последние полгода жизни Татьяна тоже сумела преодолеть свою душевную пе-

чаль. Как поэтесса, композитор и исполнительница своих песен, она вышла на свою прямую по пути к достижению успеха. Благодаря окружающим её людям, в прежде холодном для неё снежном Новосибирске, она ощутила тепло и понимание, веру в себя, в людей, обрела личное счастье.

К сожалению, мы не являемся творцами своей судьбы. Жизнь Татьяны Печёнкиной неожиданно трагично прервалась в 1995-м в автомобильной катастрофе на дороге Барнаул – Новосибирск во время предсвадебной поездки в Горный Алтай. Сейчас хорошо известны стихи Татьяны:

*«Если я умру раньше времени,
Вы отдайте меня белым лебедям.
Между перьев их крыл я запутаюсь
И умчусь вместе с ними в мечту свою...»*

*Если я умру раньше времени,
Пусть меня унесут белы лебеди,
Далеко, далеко в край неведомый,
Высоко, высоко в небо светлое».*

Эти поэтические строки невольно заставили меня задуматься о неразгаданных тайнах бытия. Мне думалось, что девушка предчувствовала недолговечность жизни: о том писала, страдала, пела... Мысли материализуются. Но, может быть, её душевные метания были только результатом повышенной ранимости и юношеского максимализма или просто свойством поэтической натуры?

Может быть, всё так, как я это вижу. Может быть, по-другому. Теперь невозможно ответить на вопросы, поставленные жизнью и самой поэтессой в своих стихах.

* * *

*«Печаль последнею слезинкой,
Упав с моих весенних глаз,
К тебе холодной снежинкой
В окно влетит еще не раз.
Закружит тебя зима, закужит,
Вихрем вьюги ледяной заворочит», –*

Обращается Татьяна к сердцу каждого из нас в стихотворении «Зима». В каждой его строке на фоне снежной вьюги разлита печаль. Мне кажется, поэтесса прощается с нами и словами из песни «Сегодня всё в последний раз»:

*«А белый пух спускался в ночь
И кутал спящий город,
И чьи-то сны летели прочь,
Теплом пугая холод.
Пустые улицы, дома,
Укрытые снегами,
Украсит город ночь сама
Застывшими слезами.
А утром город оживёт,
И ночь развеет ветер.
И в город белый принесёт
Лишь белый снег на белом свете».*

В 1996 году увидел свет первый поэтический сборник Татьяны Снежиной «Что стоит жизнь моя?» Настоящее признание к поэтессе пришло, когда её музыкальные записи стали известны звёздам российской эстрады. На концерте в память о Татьяне Снежиной уже в 1997 году звучали её песни в исполнении Аллы Пугачёвой, Иосифа Кобзона, Льва Лещенко, Кристины Орбакайте, Михаила Шуфутинского, Николая Трубача, Татьяны Овсиенко, Лады Дэнс, Елены Борисенко, Алисы Мон и многих других, вдохнувших новую жизнь в творчество поэтессы.

Жизнь пролетает стремительно быстро. Уже прошло двадцать лет с тех пор, как светлая душа Татьяны Снежиной ушла за багровую дымку заката. Напоминанием о ней звучат по всей земле её стихи и песни, которые по-человечески близки мне:

*«Я буду первый дождик запоздалой весны,
Я буду первой каплей, разрушающей сны,
Я буду первой радугой за мокрым окном
С дождем.
Твой первый дождь...»*

Вадим МОЛОДЫХ

*Продолжение. Начало в №4, 5.***Пустые головы***Повесть***Глава 17**

После скандала в семье – первого настоящего по ощущениям, по «всё пропало!» – Диана проснулась во вчерашнем состоянии. Опустошённость давешнего вечера не удалось выпать... Да и как? Сна-то как такового не было. Приливами накатывало забытие. Дрожащими отливами – возвращение в явь. Наконец, как положено нервной ночью, стали терзать навязчивые вопросы: «А что собственно произошло? С чего меня так разбредила мужнина пьянка? Она ему по жизни мешает? – Нет! – Мне мешает? – Одному только моему моральному женскому эго-

изму, пониманию, что мужу и без меня бывает неплохо... Материальная сторона ведь вовсе не страдает. Тогда что? Почему не спится?»

Проводя так минуты, потом часы в отнюдь не истерическом – развлекательном даже! – самокопании, Диана сумела детально восстановить вчерашний разговор... вернее, свою даже в истерике связную речь и несвязное даже в старании мычание мужа... и снова ощутила ту же, что и вчера, щемящую боль от одного только припоминания своего вопля о том, что не только «всё вокруг, но и она сама тут принадлежит Кире», с намёком – уловил ли по пьяни? нет, наверное – и на его собственную принадлежность благодетелю-папе.

Вот он, корень невроза! Словно бы всевышний для озарения Дианы заставил сначала её же уста раскрыться и озвучить неуловимую и неудобную истину. Значит, любит её Бог, раз даёт понимание пусть даже таким способом...

«И ведь не первый уже раз в разных комнатах спим! Но никогда такого отчаяния не было... А может, было? Наступало, да я сама не давала ему до ясности развиваться? Точно! Мелочью оно представлялось... Не хотелось его... С чего бы, дескать. Дом – полная чаша. Счастье расписано на годы вперёд... Кем? Папой! Папой расписано-то!!! Это не наше счастье – это его покой... Потому и нужна ему наша любовь вся такая выставочная... Если она вообще была и есть... Удобство – вот что было и есть! Суррогат... Действенный, надо сказать... Надёжный!»

И тут как-то сами собой сквозь лёд памяти стали проступать тёплые по ощущениям моменты жизни с Кирой. И совершенно оправданно из своей неглубокой ещё «заморозки» оттаял первой радостной каплей последний банкет по случаю очередного их общего, а не только Кирино успеха – диссертации. Но как только тёплые капли недавней гордости за Киру – и за себя, жена ведь! – отметились звоном по льду замёрзшей души, то, словно мгновенная яркая молния, стрелнул и обжёг из памяти самый первый там взгляд на неё Антона – полный сухих слёз и невыкрикнутых слов.

«О, господи!» – аж до дрожи протряс этот взгляд из памяти, тяжело упавший на её разболтанную эмоциями психику. Бедная женщина даже вспотела.

«Нет! – взяла себя в руки мгновенно, как только подумала об успокоительных таблетках. – Нет и нет, Антоша! Ты – не вариант. С тобой не до таких переживаний было бы... Никакого аристократизма – сплошная борьба за жизнь в условиях нищеты».

Она подумала так в совершенно искренней ледяной твёрдости... Но и ощущая уже мягкость, когда вспышка обожгла и потухла, и после неё остался лишь слабый, хотя и устойчивый – первая любовь всё-таки! – огонёк в душе, окончательно тающей в действительно тёплых воспоминаниях.

Когда сидела и пила кофе на кухне, Диана ещё раз попробовала – и весьма успешно! – убедить себя в общей удаче своей брачной партии. Но и не отметить своего облегчения от того, что муж ушёл и что она не отреагировала на его призывный к миру взгляд, тоже не могла. «Похмеляться, поди, отправился», – подумала она, впрочем, абсолютно беззлобно, и успокоилась безо всяких таблеток и капель.

«Сила в нём есть... Всегда была... Когда прижмёт – сам бросит. Пускай пресытится. Перебесится. Или действительно прижмёт что-то так, что сам свою пьяную гулянку забудет. Мало таких случаев, что ли? Нравится она ему пока...»

И тут ей с сарказмом нового отчаяния стало пронзительно ясно, что если и прижмёт её мужа что-то, то уж точно не её обида или гнев... «Папаша прижмёт, больше никому!» – она даже хохотнула в удовлетворении, что и этот барчук – её муж – всего лишь барчук, но не барин.

Однако эта мысль даже не обижала – она злила. Выходило из этих рассуждений, что Диана сама по себе тогда вообще никто – собственность Кирилла, папин подарок в виде разрешения на ней жениться. Действительно кукла – плюш... почти как плешь бессловесная.

«Интересно, а если измена? Как он отреагирует? Ну-ка, попробуем смоделировать ситуацию...»

И первым делом она вполне рационально начала прикидывать, чем это может обернуться лично для неё, и делая для себя печальное открытие, что она своего мужа толком-то и не знает.

«Тут ведь как... Мужики гораздо болезненнее переносят женскую измену, чем наоборот. Природа – ничего не поделаешь... Но один мужик, почувствовав только возможность женского адюльтера, делает нужные ей выводы и меняется в нужную ей сторону – это бывает редко, но этого я и хочу. Другой бросает изменницу, не задумываясь. А третий вообще никак такую возможность не рассматривает – не принимает её всерьёз. Но когда вдруг узнает о свершившемся (или якобы свершившемся) факте, то и убить может... Сначала его, потом её, а потом и себя... И ладно бы – его и себя... Но ведь и её! Вдруг и этот такой же... Переключит в мозгах – собственник же! И задуматься не успеет – не сможет – о том, что есть что терять и кроме неверной жены. Два наглухо проигрышных варианта против одного призрачно выигрышного... Нет, риск явно неадекватен! Измена – это крайний случай, однозначно. А вот слабый намёк на сохранившуюся независимость жены, могущую стать фактором измены... Чтобы не только с небес на землю спустился, но и нрав свой явил при полном отсутствии состава преступления, но вполне возможном его возникновении при его таком ко мне отношении. Точно! Чтобы не только умом понял, но и гордыней своей прочувствовал. Если же оставить всё как есть сейчас, то дальше будет только хуже, ибо всё ещё только началось, и до пресыщения явно далеко...»

Телефон... Светка... Этой-то чего надо?

– Да. Привет.

– Что с тобой? Привет. Голос какой-то...

– Заболела... Нервы...

– Что так? Со своим что ли?..

«Оно тебе надо?» – мысленно разозлилась Диана на точность предположения подружки. Промолчала.

– Динь-динь, слушай, – зашебетала трубка тем ласковым тоном, каким подружки приглашают друг друга в свои сердечные тайны. – А ты этого Антона хорошо знаешь? Ну, того...

– Знаю. А что?

– Ну, ты же знаешь, что было, да?

– Было – прошло... Дальше что?

– Да я хотела его навестить в больнице... Думала – раненый же... Меня защищал... Так романтично!..

«Дура», – мелькнуло безотчётно злобно в Динь-динь-голове.

– ...Накрасилась, приделась, надушилась... Лучше, чем в кабак, прикинь, в больницу-то!.. Собралась, короче, с гостинцами, а его там нет уже. Значит, не сильно раненый, раз уже отпустили. Даже обидно стало – трагизма... вернее, пока ещё, слава богу, только драматизма поубавилось... Хотя... Был бы он уже инвалидом, то ещё хуже было бы... На черта он такой нужен? Утку ему под кроватью менять?..

Диана наконец улыбнулась – её бодрил ироничный рассказ Светки о своих переживаниях и связанных с ними событиях... «Или наоборот: событиях-переживаниях? Неважно! Но Светка не дура всё-таки, и это хорошо!»

Она расслабилась.

– Ну... Завершай.

– Слушай, Динь-динь... Неудобно мне как-то... Надо бы выразить признательность...

– Ладно тебе! Скажи – понравился.

– И не без этого... Есть в нём что-то такое... Короче, как мне его найти?

У Дианы был номер телефона Антона. Но какая же мужнина жена признается в этом? Да кому?! Подружке. Вы с ума сошли!!! Она и сама не знала, зачем его с Кириной телефонной базы втихаря списала... Списала и всё! Уж, ясное дело, не затем, чтоб звонить! Поэтому ответила так:

– У Кирилла его номер есть. Придёт – спрошу.

– Диночка, ты – чудо! Только...

– Что ещё?

– Самой мне как-то неудобно... Навязываюсь, типа... Что-нибудь подумает ещё... Ну, ты понимаешь...

– М-м-ц, ой-й! – постановочно цыкнула Диана, мгновенно вспомнив про божий промысел. – Ладно. Сошлись на нас с Кирой и пригласи его куда-нибудь, ну, за компанию – вчетвером. Ага?

– Динь-динь, ты – чудо! – ещё более искренне прощепетала подружка. – Жду от тебя номера. Целую.

– Пока, – отключилась Диана, уже о другом думая и торжествуя: «Надо же, как удачно пасьянс складывается!»

Она отдавала себе отчёт, что подружкин стёб больше всего ей понравился в той части, где было про Антона, но она же и знала уже, что компания будет не из четверых человек, а из троих только – без Киры. Да и Светка нужна только для повода... И болтовни потом.

Взгляд в юность – Диана

Антон, став студентом, сделался значительнее. Мысленно усмехаясь собственной наивности, он, однако же, искренне удовлетворенно улыбался от одного только профессорского обращения к первокурсникам: «Коллеги». Приятно ощущать себя на равных с маститым, настоящим профессором. Ощущение, конечно, искусственно культивируемое самим профессором-либералом, и Антон это умом понимал. Но одновременно, проанализировав этот простейший психологический прием, он отмечал его эффективность – обращение подкупало сознание настолько, что на подсознательном, безотчётном уровне лекции этого преподавателя стали любимыми и наиболее посещаемыми. Разумеется, надо было учитывать, в первую очередь, безупречную, образную манеру изложения, вкус к деталям и прочие достоинства лектора. Но и его «коллеги» – тоже.

Каково же было изумление всей первокурсной братии, когда на первой же сессии душка-профессор, балагур, шутник и умница начал на полном серьёзе так ее «валить», что у некоторых наиболее заблуждавшихся случался ступор при одном только взгляде на «любимого преподавателя». Этот факт Антон с огромнейшим удовольствием внёс в свою копилку знаний и опыта реальной жизни. Профессор понравился ему ещё больше. Антон мысленно пожимал его руку. Он шёл сдавать ему зачёт с отчаянным воодушевлением, как на поединок. Он, естественно, сдал. Но не без соперничества, не без споров, которые вызвали ещё больший всплеск уважения, только теперь уже обоюдного. Антон понял, что он может быть интересен даже профессору – доктору наук. Малой даже в зеркало некоторое время после зачёта смотрел с почтением. Правда, недолго...

Целиком и полностью, с удовольствием отдаваясь занятиям и только о них уже несколько месяцев думая, зашёл как-то Антон в главную университетскую библиотеку. Ему надо было посидеть над редкими старыми университетскими книгами, которые ввиду их редкости и ветхости на вынос не выдавались. Можно было, конечно, воспользоваться их виртуальными копиями. Но Малой испытывал удовольствие, прикасаясь к старым изданиям. Ведь по ним занимались несколько поколений студентов в те времена, когда и слова-то «компьютер» ещё не было. Причём, занимались не где-то там дома, жуя бутерброд. А именно в читальном зале библиотеки. Часами сидели. Изучали. Конспектировали. Методично и упорно. Умнейшие люди! Безо всяких компьютерных штучек. Это завораживало. Компьютер – ведь, что? Вещь, несомненно, хорошая, полезная. Но это только инструмент. Думать, всё равно, должна живая голова. А над старым изданием... Да в старинном читальном зале... Как сто... Двести лет назад. И читается, и запоминается, и думается интереснее. В этом была вся «фишка». Малой своим трепетным отношением к учёбе и всему, что с ней связано, быстро заработал устойчивую положительную репутацию во всех аудиториях университета. В библиотеке, в том числе. Видя, как у него горят глаза при одном только прикосновении к старым книгам и как при этом подрагивают руки, библиотекари дружно внесли его в свой негласный VIP-список особо приближённых. Ему безропотно выдавали очень редкие издания, имевшие не только библиографическую, но и огромную денежную цену. Антону доверяли. Он это осознавал и гордился собой. А что? Тоже ведь образец его исключительности. Другим не дают под любыми предлогами. А ему – дают! Да ещё и с приветливой улыбкой. Он, отходя от стола библиотекаря, ловил на себе уважительные... даже завистливые взгляды знатоков, а на непосвящённых умел смотреть свысока, даже будучи ниже их ростом. Учитесь, бараны! Во всех смыслах учитесь. И во всех смыслах – бараны.

Получив для изучения раритет и глядя только на него, буквально физически ощущая магическую сакральность изложенного в нем знания, испытывая головокружение от возможности глазами прикоснуться к нему и даже мозгом впитать его, Антон Малой однажды машинально уселся на первое попавшееся в читальном зале свободное место. Осторожно положил перед собой том. Погладил его. И собирался уже было открыть, как услышал рядом:

– Привет. А ты осмелел, как видно...

Антон вздрогнул от неожиданности, ведь никого же не существовало. И тут на тебе... Приземлился с небес. Повернулся на голос. И мгновенно забыл обо всём. И о томе с великим опытом предков – тоже.

Оказалось, Малой, не глядя, уселся рядом со своей желанно-ненавидимой... или ненавидимо-желанной красавицей. Той самой – задорной и весёлой – громче всех хохотавшей над ним, убегавшим от их ватаги в подъезд.

– Меня зовут Диана, – красавица удовлетворённо улыбалась от произведённого эффекта. – Я знаю, ты – Антон. Да ты рот-то прикрой, ха-ха, неприлично же. Библиотека все-таки... А ты уже на весь университет прославился своими успехами и сидишь, разинув рот. Не вяжется с твоей репутацией...

– Диана значит «божественная»... – смог пробормотать Малой. Во рту была пустыня.

– Да. Родители ничего оригинальнее не придумали кроме этого вычурного имени.

– Почему же вычурного? Красиво: Ди-а-на... – он хрипел и сипел.

– Нравится? Мне тоже деваться некуда. Хотя для простоты можешь звать меня просто Дина.

Тут к ним с упрёком на лице повернулся впереди сидящий «гранитогрыз». Пришлось замолчать и уткнуться в свои книги. Но для Антона великое знание, законсервированное когда-то на страницах раритетного тома, стало невозможным к восприятию, словно оно расконцентрировалось после открытия книги, как мгновенно расходящийся в атмосфере распечатанный из консервной банки воздух. Он механически привычно глазами бегал по строчкам, но чтобы что-то уловить... Какое там! Он висками чувствовал свой бешеный пульс. Он был так напряжён, что близок к обмороку. Антон не знал, что делать, что говорить хотя бы шёпотом. Он только чувствовал, что надо бы что-то говорить. Он знал, что надо при этом смотреть ей прямо в глаза... Ну если не смотреть, то хотя бы заглядывать. Избавляться тем самым от своего глубочайшего смущения и приводить в смущение её. Он это знал по художественно расписанным и прочитанным теориям обольщения, но практически не мог управлять своими ощущениями. Просто сидел и тупо смотрел в книгу. Дина отвлеклась от своего конспекта и взглянула на него:

– О-о-о, юноша, как все серьёзно, – с искренним участием в голосе прошептала она, склонившись к самому его уху, отчего Антон пронзительно ощутил её запахи: духи, ягодную жвачку во рту, утренний шампунь в волосах и даже – о, господи! – запах её кожи. В висках застучало ещё сильнее. – Давай-ка, Антон, прервёмся. Пойдём покурим. Заодно проветришься, а то на тебе лица нет.

– Пойдём... Только... Я не курю...

– Так подышишь. Познакомимся хоть, соседство обязывает.

Стоя рядом с «божественной», кое-как смог вернуть книгу удивлённой библиотекарьше. Смог даже прошептать, что ненадолго, мол, и еще вернётся. На деревянных, негнущихся ногах пошёл вслед за девушкой. Она, конечно же, по своему женскому обыкновению понимая, что молодой человек покорён, в походке перед его глазами еще кокетливо качнула бёдрами. Антон был окончательно убит. Он чувствовал себя маленькой собачонкой, которую красавица ведёт на невидимом поводке. Он ничего не мог с собой поделать. Он просто шёл за ней. В висках бешено – тук-тук-тук-тук...

Во дворе Диана уселась на скамейку, закинула ногу на ногу и посмотрела на Антона:

– Садись. Чего стоишь-то?

– С-спасибо...

Сел. Спина ровная. Диана усмехнулась:

– Да расслабься ты. Это уже даже не смешно...

Она залезла в свою сумочку, достала пачку тонких сигарет, прилепила к пачке жвачку и продолжила одной рукой рыться в сумочке. Бормотала ругательства. Антон, как замороженный, смотрел на пожёванный бесформенный кусочек, прилепленный к целлофану на пачке. Для него этот кусочек своей святостью был подобен церковному воску. Если бы она в капризе велела ему проглотить его – он бы проглотил. Он бы с благоговением проглотил бы даже кусок пластилина. Или глины. Если бы только она его об этом попросила!

– Слушай, Антон, будь другом. Прикури у кого-нибудь. А то я зажигалку не могу найти. Самой неудобно как-то... Мужчина рядом, а я хожу, спички стреляю...

Она достала из пачки сигарету и дала ему. Антон неумело воткнул ее в рот и с готовностью кинулся к другим лавочкам с людьми. Вот уж пёс так пёс! Попросила бы тапочки в зубах принести – с других бы снял, а принёс.

Раскуривая сигарету для Дианы, Антон кайфовал. Ему был по фигу ментоловый вкус её дыма – он бы кайфовал, даже прикуривая бамбук. Это была ЕЁ сигарета. Он мог ЕЙ хоть как-то помочь. Вот оно – счастье! Когда вернулся и вручил, то с горечью отметил, как она пальчиками аккуратно вытерла фильтр и только потом со смаком затянулась.

– Чё молчишь-то? Скажи что-нибудь. Спроси...

– А чё спросить-то?

– Вот странный. Спроси, на каком я факультете?

– Н-на каком ты... вы факультете?

– О-о-ох-х. Ты... Вы... Говори за мной: Дина, на каком ты учишься факультете. Вопросительная интонация.

Антон мало-помалу брал себя в руки:

– Так на каком же?

– Филология, конечно. Самый женский факультет. Скажи теперь: а почему-то я тебя раньше здесь не встречал.

– Действительно. Уж сколько месяцев прошло...

– Так мы с тобой, Антоша, разными коридорами... Да чего там! ... разными дорогами ходим. Ты-то, поди, из библиотеки не вылезает. А я первый раз там была. Хвост висит. До сих пор не сдала.

– Двоечница что ли?

– Ага. И по поведению «неуд», – Диана весело смотрела и даже подмигнула. – Что, отличник, не гоюсь я в подруги? Ха-ха-ха. Даже знакомства со мной, наверное, водить не надо. Вдруг испорчу парникового мальчика-ботаника...

Диана, глядя в глупое выражение лица Антона, невольно весело расхохоталась. Даже закашлялась дымом.

– Кхе-кхе-кхе... Чё сидишь? По-хло-кха-пай по спине.

Для Антона это было за счастье. Он не похлопал – он погладил. Аж в глазах потемнело, а в голове помутилось.

– Ладно. Пошли обратно. Ты вроде, оклемался. Нравлюсь так, что ли?

– Да, – уверенно наконец и твердо сказал Малой и сам себе понравился. – Очень. И давно уже.

Девушка игриво улыбалась:

– Так ты ж меня не знаешь совсем...

– Может, поэтому и нравишься.

Антон на последней фразе стал настолько твердым, настолько уверенно посмотрел Диане в глаза, что она даже испугалась от неожиданности. Антон это заметил и развил атаку:

– Дай свой телефон. Позвоню как-нибудь.

– Зачем?

– Двойки помогу исправить.

Диана улыбнулась и записала свой телефон на той самой сигаретной пачке, оказавшейся уже пустой.

Глава 18

– Малой! А тебе не кажется, что при такой фамилии тебя становится слишком много?! – это был тот самый Полковник – начальник отдела полиции, получивший сводку «по территориальности» и увидевший там в числе фигурантов странного ДТП со смертельным исходом знакомую беспокойную фамилию.

– Коллега, я его заберу для разбирательства?

Это был даже не вопрос, а утверждение... Но подчёркнуто уважительное обращение «коллега», прозвучавшее корпоративно-доверительным тоном и ласково влетевшее в уши молоденького офицера, должно было того не напрячь, а наоборот – расположить дознавателя на «великодушное» согласие. Однако:

– Так точно, тэрищ полковник... Но тут есть один нюанс.

– Какой ещё нюанс? – доверие и уважение, кои, по мнению старшего по званию, и так были необязательны и даже вредны – «летёха вон, сразу оборзел!» – мгновенно сменились раздражением, пока только как от укуса комара. – Потрудитесь объяснить.

– Так точно, – тот был хоть и молод, но привычен, и не дрогнул от полковничьей строгости. – Имеются свидетельские показания, что данный гражданин Малой душил водителя, отчего и произошло ДТП. Водитель погиб.

– А кто он?

– Хирург-травматолог. Завотделением.

– Бред какой-то... Зачем ему его душить? А? Малой? Ехал с ним в машине?

– Да.

– А чё ты с ним ехал? Куда?

– Друзья, вот и ехал. Катались. Разговаривали.

– А чё душил тогда? Сзади, что ли? Может, дурачились просто?

Малой подхватился по примеру виденных им хулиганов: «А я чё? А я ничё».

– Ну да! Обхватил сзади за шею... Теперь на волне эмоций меня хотят выставить виноватым... Сами дистанцию не держат... Смертельный исход... Вот и отмазываются как могут.

– Ну! – кивнул и скривил рот в убедительной очевидности Полковник. – Чё тут неясного-то? В натуре, лейтенант, тех надо «трясти»!

– Да и тех «трясут»... Здесь-то надо оформить...

– Оформляй, как слышал. Пришлѐшь потом через меня протокол ему на подпись.

– Готово уже.

– Ну давай, Малой, подписывай и поехали. Следствие закончено, забудьте.

Садясь в личную машину Полковника, Антон не тешил себя иллюзиями о его благородстве, проявляющемся уже во второй раз. Статистика, показатели и отчёты отдела – вот причины чудесного спасения Малого. Спасения на этот раз уже не от автомобильных колѐс, а куда более опасных – государственных.

Ещё он подумал, что к собственному удивлению взволнован в эти минуты именно этой государственной несправедливостью, повѐрнутой в его случае к «своему» человеку ласковой стороной, выгораживающей его и готовой скоренько утопить – для отчёта! – других, чужих, невиновных. Ему бы сейчас думать о смерти, причиной которой он стал... А вот, поди ж ты! И не думается совсем. И не то чтобы страшно, а просто по фигу.

– Рассказывай, что произошло?

– Да вы сами всё правильно изложили, тэрищ полковник. Так и было.

– А чего ты тогда там, на месте ДТП, метался, как ужаленный? Расталкивал всех. «Пропустите, покажите» орал. Чё увидеть-то хотел?

– Да горячка просто. Шок.

Полковник повернулся. Задержал взгляд. Чувствовалось, что не поверил. Но душу пытать не стал – отвернулся снова на дорогу. Добавил только на удивление смиренным и приправленным опытом тоном:

– Много тебя, Малой, становится. Ох, не к добру это...

И напоследок, высаживая у дома:

– Иди. Не прощаюсь... Чувствую – не надо.

И только в квартире, закрывшись, раздевшись, оберегая раненую ногу от воды под душем, Малой ощутил острую безразличность к событию. Его снова стал грызть изнутри факт того, что он так и не увидел, был ли в черепе доктора мозг.

Интуиция заставила Полковника принять быстрое решение. Но скорость его принятия – даже спонтанность! – нимало его самого не взволновали. Он был опытным человеком и хорошо себя знал. Чутьѐ сыскаря ни разу ещё ему не изменило... Он во многом поэтому и полковником-то стал! Положился он на свою интуицию и теперь.

По его вызову в кабинет вошёл толковый и амбициозный в плане карьеры, то есть чуть больше личного уважающий начальство, опер. Тот самый, которого расспрашивал о безмозглом трупе Малой. Опер, войдя, изображал на лице нужную степень беспокойства – мало ли зачем начальство вызывает.

– Дело у меня к тебе, – негромко сказал, вставая словно бы для встречи, Полковник, указал на стул у своего стола, скомандовал в дверь приёмной, что занят, и запер её на ключ.

– И дело... м-м-м... аккуратное, скажем так, – садясь в своё кресло, добавил он ещё тише, чем начал, и вставил свой выработанный годами немигающий охранный взгляд прямо в зрачки подчинѐнному оперу.

Тот хотел было сменить маску с волнения на готовность, но смутился и уронил выражение верности в пол – полковничье сверления не выдержал.

– Да ты не тушуйся! – Полковник и не пытался скрывать удовлетворения властью – зачем? – тут это не принято! – и продолжал в снисходительной интонации. – Ничего незаконного... Аккуратность нужна... деликатность даже... тайна, короче!.. так как дело касается нашего с тобой коллеги. Улавливаешь тонкость?

Опер с псовым выражением глаз нашѐл-таки в себе силы, чтобы не кивнуть головой. Хотя очень хотел! Успел даже подумать в полковничьей паузе, нагнетавшей значительность, ответственность и доверие, что имел бы хвост – уж им-то точно бы вильнул. А так – сдержался. Даже зауважал себя – уверенней стал... Бодрее в своей готовности.

– Не нервничай... Он не преступник, – продолжал Полковник всё тем же вкрадчивым тоном. – Во

всяком случае, ничего на него нет. Пока! Но что-то как-то много беспокойства в последние дни с ним связано. То он сам пострадал, то люди рядом с ним страдают... Гибнут даже! Он вроде не при чём... Но он всё время был в самый роковой момент в самом роковом месте. Понимаешь? Почему это? Судьба? Она из неконкретной категории домыслов! А мы оперируем фактами. Они таковы... Первый: в результате хулиганского нападения на нашего коллегу в свободное от его службы время, он оказывается в больнице с ножевым ранением. Потом там происходит несчастный случай со смертельным исходом, единственный свидетель которому – свидетель, подчёркиваю! – наш коллега. Второй факт: ДТП, в котором гибнет водитель – врач, заведующий, где лежал наш коллега после ранения, который к тому же в момент аварии находился в машине врача и, по некоторым данным, применял к нему насилие аккуратно в трагический – роковой! – момент аварии. Душил его, типа... Сидя сзади. Оговорюсь, официальная версия – водитель не справился с управлением, машину занесло, в неё врезался большегруз, наш коллега то ли успел выскочить, то ли его выбросило из машины... Согласись, многовато совпадений... Это странно.

Полковник снова замолчал, давая возможность оперу как следует впитать и усвоить весь объём странности, нырнул в свой сейф, достал початую дежурную бутылку хорошего армянского коньяка, две дежурных невымываемых рюмки, с ломким и тонким металлическим звуком выложил шоколад. Налил. Приглашая, качнул своей рюмкой и вылил её в рот. Смачно напряг прижатый к нёбу язык, цикнул, разлепляя ставшие сочными сухие служебные губы, закусил с удовольствием шоколадом, развернулся за пепельницей, поставил её рядом с бутылкой, закурил, выпустив в потолок – уверенный в себе человек! – струю плотного дыма. Всё это – не спеша!

Опер всё сидел не выпивая. Он думал. Но не о заявленной начальством странности, а о желании начальства предвидеть-предупредить возможное ЧП с личным составом, способное испортить отчётность. Цинизм? Ну и ладно! Карьеры ведь без выполнения таких поручений не строятся. Доверяет ведь – уже хорошо!

Опер наконец выпил. Шоколад трогать не стал. Курить тоже. Субординацию никто не отменяет даже в доверительных случаях.

– А ещё что на него есть?

– «Ещё» – это как раз ты и найдёшь! – тон Полковника мгновенно стал начальственным, не переставая – тонкое умение! – быть вкрадчивым.

– Кто он? – главный вопрос.

– Малой. Участковый. Отложи всё. Займись им, – и подмигнул, как заговорщик. – Докладывать ежедневно... Шёпотом! Это если ничего чрезвычайного не будет. А если... То докладывать сразу же!.. Но всё равно – шёпотом.

Выходя из кабинета начальника, опер к выложенному тем списку странностей добавил ещё одну свою – давешний интерес участкового к самоубийце.

«Действительно странно... В смысле, интересно...»

Поразмыслив уже без показной услужливости, опер стал оправданно себя чувствовать Опером, но понял, что при всей неофициальности поручения никаких козырей, кроме секретного доверия начальства, у него не появилось. Он, если что, даже полковничью «доверчивость» разыграть не сможет в свою пользу больше, чем того пожелает сам Полковник. Ну задание, ну неофициальное... Ну и что?! Речь ведь идёт о коллеге... О чести мундира... О святом! И эту полковничью щепетильность поймёт любой проверяющий – такой же мент и такой же, скорей всего, Полковник. Отсюда вывод: придётся поработать. Добросовестно! А там, глядишь, может и с самого Малого какой-то приработок выйдет. В деньгах вряд ли... Но в карьере-то! Полковник оценит... Да и впрямь! Что-то там у этого участкового есть... Слишком выпирать стало. Это неспроста.

Глава 19

Заглянув в глаза жене после того, как проспался, Кира понял, что привычно шутливого её ворчания не услышит, на которое он тоже уже привык игриво оправдываться, мол «Ну, ки-иса... Ну чего ты? Я больше не буду». Он даже слегка ожесточился, словно бы доигрывая давешнюю, начатую ею же самой, сцену «Всяк сверчок знай свой шесток».

Он с громким плеском принял душ и побрился, обильно надушился, сменил бельё, сам сварил себе кофе, нарочито мыча себе под нос популярный назойливый мотивчик. Сам сполоснул посуду, гремя ею показательно громко под чрезмерным напором воды, забрызгав всё в радиусе метра вокруг себя и себя в том числе, отчего снова пришлось менять бельё, промокшее под распахнутым халатом. Оделся в изысканный «casual» и, выходя из квартиры, смалодушничал всё-таки – подбросил и поймал, обращая на

себя внимание жены, ключи от машины. За руль, мол, иду садиться! Нечего тут меня конченным забулдой представлять. Жена, впрочем, внимания не обратила. Тоже показательно!

Потом, когда добрался до машины, завёл её и сделал паузу в своей стремительности на прогрев двигателя, то даже не успел до конца задать себе вопрос «Куда?». Ему сразу вспомнилась медсестра с полненькими губками из больницы. Её трогательно глупенькое лицо, не умевшее ещё скрывать эмоции. Её гладкая кожа на шее. Её пчелинообразная фигурка под приталенным халатиком, не очень низкий край которого позволял полностью видеть стройные и плотные икры на высоких каблуках и даже коленки, рождавшие соблазнение своим лёгким – совсем чуть-чуть! – мельканием между полами халатика, чья нижняя пуговица оставляла-таки игривую узость для приличия и обширный простор для воображения.

Но главное – это свежесть девушки! Не возрастная, а психологическая.

Прежние Кирины любовницы – даже самая последняя – уже вошли или стали входить в привычку и становились скучны.

Взбодриться... по крайней мере, попробовать... сейчас, на волне карьерного успеха, было бы то, что нужно. «То, что доктор прописал!.. А медсестра выполнила процедуру», – пошутил он сам себе в зеркало. Тем более что впечатление, произведённое им своей неотразимостью на девушку, было слишком очевидно. Буквально – видно было в очах её влажных, распахнувших крылья своих ресниц до максимально возможных пределов, когда Кирилл накануне галантно склонился к её руке для поцелуя.

Кира понимал, что понравился ей, и чувствовал, что она, тем самым и будучи весьма симпатичной, понравилась ему.

«В больницу! А повод? Она – повод! Нет... Это не годится... Почувствует свою женскую власть, начнёт хвостом крутить, дескать, ухаживайте за мной, добивайтесь меня... Природа такая... Рефлексы неосознанные, чтоб их... В бабах вообще мало осознанного... Мозг у них – лишний орган. Этим курицам он без надобности... Даже мешает! Как аппендикс. Инстинкты да рефлексы – вот их ипостась... Вот инстинкт и разбудим... А рефлекс потушим».

И Кире в тему вспомнилась книжка сказок для взрослых и детей, которую ещё в юности давал ему почитать Антон.

«Как там, у Шварца, министр-администратор даму на randevу приглашал? Мне ухаживать некогда. Вы привлекательны, я привлекателен – чего же тут время терять?».

Ну а повод всё-таки? С врачом поговорить... Беспокойство о раненом друге... Что может быть естественнее и благороднее? Впрочем, никто теперь в благородство не верит, потому и неестественно это будет... Хотя! Рожу понаглее... В смысле, побеспокойнее... Пусть циничные медики впечатлятся редким примером истинного благородства... Друг переживает за друга! Красиво, чёрт возьми... Точно!!! Именно с этим к медсестричке и надо подкатить.

Припарковавшись и отрепетировав в зеркале выражение озабоченности на лице – видимой, но не чрезмерной, чтобы не переиграть и чтобы уверенную мужскую неотразимость не затмить, – Кирилл вошёл в больничный покой.

Он даже не предполагал, с каким удивлением увидел его тот самый друг, версию с беспокойством о котором взял на вооружение охотник до женской свежести.

Впрочем, удивление наблюдавшего из укрытия за входом в отделение Малого быстро сменилось профессионально обострившимся интересом: «Надо бы зайти и послушать».

Но решив не рисковать до поры саморазоблачением и не рушить пока осторожность, Антон, будучи в зудящем желании хоть что-то предпринять, только пониже присел в кустах палисадника – своего наблюдательного пункта.

Он его занял с утра в надежде по лицам входящих молодых девушек из числа персонала отделения определить, кто из них любовница нелепо (и некстати!) погибшего доктора. Ведь должна же быть видна печать личной трагедии в выражении любого женского лица после смерти любимого! А лучше, если – возлюбленного! Пафоса-то сколько... Девичьей экзальтации... Вот её бы сейчас в помощь...

Если не удастся тайно увидеть на расстоянии, то придётся вступать в контакт, что нежелательно после всех тех самых трагических событий.

Была, конечно, и вероятность того, что молодая любовница, переживая, вообще на работе не появится... Но в любом случае надо было снова как-то вносить ясность в природу шантажа.

Хотя... Если доктор действительно не был в деле, то стервятница, выходит, действовала в одиночку. Сама!.. Без ансамбля... И наверняка пройдя мастер-класс своего рискованного предприятия в Интернете или, тем хуже для неё, в женских детективах женского же авторства. То есть в этом случае обозначались

две чёткие личностные характеристики – жадность и глупость, что было бы неплохо, так как ни того ни другого не скроешь – видно и слышно сразу.

Но Малой учитывал и несомненный тогда минус – присущую барышне циничную расчётливость, хоть и примитивную, но всё равно, по определению, не предполагавшую излишнюю – видимую! – эмоциональность, не говоря уж о большой любви и о горе от её потери.

По лицу такой хрен чего прочитаешь! Стерва, вроде как...

А ошибаться было нельзя – времени не было на исправление ошибок, Антон это уже чувствовал и понимал после Полковничьей многозначительности.

Малой в своих неизбежных раздумьях-рассуждениях дошёл-таки до мысли, что, возможно, «пасёт» уже не только он, но и его. Однако уходить-шифроваться было поздно, а потому провериться на предмет слежки за собой он решил после того, как добьётся ясности здесь.

И тут Кира! Этот вообще все версии порушил. В голове Малого происходило чёрт знает что...

Мысли не просто смешались в шевелящуюся кашу – они словно бы распахивали-расталкивали друг друга. Одна какая-то, наступая на других и, вдавливая их в глубину сознания, высовывалась наверх, но сразу же сама соскальзывала по склизкой и нетвёрдой поверхности полного абсурда в пучину живого мыслящего болота. Антон как будто физически ощущал шевеление в своей голове, производимое борьбой извилин друг с другом. Он даже успел обрадоваться им – пусть временно враждующим, но живым... действующим... а главное – наличным. Они у него были – это главное!

«Однако к делу... Если Кира при делах, то на кой чёрт ему всё это понадобилось? Ведь тогда не дурочка-медсестра тут рулит, это ясно... Но ему-то на хрена?! Деньги? У него есть... Мало будет – у папы возьмёт... Зависть? Но что такого у меня есть, чтобы этот дурачок позавидовал? Он же до сих пор в игрушки играет! Пусть теперь большие и дорогие, навроде автомобиля... Пусть даже живые и одушевлённые – жена Диана, которая, понятное дело, не по любви за него вышла... Сука!!! Но это всего лишь игрушки!

А если он уже не такой дурачок и способен понимать свою бездарность и беспомощность без папы? А что?! Очень может быть... Он стал понимать, что сам по себе – нуль... Если не минус! Да и унизительно это – деньги у отца кланчить... Взрослый мужик уже, а всё папёнкин сынок – одни игрушки на уме. Диссертация эта... Тоже, поди, папёнкин подарок...»

И тут Антон с чувством мерзости понял, что он сам-то Кире завидует... И давно! Просто, будучи не дураком, не культивирует в себе эту мерзость, не распаляет её до степени безусловной ненависти. Но ему безотчётно – рефлекторно! – хочется, чтобы и Кира хоть в чём-нибудь ему, Антону, позавидовал.

– Стоп! – беззвучно сказал он сам себе и подавил рефлексию.

Из дверей вышел Кира. Быстро, чуть ли не впритруску, подошёл к машине, сел, завёл и сразу впечатляюще сорвался с места, взвизгнув тормозами в повороте.

«Хорошая...Мощная машина...» – в который раз уже подумал невольно Малой, снова с головой уходя в ту же мерзость.

Но вынырнул быстро.

«Ну и что теперь делать-то? Следить? За кем?! За Кирой теперь надо бы следить...Чтобы хотя бы узнать, что он тут делал... Но не-ет! Подожду... Зря, что ли, торчал здесь – надо одно это сначала до конца довести... Выйдут же они на перекур! Не может быть, чтобы не курили – доктор-то курил!»

Антон и сам достал сигарету, не особо прячась – не в разведке же он за линией фронта, в конце концов! Кругом все свои... А если кто и чужой конкретно Антону, то вот он-то и пусть маскируется до полной нелегальности.

Он даже не успел докурить, как с той же лихостью, рассчитанной явно на зрителей... вернее, зрительниц у окон... вернулся Кирилл.

Но из машины теперь не выходил – разговаривал по телефону. Горячо разговаривал... С надрывом... Страстно! Отключился и словно бы приготовился к чему-то – напрягся.

Ещё через мгновение стало ясно, к чему. Из дверей отделения вышла девушка-медсестра с явно потерянным лицом. Кира из машины вышел так, будто бы со скакуна спрыгнул. Обтрусил машину и, открыв пассажирскую дверь, взял с сидения роскошный букет алых роз. Шедшую к нему девушку он встретил, как принц!

Малой при этом успел сообразить, какая же Кира расчётливая (тоже) сволочь – девушке наверняка сказал, что стесняется заходить и дарить ей цветы при всех в отделении, и выманил её на улицу, чтобы «скромно» проделать это с ней наедине, под взглядами гораздо большего числа восхищённых женских глаз у окон.

А ещё по тому, как девушка ожила, расцвела и преобразилась, как разругалась в смущении, Малой понял – почувствовал, – что это ТА девушка. Та самая медсестра, которую он ищет.

Живая реакция Малого на происходящее у корпуса больницы не осталась незамеченной со стороны «наружного наблюдателя» – опера, который с искренним, в свою очередь, интересом профессионального охотника следил с раннего утра за коллегой и выявлял новые, не известные пока, странности в его поведении.

Он вытащил из кармана блокнот и записал номер машины, на которой уже второй раз приехал галантный кавалер, вызывавший у «объекта» столь видимое волнение – тот даже в телефон что-то быстро наговорил. Видно сообщник есть...

Светлана набрала выданный ей подружкой номер телефона, ещё не занося его в базу данных – на всякий случай – кто его знает, как там разговор повернётся. Тем самым она отдавала себе отчёт, что волнуется. Ещё минуту назад спокойствие было «олимпийским», а теперь – прямо мандраж! С чего бы?

Чтобы хоть как-то оправдаться перед собственной гордостью, она и приняла её, гордость, за причину волнения. Девушка первая звонит – словно себя предлагает... Условность, конечно... Пережиток... Однако... Хорошо что есть повод – его ранение. Из-за неё!

Это нивелировало и успокаивало все всплески и приступы гордости. А равно – общественного мнения (Диана-то знает – значит, оно будет!) и мнения самого абонента – не оказавшегося в больнице героического Антона.

Он не отвечал. Об этом ещё зачем-то сообщил механический голос после того, как сбросил вызов. Светлане сначала стало легче, затем досадней до шепотливого ругательства – звонок-то без ответа остался у него на табло, и второй раз вызывать будет уже ровно вдвойне неприлично для порядочной девушки. Придётся ждать его перезвона – он же не знает, кто это... А он же – мент. Участковый! Значит, должен реагировать на сигналы. Вдруг это как раз сигнал...

Светлана довольно логично для взволнованной девушки себя уговаривала, но чувство досады от того, что теперь она не совсем контролирует ситуацию, затмило волнение и начало свербить тягостью ожидания и предчувствием нового волнения.

Прошло полчаса... Час... Полтора... Ничего! Разгар рабочего дня. Обед ещё только приближался, а его где носит? Он что, телефона не слышит... не видит?

И, облегчая сама себе своё состояние, она спонтанно шутливо подумала, уж не сидит ли он в засаде... Мент ведь! Бандитов ловит...Светка даже не догадывалась, как близка она была к истине... Улыбнулась.

После сброшенного шуткой напряжения, на волне нахлынувшей эмоциональной лихости, ещё раз нажала вызов.

Ответ последовал мгновенно. Она и не поняла сразу, кто там. Мужской голос был то ли осипшим от усталости, то ли хриплым от простуды, то ли попросту старым.

Сменившая отчаянную лихость растерянность заставила Светлану забыть поздороваться и спросить до банальной классики невежливо:

- Антона можно?
- Да, это я.

Она наконец поняла, что он не простужен и не стар, что он – Антон, говорящий шёпотом. Он снова засипел без паузы:

- Извините. Я вам сам перезвоню попозже. Важное совещание... В Главке.

И сбросил вызов. «И слава богу! – подумала, выдувая из себя, не торопясь, неиспользованный воздух, Светлана. – Однако... Совещание в Главке!.. А машины слышно. И вообще, уличный шум... Точно, в засаде сидит...».

Она даже рассмеялась беззвучно в новом расслаблении.

«...И цену набивает! В Главке, типа, он... Солидней, мол».

И теперь она в голос искренне хохотнула. Впрочем, довольно беззлобно.

Глава 20

Охваченный новым интересом в жизни, который масштабом своим не шёл ни в какое сравнение с тем, что было до сих пор, который глубиной проникновения в повседневность заставлял Антона Малого заново оценивать привычные и заурядные до этого события, участковый инспектор стал совершенно манкировать своими прямыми должностными обязанностями. Ему стало не до них.

И то удовлетворение морального свойства, которое получает любой профессионал, занимающийся своим делом, стало иметь для Антона отвлечённый, даже обманчивый характер. Он сам не только понимал, но и, сосредоточившись, ясно чувствовал, что деятельно выполнял не профессию как таковую, а... И назвать-то это затруднялся... Не хобби же!

Но! В то же время, специально отрешившись от таких негативных бессознательных ощущений, вдумавшись в суть предпринимаемых усилий, Антон с удовлетворением находил, что расследования подобного рода – это просто менее очевидный, возвышенный уже порядок его профессии – не прикладной её участок, а вроде как теоретический. И мысль, что он не функционер, а исследователь правоприменения на его уже не социальном, а философском уровне, ставила самого Антона на ту ступень самоуважения, где уже не могло быть никаких примесей самообмана – здесь он снова включал бессознательные ощущения и не чувствовал его.

И бог с ним, с шантажом, раскрытия которого требуют обстоятельства... Малой и этот мелочный эпизод босяцкой подлости великодушно включал в общий ход затеянного им исследования человеческой природы с явно возможным открытием то ли ранее неизведанного, то ли вновь появившегося биопсихологического факта. Он был уверен, что шантажист, кем бы он ни был, – существо безмозглое. Он это интуитивно, как всецело погружённый в тему творец, понимал... лучше сказать, чувствовал. И теперь уже хотел разоблачить шантажиста не в преступлении даже, а в полной его человеческой несостоятельности – в его нечеловеческой природе – в отсутствии мозга в голове.

Однако от прямых обязанностей его никто не освобождал, и о них пришлось вспомнить – жрать-то что-то надо, в конце концов, – зарплата нужна. Да и на «исследования» никто денег не даст! В этом плане они как раз – хобби.

Он об этом задумался с практической точки зрения, когда, закончив наблюдение за больницей и двигаясь по улице, проверился несколько раз и обнаружил, что, как и предполагал, за ним тоже велась слежка. Тот самый опер, у которого Малой интересовался пустоголовым самоубийцей, раза три попал в поле зрения Антона. Участковый даже чуть было не рассмеялся... Хотел было раскрыться, подойти к коллеге, хлопнуть того по плечу: мол, чего там, дружище, я всё понимаю!.. Но не стал.

«Хвост рубить» – уходить от слежки тоже не стал, а просто зашёл и заперся в своём кабинете и стал тупо делать свою работу в расчёте на то, что и телефон его тоже уже прослушивают.

Ответ вызывавшего его в неподходящий момент абонента не просто обескуражил – он обезоружил Антона. Участковый с усилием отогнал от себя мысли, связанные с «хобби», с двойным усилием настроил официальную строгость на тупую людскую обыденность – кто-то машиной на клумбу заехал или кто-то дерётся по пьяни – и оказался совершенно не готов с весёлой тональности, с которой его сначала разыграла, а потом радостно над ним посмеялась его новая знакомая Светлана.

Малой даже разозлился... На неё – сначала, но, слава богу, вовремя успел взять себя в руки. Сразу после неё – на себя за нелепости вроде «Главка». В общем, врасплох она его застала. Он мычал и блеял безо всякой брутальной неотразимости в голосе. Но как только прозвучала причина её звонка – приглашение на вечеринку в тёплой дружеской компании, Антон перестал пытаться что-то из себя изображать и выразил такой искренний интерес и согласие, что распрощались собеседники вполне дружелюбно и жизнерадостно.

Светлана при этом и подумать не могла, что энтузиазм Антона основан только лишь на удобном поводе для встречи с Кириллом. Антон даже избавил её невольно от трудных для первого раза лишних разговоров, когда собеседники ещё мало друг друга знают, а потому опасаются спугнуть, ляпнув что-нибудь не то или как-нибудь не так. В реальности же мысли Антона радостно, почти что с визгом, вернулись на избавленное от них ранее поле и дружно, без пауз, стали наперебой предлагать Антону разные способы неофициального, скрытого, допроса Киры на предмет его посещения больницы и цветов медсестре.

И была среди всех других одна, самая приятная на пробу и удобная по форме, мысль, что Кира по своему обыкновению просто вскобелится и решил приударить за смазливой – господи, что в ней такого?.. обычная девка!.. Впрочем, откуда у него аристократизму взяться во вкусе?.. жлоб, он и есть жлоб! – медсестрой.

Возможно, возможно... Даже очень может быть... Но порасспросить с пристрастием этого козла нужно в любом случае... Подпоить и порасспросить. Если не при делах, то будет рассказывать всё – это всегда видно, он любит хвастаться. Если же начнёт влиять... А то и напиваться побоится!.. Тогда всё ясно – тряссти его по полной... Как доктора! Нет, стоп... Как доктора не годится – Кира здоровый бугай... Всю жизнь же только мясом, а не мозгами занимался... Их у него и нет, скорей всего... Точно! Они ж ему незачем! Если и были при рождении, то ввиду ненужности – там всё папа решает – усохли и выветрились из

ушей. Ей-богу! Кира же пустоголовым должен быть по всем признакам... Вот уликами его и прижать... Тогда не ему, а он уже платить должен будет. И много платить! В соответствии с платёжеспособностью...

Антон взял лист бумаги – зрительная память всегда сильней! – и составил перечень вопросов и сценарный план разговора. Даже тосты расписал.

И только после этого открыл кабинет и стал принимать граждан с подведомственной территории. Так увлёкся, будучи в приподнятом – от звонка Светланы – настроении, что ничуть не раздражался банальной житейской дрянью и вполне шутливо для себя оценивал каждого жалобщика или подконтрольного условника на предмет наличия в их головах мозгов. Сам не заметил, как начал выстраивать, хоть и игривую сначала, но, в конце концов, вполне серьёзную, некую теорию об отличительных особенностях безмозглых существ. Доктора помянул добрым словом! Жаль его... Ведь если разобраться, Антон не виноват в его смерти. Но... Так и не узнал, а есть ли...был ли у того мозг в черепе.

«Так, стоп! Хватит». Глянул на часы – пора. Холостяцкая служебная квартира хоть и была давно не убранной, но встретила, как обычно, приветливо – без обид. Квартира – женского рода, терпимо переживает мужское лёгкое отношение к чистоте и порядку.

Почистил собственные перья, приоделся, вызвал такси, поехал. Вышел из машины у цветочной лавки, купил букетик без понтов, но со вкусом, встал под фонарём с часами – классика жанра. Пару раз прохожие дамы, вполне интересные и возрастом и видом, оценивая его рассмотрели. В итоге улыбнулись – обнадружились. Хотя... И волнения-то как такового не было. Антон даже невольно начал задумываться и анализировать, почему... На первом-то с дамой randevu!

Из-за мозгов... Вернее, их отсутствия. Вот как идея-то захватила, что всё остальное – даже новая возможная любовь! – кажется ерундой...

Визг тормозов. Антон специально выбрал место, где не только стоянка, но даже и остановка транспорта запрещена. Он собирался издали увидеть, разглядеть, настроиться...

Плвать она хотела – это была машина Дианы – на знаки. Но «борзела» всё-таки не сильно, и как только из машины вышла Светлана, та сорвалась с места, словно её и не было.

– Привет. А куда это она? – спросил сразу Антон, чтобы услышать и исправить, если надо, свой голос и интонацию.

– Привет. Сейчас машину поставит, мужа заберёт, и они приедут вместе на такси.

Антон подумал, что вряд ли. Дианино заочное присутствие с мужем уже представилось ему, как дань приличию со стороны приглашавшей его женской стороны, но разочарования от срывавшегося следственного действия с Кириллом не показал – сумел. Наоборот, даже сыграл воодушевление предстоящим их со Светланой tet-a-tet – пусть порадует девушка. «Курица!» – подумал-таки злобно.

Но улыбаясь и рассматривая, пока вручал букетик, решил, что зря. Она, в общем-то, ничего... И улыбается не натужно... И глаза такие лукавые... И красивые! И краски на мор... лице немного – видно к поцелуям приготовилась...

– Пошли! – запросто взяла она его под руку.

– Куда?

– А вон...

Они пошли в кафе с пошловатым в своей двусмысленности в этой ситуации названием «Интрига».

– Хорошо, что не «Интрижка», – съязвила Светлана на входе, и Антон её зауважал.

В вестибюле искренне, а не для того, чтобы что-то говорить, он развил её шутку:

– «Интрижка» на вывеске была бы пугающе прямолинейна...

– То есть?

– Ну-у... Интрижка обычно сочетается с определением «на стороне»... Стереотип брачной жизни. Назови они своё заведение так, то отпугнули бы часть клиентов.

– Тех, кто переживает адюльтер?

– Именно. Адюльтер ведь потому и заманчив, что преступен с точки зрения ханжеской морали.

Светлана сделала губками разочарование, не сумев скрыть его перероста в безразличность:

– Ханжество само по себе в силу своего лицемерия аморально. Мораль же не может быть аморальной – это нонсенс. Она-то, мораль, как раз в определениях не нуждается. Есть просто мораль и всё.

– Хорошо, – Антон принял замечание. – Когда мы говорим ханжеская, то мораль заключаем в кавычки.

Светлана, улыбнувшись, согласилась и мигнула ему обоими глазами.

Прощупывая друг друга таким образом на трезвую голову, заказали кофе для начала. Стали рассматривать сидящих в зале.

– Кроме нас тут четыре парочки, – умаслив лукавством глазки и сузив их для остроты, зашептала Светлана. – Давай поиграем... Попробуем каждый угадать, какая или какие из них в адюльтере. Потом сопоставим... С доказательствами, естественно.

– Игра предполагает победителя... А здесь и сейчас он невозможен. Не будем же мы потом открыто у них спрашивать «Скажите, а вы сейчас жене-мужу изменяете?». Побьют!

Светлана чисто по-женски надулась, но возразила по-мужски:

– Ничего ни у кого спрашивать не придётся. В конкурсе будут участвовать подмеченные визуальные доказательства... Конкурс, кстати, может и не состояться – если мы одно и то же представим друг другу... Поведение людей, вынужденных что-то скрывать, всегда отличается от обыденного. Никогда не замечал, что у тайных любовников и страсти, и нежности друг к другу больше, чем у законных супругов?

Последнее слово Светлана произнесла с пренебрежением в голосе и произношении: звук «г» был, скорее, звуком «х», только не глухим, а звонким.

– Ты была замужем?

Она слишком явно показывала, как ей неприятно. Она играла. И похоже, что привычно уже.

– Не сложилось?

Антон, как настоящий исследователь, ощутил азарт, препарируя её память.

– А почему? Уж не из-за адюльтера ли? А чьего? Твоего или его?

– Так много бестактных вопросов на первой же встрече... Настоящий мент!..

Она словно бы пыталась отгородиться частokoлом ровных зубов в ледяном оскале, называемом почему-то вежливой улыбкой.

– ...Но у нас же не допрос... А беседа по душам... А душа от кофе уже не разворачивается...

Теперь она подмигнула одним глазом. И впрямь! Затравочный кофе был выпит. Пора было уже продолжать-наращивать. И Антон снова ей подыграл, шутливо, но звучно хлопнув в ладоши:

– Официант, вина!

– И закуски! – по-простецки весело и громко сказала Светлана и засмеялась, разряжая нечаянный напряг.

Антону становилось комфортно.

– А играть-то будем? Или...

– Будем-будем. Вина выпьем и разыграемся. Ну, не тупо же жрать сюда пришли!

Продолжение следует.

Олег МАСЛОБОВЕВ

*Продолжение. Начало в №5.***Дожди над Касабланкой***Роман***15**

Когда на экране мобильного телефона вместе со звонком возникло имя Мигель, Гриша немало разволновался.

- Есть замечательное дельце, – рапортовал Мигель.
- Какое?
- Я нашел архив в областном центре. Там и для тебя документы подберут...
- Даже так?
- Именно так! Надо туда скататься.

- Далеко?
- На твоей машине – часов шесть...
- Зимой? По таким дорогам?
- Дело-то святое... – ободрил Мигель. – Возьми на работе денька три отгулов. И в конце января рванем.
- Ладно, – согласился Гриша, судьбоносную поездку отменить было нельзя.

Гриша не раз убеждался: самое лучшее решение приходит в самый последний момент. Он так и задумал: отпросится у Куприянова враз, не готовя себе «уважительную причину» для отгулов.

– Ты мне и нужен, Расторгуйев! – Куприянов сам вызвал его на беседу, повел разговор в деловом ключе: – Еще раз доложи о поездках к Виктору Соломоновичу...

Гриша четко, будто готовился заранее, доложил о товаре, о бумагах, сертификатах. Попутно он примечал, что Куприянов чем-то недоволен, припрятывает под стол свою перебинтованную руку, хватается на письменном столе за разные предметы – нервничает.

– Хорошо! – подвел итог начальник Гришиному докладу. – А теперь скажи, Расторгуйев, как сотрудник, как обладатель диплома о высшем образовании, там всё чисто, без сучка и без задоринки? Мы можем смело покупать порошок у Виктора Соломоновича?

Гриша многозначительно потянул с ответом:

- Думаю, все чисто. Товар я видел.
- Если так, иди, действуй! Виктор Соломонович на тебе. Надо довести дело до конца.

От начальника Гриша ушел с неким облегчением, то, что Куприянов ему доверял, вселяло оптимизм и некие, пусть и очень туманные, перспективы. Надо позвонить Соломонычу, порадовать старика, подумал Гриша. Но Соломоныч и сам – тут как тут. Видно, жизнь приучила его работать исключительно на опережение. Звонит.

– Удобно говорить, Гриша? – предупредительно спросил сперва Соломоныч. – Как там наши дела? Что сказал Сергей Анатольевич?

Гриша даже почувствовал, как Соломоныч весь напрягся и затаился. Но Гриша не любил выкладывать все сразу, да и стоило показать, что дел, кроме Соломоныча, у него по горло.

- Скорее всего положительно решится, – произнес он рассудительным голосом.
- Это замечательно! – воскликнул Соломоныч. – Очень тебя жду, чтоб обговорить все детали и сроки.
- Я отъеду на недельку. Когда вернусь, тогда и начнем...
- А куда, если не секрет, – расстроено спросил Соломоныч.
- Бабушка заболела, – мигом соврал Гриша.
- Да ты что! Серьезно? Что-то с сердцем?
- Да...

– Ты ее срочно привози в Москву. У меня доктора знакомые, обследовать надо... Ты мне от бабушки позвони, я за это время свяжусь со специалистами.

– Спасибо, – благодарил Гриша, он уже сам начал верить, что у него есть бабушка, которой срочно нужна помощь.

- Да зачем спасибо? О чем ты, дружище? – продолжал Соломоныч.

Грише показалось, что еще чуть-чуть, и Соломоныч поедет с ним к больной бабушке... Гриша хотел скорее попрощаться, но Соломоныч его не отпускал.

- Скажи мне, Гришенька, у тебя еще есть денек до отъезда? Мы могли бы завтра увидеться... Ложка

хороша к обеду. Я бы пока потихоньку поставку начал...

– Да вы понимаете, я уже ключи начальству отдал, а там печать, – стал канючить Гриша: встречаться с Соломонычем перед отъездом ему не хотелось.

– Это ничего, я сам позвоню Сергею Анатольевичу, – не унимался Соломоныч.

Гриша понял: этот не откажется, начнет звонить Куприянову или еще чего, наконец дал согласие на встречу. Правда, встреча отложилась...

А рабочее место Андрея Строкова было пустым.

По слухам, Строкова держали в камере предварительного заключения. Версию, что Строков пытался убить Куприянова, со счетов не сняли; шло следствие, Строкову грозит суд. Даже были собраны показания, что Строков мог вынашивать такие планы расправы... Расторгнуев ушам своим не верил.

...Гриша считал, что любой человек должен иметь, хотя бы по праву рождения, теплую комнату и продуктовый минимум на каждый день; все это должно полагаться всем, независимо от того, работаешь ты или просто сидишь дома, – без этого страна не может быть государством и никакие военные победы или великие стройки не заменят человеческую личность, – она превыше всего.

Но почти всегда оказывалось, что ход российской истории контролировали люди, которые о личности вспоминали в последнюю очередь. Власть оказывалась в руках людей слабовольных или тиранов, разумеется, и честных, и образованных тоже, но о последних быстро забывали. А что такое власть? Это жуткий механизм подавления... Это он видел даже в своем микромире на своей службе. Сколько людей было уволено без всяких оснований и каких-либо выплат только по воле начальника! Гришу охватывал ужас, когда он представлял себе, сколько людей зависят от воли следователя, судьи, чиновника. Бедный Андрей Строков! Как же ему помочь?!

16

На конец января была назначена поездка Гриши и Мигеля за счастьем... Ведь если все получится с документами, это прямой путь, со слов Мигеля, к человеческой жизни, к свободе. Странно, думал Гриша, в девяносто первом году была объявлена полная свобода, а получается, и он, и Мигель от нашей свободы совсем не свободны.

Ну ладно, тогда объявили свободу – и всё. Как говорится, мы сказали – вы забудьте. Но об этом напоминали неустанно. Каждый новый лидер чуть ли не себе в заслугу ставил эту свободу, пытаясь убедить население, что его свобода самая свободная... Ну если уж Мигель, человек, по мнению Гриши, весьма деятельный и незакомплексованный, недоволен такой свободой и не купается от счастья в ее объятиях, то кто же тогда доволен? Гриша припомнил, как в восемьдесят пятом году с упоением читал легализованную оппозиционную литературу, как с легким холодком внутри радовался каждому определению, метко брошенному автором в КПСС. Думал, ну теперь все, откроются границы, исчезнут все препятствия, и он увидит Париж, о чем его отец и дед не могли даже и мечтать. Но до Парижа и ему оказалось далековато...

Для поездки требовались деньги. Гриша залез в секретер с замиранием сердца, открыл шкатулку, где они с Мариной хранили заначку. Он всегда ее открывал с замиранием, ибо прибавиться там точно ничего не могло, а убавиться – очень даже. Ему всегда приходилось в денежном вопросе балансировать на грани. Обычно было либо мало денег, либо не было вовсе, но и то и другое одинаково удручало. Перебивались от зарплаты до зарплаты. Немалую часть от доходов забирали коммунальные платежи.

– Квартплата в наших условиях – это узаконенный грабеж со стороны государства! – говорила бабушка Гриши. – За все уже давно уплачено. А если приплюсовать сюда различные взносы, начиная от партийных и заканчивая взносами в помощь голодающим пролетариям разных стран, то вообще уже набегала переплата... А еще нам пытаются доказать, что мы счастливы, а то ведь на Западе трудовой народ вообще живет на улице, в подворотнях, а спит, прикрывшись газетой...

Надо же, думал Гриша, не стало СССР, и сразу куда-то исчезли узники совести капитализма, придурковатого вида американские рабочие, ужасы тамошней жизни. Где все эти пролетарии?

Гриша пересчитал купюры. На дорогу и кое-что про запас хватало. Шкатулка было опустошена. Марине он скажет, что деньги взял для дела, она его за это никогда не корила, хотя в успех Гришиных замыслов тоже не верила. Накануне они с Мариной обсуждали его поездку. Ее интересовало в основном, не едут ли с ними бабы? Но самое обидное заключалось в том, что Марина говорила: деньги просадишь, а толку не будет, все это полный бред, какую родословную тебе могут сделать, если твои родственники вообще из другой области...

Грише нечего было ответить. Он считал, что это была хоть маленькая зацепка. Не будь ее, он никогда не связался бы с Мигелем и никуда бы с ним не поехал. Он думал о ситуации, в которую попал, связавшись с этим армянином испанского происхождения, что все это от полного отчаяния и безысходности. Он напоминал сам себе девушку, которая, отчаявшись выйти замуж, хватается за всякого встречного-поперечного. Он слышал от психологов, что женщину проще обмануть, чем мужчину. Теперь он приходил к выводу, что обмануть можно кого угодно, только надо знать, какие струны в душе затронуть; даже солидного, богатого и серьезного мужчину, который, казалось бы, сам перехитрил всех, кого мог, легко «развести», если завести речь, например, о какой-нибудь редкой вещице, которой у того еще нет в коллекции.

Итак, в условленный час Гриша подкатил на своей машине к станции метро, где его уже поджидал Мигель и «некто» Валера, о котором речи пока не шло.

– Так надо, – сказал Мигель твердо. – Мой хороший знакомый. Без него не обойтись.

Мигель сел рядом с Гришей, Валера забрался на заднее сиденье.

Было хмурое зябкое утро. Народа на улице почти не было, только кое-где мелькали дворники в оранжевых жилетах да такого же цвета техника убирала выпавший за ночь снег.

Снегу намело много, да еще порывистый ветер наметал небольшие сугробы на дороге, так что приходилось пробиваться сквозь них, увеличивая скорость при проезде. Если здесь так, что же на трассе? – невесело прикидывал Гриша. – Надо было летом ехать, зимой в России нормальные автомобилисты дома сидят.

Мигель заметил Гришино настороженное настроение, заговорил приподнято:

– Мне Валеру бог послал... Мы с ним в ночном клубе познакомились, в боулинг вместе играли. Он сам из Брянска, а тетя его в ЗАГСе работает. Там мы документы и сделаем. Так, Валера? – обернулся к нему Мигель.

– Не понимаю, зачем вам это нужно? – сказал Валера, закуривая. – Заняться, что ли, нечем?

– Я ж тебе толковал уж раз десять, – добродушно заметил Мигель, – только тебе, темноте, все равно не понять.

– Вы больно светлые, – огрызнулся Валера. – Я без родины не могу, я уж привык, а там что, как белая ворона.

– Ты ж никогда там не был, почему так думаешь? – заинтересовался Мигель.

– Потому что мне что-то подсказывает: других чувств к нам никто не испытывает.

– А тебе, значит, жертвой быть неприятно? – заметил Мигель.

– А чего тут приятного? Тебе может это подойдет, а мне это не надо?

– Тебе хочется победителем быть? – не без сарказма спросил Мигель.

Валера промолчал.

– Всё у вас так, – продолжал Мигель. – Вам бы громить, побеждать, в бой идти.

– Правильно, – согласился Валера. – Мы без врагов жить не можем, нам скучно, пить начинаем.

– Пить вы и без этого горазды, – негромко сказал Мигель.

Москва закончилась. Гриша вывернул на «киевку». Он любил выезжать из Москвы. Было ощущение, что вырывается из каких-то стальных тисков, из царства суеты, пробок, неразберихи и бесконечной озлобленности.

За богатство и роскошь Москвы коренным москвичам приходилось дорого платить, хотя и не участвовать в дележе... – платить своим временем, своим здоровьем, своими нервами. А тут, вне Москвы, – и простор, и воля. Иногда Гриша даже в мыслях рисовал себе, как живет в деревне, у него – хозяйство, жена, дети, все довольны, питаются натуральной, здоровой пищей, не знают исчадия московских пробок, очередей... Так Гриша и ехал с мечтательными мыслями жить за городом, в спокойствии, сытости и воле, – с хозяйством, с многочисленным семейством.

17

В город назначения приехали уже затемно. Сунулись в пару гостиниц, Одна оказалась на ремонте, в другой запросили такую цену, что Мигель сравнил ее с лучшими отелями Майами... хотя Гриша вполне обоснованно подозревал, что номера этой звездной гостиницы, прокуренные, затхлые, с просиженными креслами. Грише вообще захотелось домой. Он поймал себя на мысли, что даже соскучился по Марине.

Их окликнул охранник гостиницы:

– Тут неподалеку квартира сдается... Я думаю, вас устроит. Хозяйку зовут Любовь Петровна... Поку-

рите пока. Она подойдет, я позвоню.

Вскоре появилась невысокая полная женщина с симпатичными чертами лица. На ней был легкий платок и короткий каракулевый полушубок.

– Две комнаты и кухня с диваном... Если хотите поужинать, это тоже можно устроить... За отдельную плату, конечно.

Цена за предложенную ей квартиру и харчи вполне устроила.

Благополучно переночевав, утром другого дня друзья отправились в местный ЗАГС, на поиски Валериной родственницы.

В учреждении, поплутав из кабинета в кабинет, они наконец подошли к двери, где предположительно о «родственнице» что-то знали, с надписью «архив».

– Сюда нам и надо, – шепнул Мигель.

– Еще неизвестно, – буркнул Валера.

Гриша переложил из одной руки в другую пакет с коробкой конфет и бутылкой шампанского – на случай встречи с Валериной родней.

Когда они вошли за дверь, оказались в просторном помещении. Яркий свет пробивался сквозь стройные ряды стеллажей. Гриша тут же почувствовал с детства знакомый и какой-то особенно близкий запах книг, типографской краски. Этот запах напомнил ему школьную библиотеку; раньше было принято ходить в библиотеки и брать домой книги. А главное – эти книги на перемене между собой школьники обсуждали! ...Однажды среди подобных стеллажей Гриша встретил Адриана Тимофеевича. Тот стоял на табурете и что-то выискивал на верхних полках.

– Расторгув! – обрадовался он. – Читай, читай больше! То, что ты прочитаешь в детстве, останется с тобой на всю жизнь... Ты знаешь, почему советский народ самый читающий народ в мире?

– Нет, – ответил Гриша.

У Адриана Тимофеевича, по всей видимости, было хорошее настроение, и он рассмеялся:

– Конечно, не знаешь. А ведь просто – книги у нас тоже дефицит. Иметь хорошую книгу дома – это престижно, а уж если у тебя собрание сочинений – это вообще писк моды. А насыть книгами магазины, их и брать, и тем более читать никто не будет... Это как болоньевые плащи. Был дефицит – каждый хотел иметь у себя такой, а как завезли во все магазины, никому этот болонь стал не интересен.

Гриша тогда даже не понимал, о чем это он... Ему казалось, будь хоть какой-нибудь приключенческий роман в свободной продаже – это было бы счастье. Но когда начались времена свободной торговли, в библиотеке Гришиных родителей стали появляться все новые и новые книги, но все меньше и меньше оказывались прочитанными.

...Наконец вошедших заметили.

– Молодые люди, вам кого?

К ним вышла высокая седая женщина, в больших очках.

– Мы тетю ищем, – ответил Гриша.

Женщина рассмеялась, на ее смех появились Мигель и Валера.

– Вы случайно не Люся? – кинулся спасать положение Мигель.

– Я Людмила Михайловна Самохина, – представилась женщина добродушно.

– Ну, наконец-то! – радостно провозгласил Мигель. – Нашлась наша тетя, Валера!

Удивленно глядя на Мигеля, Людмила Михайловна произнесла:

– Таких племянников у меня точно нет, да и быть не могло... Ни я, ни мои родители южнее Киева никогда не выезжали...

– Не я в племянники набиваюсь. Вот, наш друг Валера.

– Вы откуда родом, из Борисова? – осторожно спросил Валера.

– Это рядом с нами, совсем рядом, можно сказать, продолжение нашего села, – растерянно ответила Людмила Михайловна. – Так я вас, должно быть, знаю... – Она немного помедлила, потом всплеснула руками. – Вы Костин Валера, сын Марии Григорьевны.

– Он самый... – виновато пробормотал Валера.

– А мы уж и не думали тебя когда-нибудь увидеть. Вот так встреча! Людмила Михайловна подошла к столу и стала отодвигать стулья, приглашая всех присесть. – Вот так встреча! – повторяла она.

Мигель радостно выхватил пакет у Гриши и бухнул на стол шампанское:

– Думаю, такую встречу надо отметить!

Людмила Михайловна слегка удивилась:

– Я, мои дорогие, спиртного за всю жизнь в рот не брала, так что вот вам чашки, стаканов нет. – И с этими словами Людмила Михайловна нагнулась к ящику стола, извлекла три чашки, две из которых были с отбитыми ручками.

Вскоре в чашках зашипело и запенилось...

– Ну, за возвращение после долгой разлуки, – весело произнес Мигель.

– Да, за возвращение. – Валера покраснел и быстро выпил.

Гриша решил, что может позволить себе расслабиться: перемещаться по городу они планировали на такси. Он после дальней дороги осушил свою чашу с радостью. Людмила Михайловна продолжала смотреть на Валеру. Причем взгляд ее менялся от любопытства до строгости и кроткого сожаления.

– Я вашей семье человек посторонний, хоть и родственница дальняя, но раньше думала, увижу тебя, Валера, – такого наговорю, что сама не поверю... Теперь слов грубых говорить не хочется, а на душе тяжесть тяжелая... Ты и сейчас вот сидишь и молчишь. Другой бы бросил всё и сразу поехал, полетел...

– Не могу я так сразу, – виновато бормотал Валера. – Столько лет не был. Вы не думайте, мне иногда Димка сосед звонил, он в Москве тоже работает.

– Да что мне думать, – вздохнула Людмила Михайловна, – мне плакать хочется.

– А кому не хочется, – встрепенулсЯ Валера. – Я, думаете, на курорте прохлаждаюсь? Да у меня семья, ребенок в школу ходит.

– Все это так... – еще горше вздохнула Людмила Михайловна. – Но мать это тоже семья, твоя семья!

– Я ему каждый день об этом толкую, – вмешался Мигель. – Ну хоть вы ему мозги вставьте. Вас он послушает.

– Никого он уже не слушает, – горько усмехнулась Людмила Михайловна. – Кончилось время авторитетов. Это мы раньше старших боготворили.

– Да вы знаете, – спросил Валера, – сколько стоит, чтоб к матери приехать? Билет туда-сюда. Да с пустыми руками не поедешь – вот еще деньги. Потом приедешь, вечно – то крыша худая, то крыльцо сгнило. Делай, давай... А у меня ни времени, ни денег нет. Да я на эти деньги дочь в школу соберу, а если я ее не соберу, кто ей поможет?! – Валера злобно усмехнулся. – Ребенок ждать не может, он растет, у него детство не резиновое...

– Мать тоже ждать не может, ей с каждым годом все трудней... – Людмила Михайловна безнадежно махнула рукой.

– Мать жизнь прожила, знает что почем. Она сама мне всегда говорила – устраивай свою жизнь, о себе думай, больше о тебе думать некому. Я сама протяну, мне, мол, не привыкать, войну пережила и это переживу... А я каждую копейку на семью трачу!

Валера судорожно схватил бутылку и разлил остатки по чашкам. Людмила Михайловна перекрестилась со словами:

– Силен антихрист, Господи помилуй. – Чуть позже она обратилась к Валере: – Возвращался бы ты назад в деревню. Да семью свою привози. Мы тебя тут подлечим, глядишь, и получится что-нибудь...

– А чем будете лечить? – поинтересовался Мигель.

– Молитвами, дружок, молитвами, – снисходительно отвечала новая родственница Валеры. – Только так можно ему помочь.

Людмила Михайловна куда-то ушла за стеллажи, оставив друзей одних.

Мигель скорчил недовольное лицо:

– Крепкий орешек. Долго с ней возиться придется... Приехали за путевкой в светлое будущее, а приглашают в деревню переехать – здорово!

А Грише дальняя родственница Валеры понравилась. Он любил спокойных, с достоинством людей. У Людмилы Михайловны было и то и другое. Но и Гришу беспокоило главное – цель поездки...

Вскоре Людмила Михайловна вернулась с чайником.

– Давайте пить чай, – сказала она, и помещение наполнилось запахом не только чая, но и мяты, ромашки, зверобоя... – Оторваны вы, ребята, от чего-то главного, – говорила хозяйка архива. – Вот и болтаетесь в жизни, как в море, а море стихия непостоянная, чуть что не так, тут же буря, шторм – все смыло, все течением унесло. Строй заново, как говорится, а вам земля твердая нужна.

– Где ж ее взять? – спросил Мигель.

– Искать надо. Сказано же в Библии: ищите да обрящите.

Мигель поморщился:

– Библия это теория, а нам жить надо. Хватит, отучились, вон Гриша, – Мигель кивнул в его сторону,

– десять лет учился, а что толку, нигде на работу не берут. Говорят, нам практики нужны, а некоторые даже разговаривать боятся, конечно, сидят на своих теплых местах с купленными дипломами. А возьми такого как Гриша на работу, он им конкурент первейший, а следовательно, враг злейший...

Гриша изумился этой речи Мигеля, ибо он ему этого не рассказывал.

– И не помогают ему ни диплом, ни отсутствие вредных привычек. И не то, что не помогают, а мешают. Был бы неучем, может быть, сжалились бы, взяли серой мышкой. Любил бы выпить – глядь, и знакомств бы больше было. А алкоголики, они до самого верха сидят, а тут – везде провал...

«И откуда Мигель все это знает?» – мысленно изумился Гриша.

– Теплых мест мало, а людей много, – говорил Мигель. – Всем не хватит, потом жизнь короткая. Не успел я что-то сделать, оглянулся, а она пролетела...

Тут вмешался Валера:

– Чего говорить, мучение сплошное. Утром глаза откроешь и думаешь – неужели ночь кончилась?

– Да что ж у вас там, в Москве, происходит, – воскликнула Людмила Михайловна. – Кругом – кресты да купола над городом, а кто ж в городе правит-то?

– Деньги! – отрезал Мигель.

Людмила Михайловна покачала головой:

– Да, нынче деньги страшные, сильны как никогда... Нам это батюшка часто говорит, отец Алексей.

– Как никогда? – переспросил Гриша.

– Да, отец Алексей так говорит, – подтвердила Людмила Михайловна. – Я вас при случае с ним познакомлю. У нас в селе храм открылся. Он еще не совсем в должном состоянии, но службы идут по выходным. Ну и в праздники отец Алексей приезжает. – Она обратилась к Валере: – Ты же помнишь, Валера, нашу церковь?

– Помню, как не помнить, – тускло отозвался Валера. – Мы в детстве с мальчишками на колокольню лазили да в подвалы церковные.

– Ох, Господи! – произнесла Людмила Михайловна. – Когда же люди русские одумаются, прозреют? Когда перестанут отвергать свои святыни?

– Никогда, – заявил Валера. – Кто мог одумываться, тех уж нет, а другие, если и одумаются, то ничего не изменят.

Некоторое время все сидели молча, пили чай.

– Жалко мне вас, молодых, – наконец вздохнула Людмила Михайловна.

– Вот и помогите нам! – сказал Мигель настойчивым тоном, глядя в упор на хозяйку архива. – Помогите, мы к вам как к матери... Больше нам никто не поможет...

Людмила Михайловна даже чуть испугалась:

– Чем же я вам помогу?

Мигель выдержал многозначительную паузу и заговорил:

– То, что я вам сейчас скажу, может показаться абсурдным на первый взгляд. Но все-таки постарайтесь понять... Я и вот Гриша – мы не можем больше жить в этой стране, все мы дошли до той черты, когда находиться здесь больше нет никаких сил – ни моральных, ни физических. Здесь у нас нет ни будущего, ни настоящего. Это решение мы для себя приняли – выбраться отсюда чего бы это ни стоило. Но уехать напрямую мы не можем. Нас никто не возьмет, да и не пустит, еще и депортируют... Родственников за границей у нас, увы, нет, остается рассчитывать только на себя... – Мигель передохнул: – Когда-то на территории вашей области, до войны, жили евреи. Потом война, кого-то расстреляли, кого-то в лагерях сгноили, кого-то в Германию угнали. Среди либо тех, либо других были и мои предки по материнской линии. А точнее, моя бабка. Мне необходимо восстановить ее документы.

– Свидетельство о рождении? – спросила Людмила Михайловна со знанием дела.

– Да, свидетельство, – утвердительно кивнул Мигель.

– Это проще простого, – сказала Людмила Михайловна. – Дадите мне фамилию, место и год рождения, и все. Я сделаю запросы, и получите свидетельство, не переживайте.

Мигель поморщился:

– Если бы было все так просто, я бы не переживал.

– А что такое?

– В свидетельстве у бабушки в разделе национальность должна стоять «еврейка»... Вы меня понимаете? – он вперил взгляд в Людмилу Михайловну.

– Ну, ладно, – Она, вероятно, потихоньку начала вникать в тему и понимать, что от нее хотят. – Лад-

но, – повторила она. – Давайте запросы сделаем, а там видно будет.

Мигель улыбнулся.

– Сколько уйдет времени на это?

– Дня три уйдет... Надо запрос в район отвезти... Заодно Валерий с мамой свидится, больница по дороге...

Больше никто не хотел напрягать Людмилу Михайловну сегодня. Распрощались.

Когда вышли из архива, все остро захотели есть, а Валера – выпить.

Мигель вышел на проезжую часть в поисках такси. На взмах его руки остановились старенькие «жигули» желтого цвета, за рулем был дед в черно-белой шерстяной кепке и телогрейке защитного цвета.

Мигель с трудом открыл пассажирскую дверь.

– Отец, где у вас тут пообедать можно?

– У горсовета, возле памятника Ленину. Там кафе новое открылось. Говорят люди: ничего.

– Ну давай тогда в «ничего»! – весело сказал Мигель.

Ленин стоял с вытянутой правой рукой, на которой были отбиты несколько пальцев, на голове у него сидел голубь. Вокруг был разбит небольшой сквер. Деревья стояли, поблескивая инеем на мутном, как бы заспанном солнце.

Взглянув на памятник, Грише пришли на память слова Адриана Тимофеевича о работе и труде.

– Удивительно, говорил мой учитель, – сказал Гриша товарищам. – В истории человечества людей пытались всегда научить либо приучить работать. Если человека не удавалось научить работать – его всегда можно было приучить работать.

– Ну да, – согласился Мигель, – в концлагерях в основном приучали.

– Не только, – возразил Гриша, – дикарей тоже приучали, только потом, когда труд в их жизни стал неотъемлемой частью, можно было вести речь о научении их каким-либо сложным ремесленным навыкам... А вот в России мы видим обратный, доселе невиданный процесс – русских людей сейчас отучают работать...

– Ты упрощаешь, – сказал Мигель, а Валера добавил:

– Этих там европейцев тоже отучают от труда.

– Да, но их отучают роскошью, – добавил Мигель. – Зачем работать, если и так все есть. А у нас, зачем работать, если ничего нет, и все равно ничего не будет.

– А я считаю, что неравенства вообще быть не должно! – заключил Валера.

– Мы живем с вами сейчас в самое прекрасное время! – вдруг заявил Гриша. Мигель и Валера уставились на него. – Прекрасное, но в то же время трагическое, – продолжил Гриша. – На нашем времени заканчивается эпоха чувственного восприятия человека, причем это не просто конец – это катастрофа. С каждым годом это будет заметней и заметней. Но в мире все уравновешенно: что для одних катастрофа, для других закономерный процесс. Посмотрите, каждое последующее поколение детей все больше погружается в ирреальный компьютерный мир. А где же те, кто будет любоваться красотой природы, красотой человека и человеческих отношений?.. Со временем человек научится жить на плоской поверхности. Так что спешите любоваться...

– Чтобы любоваться, надо сытый желудок иметь, – заметил Валера.

Они вошли в кафе под нарядной вывеской «Уездный трактир».

– Не буду отрицать, – согласился Гриша.

– А здесь не дурно, – оглядевшись, сказал Мигель.

Их взгляду представилось большое отделанное помещение светло-зеленого цвета, со столиками, накрытыми зелеными скатертями. По стенам располагались ниши, в которых можно было лицезреть белоснежные скульптуры старинных мифических богов: Венера, Апполон, Геракл.

– Похоже, здесь нас не отравят, – усмехнулся Гриша.

– А водка-то тут есть? – громко спросил Валера.

– Не сомневайся! Есть! – заверил Мигель. – Водки в России много.

За обедом они трепались о чем угодно, только не прикасались к теме: за чем они приехали, – будто не хотели сглазить.

Валера быстро захмелел. Да и пил он изрядно. Настал момент, когда Валера начал скандалить, обзывал Мигеля «сукой», твердил, что у него умирает мать, а потом обзывал дурными словами официантку, похоже, китаянку по национальности. Из кафе им поскорее пришлось ретироваться. На квартире они с трудом уложили пьяного бузотера спать, стащив с него куртку и ботинки.

18

В дверь неожиданно постучали. Их пришла навестить хозяйка Любовь Петровна.

– На ужин приглашаю к себе... В гости приглашаю, – улыбнулась она. – Вы птицы столичные, что-нибудь нам с Анжелой интересное расскажете.

– Кто такая Анжела? – спросил Гриша, девушка по имени Анжела стала почему-то для него сразу интересной.

– Моя племянница. Она здесь неподалеку живет...

– Хорошо, мы придем, – согласился Гриша.

Мигель, который и был во всем инициатором, даже удивился, проговорил в поддержку товарища:

– Конечно, конечно...

Как только Любовь Петровна ушла, Гриша с опаской спросил, кивнув в сторону спящего Валеры:

– А с этим что? Не брать же его на званый ужин.

– Купим ему пива и оставим здесь. Проснется, пива выпьет и опять отрубится... – сказал Мигель. – У него другого выбора нет.

Они устроились на кухне, закрыв дверь, чтобы не слышать храпа Валеры. Закурили.

– Я понял, Мигель, что вся фишка в том, – заговорил Гриша наконец-то о самом главном, – что твоя бабушка не была еврейкой, а тебе нужно, чтоб в свидетельстве о рождении было написана «еврейка».

– Тогда автоматически моя мать – еврейка, и я еврей. У них же родство по матери.

– А что тебе это дает?

– Именно еврейство – ничего, кроме возможности уехать в Израиль. А туда меня не тянет, – ответил Мигель.

– Почему? Это тоже граница, – поинтересовался Гриша.

Мигель усмехнулся:

– Я же не еврей. Что мне там делать? Как ты сказал, фишка-то в другом... Эти места были оккупированы немцами. Значит, мои родственники могли быть расстреляны или угнали куда-то...

– А что это дает?

– А это уже, дружище, не Израиль, а Германия.

– Ты же говорил про Францию, – напомнил Гриша.

– Да один черт, – отмахнулся Мигель. – Какой вариант быстрее, тот и будем разрабатывать... Я тебе, Гриша, сейчас свой план растолкую, чтоб ты тоже в курсе был.

Гриша сосредоточился, ведь этот план был для него важнее всего на свете.

– Здесь мы решаем вопрос по моему свидетельству – это как минимум, – четко заговорил Мигель. – Если удастся, то и тебе состряпаем свидетельство – это план максимум. Но это вряд ли... У тебя же не отсюда корни... На такой подлог тетка Валеры вряд ли пойдет... Нам нужен запасной вариант. А именно, я получаю свидетельство, потом еще в военно-историческом архиве кое-какие справки нужно будет взять, ну это ерунда... В Москве прохожу в посольстве процедуры по отъезду, потом – сваливаю...

В этом монологе Мигеля Гриша даже улыбнулся, это слово показалось ему сейчас совсем не вульгарным, а нормальным, даже очень звучным.

– В Германии я быстренько обустроиваюсь. И жду тебя. – Он посмотрел в глаза Грише, это было нечто вроде знака верности в дружбе. – Ты по обыкновенной туристической визе приезжаешь ко мне. И остаешься.

– Как же я останусь? – недоумевал Гриша. – Меня в два счета оттуда выдворят.

Мигель покачал головой:

– Там с людьми так не поступают. Никто тебя не выдворит. Выдворить – это целая процедура. Ты же прошение подашь. Пока его будут рассматривать, ты уже и на работу устроишься, я об этом позабочусь еще до твоего приезда. И языковые курсы закончишь... Так что вот тебе мой запасной план. – Мигель был явно доволен собой. – А ты знаешь, сколько наших в Германии?! В беде не оставят.

«Кто это наши?» – мысленно спросил себя Гриша, но уточнять у Мигеля не стал.

– Пойду и я подремлю перед званым ужином, – сказал Мигель и ушел с кухни.

Гриша остался один. Не просто один в помещении, но и в чужом городе, вдали от Марины и родителей, и каких-либо родственников, и привычного жизненного уклада. Он смотрел в окно, где сгущались сумерки, а на небосклоне обрисовалась пока еще блеклая луна. Думал он, конечно же, о том, что сказал Мигель. С одной стороны, все было очень туманно, с другой – разве мечта исполнится в одночасье – нет, такого не бывает. Но главный сейчас вопрос, кто есть Мигель? – помощник или просто хитрец, который

его использует. Если хитрец и использует, то как? Денег не брал, даже в кафе сам расплатился; использует в качестве водителя – тоже вряд ли, доехать он бы и сам смог, тогда зачем? Ну да ладно, пусть Мигель здесь делает то, что делает, а он, Гриша, все равно ничего не теряет. А если Мигель уедет в Германию и там растворится?... Гриша вздохнул. Он еще раз поглядел на луну. Стала наваливаться тоска, – тоска не просто житейская, а какая-то вселенская...

«Если вылететь из этого окошка, – думал Гриша, – на чем-нибудь, то можно лететь и лететь, лететь и лететь в бесконечность, все дальше и дальше от Земли. Вот если бы мне сейчас предложили такой полет с условием, что сюда больше не вернешься, а полетишь к мирам, неведомым и далеким, смог бы я отказаться? – спрашивал сам себя Гриша. И отвечал: – Отказаться от такого полета можно, только ради кого-то. А ради кого мне отказываться? Ради Марины? Не думаю, что она это оценит. Ради родителей? – это тоже будет полуправдой... Единственный, ради кого можно было бы не полететь, так это ребенок, родной ребенок. Но у меня его нет. Следовательно, по большому счету, меня здесь ничего не держит... – полушепотом сказал Гриша. – Даже было бы лучше, если б мне такое путешествие предложили...»

Все-таки внутри Гриша чувствовал некую безысходность и понимал, что если безысходность станет главенствующим фактором в жизни, то мало-мальски нормальной жизни и не будет. Примеров тому тьма. Вот храпит Валера. А сколько их, таких валер бродит по Москве, сидят в своих квартирах, с трудом заставляют себя утром встать с кровати, чтобы пойти куда-то... Как в мертвых домах. Да и какой смысл куда-либо идти, если нигде все равно не ждут. Гриша готовил себя к тому, что вся история с отъездом может оказаться мыльным пузырем, только что вот делать потом? Он боялся того момента, когда придется что-то решать.

19

Гриша умылся, побрился, привел себя в божеский вид. Мигель выглядел очень свежо, к тому же он переоделся в розовый джемпер и от него пахло туалетной водой.

– Теперь – к дамам!

Настроение у обоих было не дурное.

Идти было совсем рядом – всего лишь подняться на другой этаж. Они подошли к двери, обтянутой черным дерматином, с узорами в виде ромбиков из золотистой проволоки. Мигель нажал звонок, послышалась трель, черная дверь распахнулась, и на пороге показалась принаряженная, надушенная хозяйка Любовь Петровна, с распущенными русыми волосами до плеч, в песочного цвета блузке и в кремовой юбке чуть выше колен.

Она приветливо пригласила гостей в дом. Мигель взял ее руку, поднес губам и слегка дотронулся:

– Вы сегодня очаровательны, – сказал он.

– Проходите, гости дорогие, – зарделась хозяйка.

Мигель и Гриша вошли в квартиру, где во всем чувствовался уют. По стенам висели вышивки и картины. Кое-где в вазах стояли композиции из сухих цветов. В гостиной стоял накрытый стол. А вскоре из другой комнаты появилась и племянница Анжела, милая девушка с большими синими глазами; Гриша даже почувствовал, что краснеет. Он не мог ответить еще, понравилась она ему всерьез или нет, но была очень приятной. Мигель тоже кинулся целовать ей руку, и Гриша слегка его приревновал к ней, мимоходом подумал: пусть лучше к хозяйке клеится...

Когда садились за стол, Гриша выбрал место рядом с Анжелой; Мигель сел возле Любови Петровны.

– Угощайтесь, дорогие! – сказала она.

– С чего начнем? – по-хозяйски спросил Мигель.

А начинать было с чего... Хозяйка основательно подошла к выбору блюд и сервировке стола: яичница с беконом, селедка под шубой, оливье, соленья, пирожки... венчала стол бутылка сухого вина. И хитроумный Мигель, оказалось, захватил с собой еще и коньяку в плоской оригинальной бутылке.

«Прекрасно, превосходно, пальчики оближешь и прочие там: супер, классно!» – гости нахваливали угощения, которые Любовь Петровна торопилась накладывать для дегустации.

– А чем вы занимаетесь? – спросила Анжела.

– Археологией, – гордо произнес Мигель.

Анжела посмотрела на Гришу, будто ждала подтверждения этих слов.

– Да, – ответил Гриша, он уже выпил, его слегка разобрало, и он готов был подыграть приятелю. – Мы пока занимается архивными поисками, а летом приедем с экспедицией, на раскопки...

– Что же вы ищите?

– Счастье прошлых веков! – вставил Мигель.

– Нас интересует культурный слой (это Гриша где-то выслушал на экскурсии), который остался от древних монастырей...

Говорил он с умным видом, и не поверить ему было нельзя.

– А вы чем изволите заниматься? – наконец поинтересовался Мигель у дам.

– Как все... – ответила Анжела. – Работа в конторе, дом, телевизор... Развлечений никаких.

– А мужчины? – вдруг спросил Гриша, хотя никогда не был сердцеедом.

– Да какие мужчины?! Если кто-то был приличный, того уже прибрали, обженили, а остальные или алкаши, или придурки...

– А вы приезжайте к нам в Москву. С вашим обаянием такого жениха выберете... – сказал Мигель.

– Да, да, – подтвердил Гриша и, даже осмелев, положил свою руку на руку Анжелы и слегка пожал. – Вы очень красивая девушка...

Странное все-таки что-то в жизни творится, – думал между делом Гриша. – Здесь такие красивые бабы семью завести не могут... Нормальных мужиков нет... Вот по улице идешь, вроде все нормальные, ничем особо не отличаются друг от друга, а коснись каждого в отдельности... Каждый со своими тараканами в голове. Или монстр какой-то... Вот Мигель почему не женится? Почему у него семьи нет? Почему не хочет жить нормальной жизнью? Да ведь и он, Григорий Расторгуев, разве хочет жить обыкновенной «нормальной» жизнью, которой живут миллионы соотечественников?!

– Развлечений для молодежи, действительно, мало, – сказала Любовь Петровна. – Концерты разве что... Вот сегодня, к примеру, у нас Задорнов выступает... Эх, как бы я хотела попасть! Да, говорят, билетов нет. Вернее, билеты есть у перекупщиков.

– Достать билеты – это не проблема! – бодро заявил Мигель. – Я приглашаю вас на концерт!

Гриша тут же стал отказываться: во-первых, было жаль денег, а во-вторых, не хотелось смотреть на Задорнова. Гришу поддержала и Анжела, она тоже смотрела на всю затею достаточно кисло... Но Мигель, видно, раздухавшись, доказывал, что пройдет на любой концерт.

В конце концов на концерт отправились Мигель и восторженная Любовь Петровна, а Гриша остался с Анжелой пить кофе.

Когда хозяйка и шумный Мигель ушли, в доме стало тихо и еще как-то уютнее. Гриша и Анжела пили кофе, перебрасывались какими-то незначительными фразами, и тут Гриша почувствовал необыкновенную тягу во взгляде Анжелы: ее голубые глаза магнитили его, завораживали. Гриша и сам толком не понял, вероятно, коньяк придал смелости, как встал из-за, подошел к выключателю, погасил свет, а потом обнял Анжелу и прильнул к ее губам своими дрожащими от волнения и возбуждения губами. Всё произошло естественно, просто и очень неплохо для первой интимной близости, Анжела оказалась и опытна, и не глупа в постели. Гриша поплыл в ее объятиях.

Но когда снова зажегся свет, Гриша стеснялся Анжелы, прятал взгляд, а потом скоро ушел из гостей, обещаясь, что позвонит ей завтра, хотя не спросил даже номер мобильного телефона.

Оказавшись у себя на квартире, в кухне, Гриша жадно попил воды прямо из-под крана, внутренне поздравил себя с мужской победой, но вскоре и загрустил. Словно незримый судья предстала Марина. А вдруг она догадается, а еще хуже, вдруг что-то... от этих провинциальных красоток все можно подцепить. Уж лучше бы и не связываться с ней.

20

Пока Гриша страдал в отъезде, в Москве в следственном изоляторе гражданин Строков усердно обдумывал: почему же все-таки нельзя зарекаться от тюрьмы. Вообще Андрей Строков принадлежал к тому типу людей, который действует быстро, думает недолго, но, оказавшись в подобной ситуации, впадает в депрессию, ибо времени подумать много, а что-либо сделать или предпринять невозможно. К тому же статья ему светила приличная, а помощи ждать было неоткуда. Из родственников – только одинокая мать, живущая в Подмоскovie и, пожалуй, всё.

Прокручивая в голове события того злосчастного вечера, он и сам не мог ответить на вопрос – как всё случилось, хотел он этого или не хотел. Как показывает жизнь: случайное – это зачастую следствие закономерного... Ревновал ли он Вику к Куприянову? Да, ревновал! Ненавидел ли он своего начальника? Да, ненавидел! Завидовал ли он ему? И тут ответ положительный. Значит, все-таки не случайно он взялся за нож. Выходит так, а алкоголь только способствовал этому. Но травмы Куприянову он не хотел наносить. Это тоже точно. Получается, какая-то неведомая сила опустила, а точнее, направила острие

прямо на то место, где была Куприянова рука. Сила неведомая, но отвечать-то самому Андрею Строкову.

Но даже здесь, в тюрьме, он понимал, что был не в силах изменить череду событий того вечера. Ведь корень всего происходящего, первопричина всех событий – Вика. А точнее – его к ней любовь, и как нельзя отменить любовь, так нельзя было отменить и тот вечер. Но неужели Вика, это та роковая женщина, которая своими чарами довела его до тюрьмы?! И да, и нет. Строков нередко со злобой спрашивал сам себя: как можно любить губастую смазливую пустышку? Н, он же в конце концов мужчина. Кому-то безразлично, как она заходила в офис, как грациозно снимала норковую шубу, как перебирала документы на столе красивыми длинными пальцами, как шла по коридору, виляя бедрами, и как он готов был идти следом за ней бесконечно долго... И главное – при этой мысли к его лицу прилиwała кровь, а в висках начинало стучать, главное – всем этим существом легко без усилий, без какого-либо морального и физического напряжения мог владеть ненавистный Куприянов. Вот это-то было особенно болезненно.

И где же справедливость?! – негодовал Андрей. Куприянову и деньги, и машина, и квартира, и жена, и еще Вика. А ему только ее фотография перед сном на мобильнике.

Как же мучился Строков, когда представлял себе Куприянова, этого жирного неуклюжего ублюдка и Вику, стройную, грациозную, сексуальную в номере какой-нибудь дорогой гостиницы! Его даже иногда подмывало позвонить куприяновской жене. Это для начальника было бы крахом. И Строков бы позвонил, если бы этот звонок хоть на миг приблизил тот момент, когда Вика стала бы его, но даже если завтра Куприянов навсегда исчезнет с лица земли, Вика не станет его. Получается: без денег, без статуса – ему не выдать Вики как своих ушей. Но чтобы заработать денег, нужно время, а ему Вика нужна сейчас, сегодня...

В момент его размышлений что-то гроыхнулось на пол, Андрей очнулся. Он вспомнил, где находится. Вокруг – нагромождение нар, с коих свисали ноги, одеяла, какие-то тряпки. Несмотря на мороз на улице, в камере царил духота, хотя окно было открыто.

– Земляк, у тебя закурить есть? – обратился к нему лысый сосед сверху.

– Откуда? – ответил он вопросом на вопрос.

Лысый ловко спустился сверху и сел к нему на нары рядом.

– Тогда угощайся моими, – он протянул Андрею пачку «Беломора».

Андрей судорожно взял папиросу. На воле он такие бы никогда курить не стал, а тут трясущимися руками держал папиросу и испуганно озирался вокруг, ища огонька. Лысый чиркнул спичкой. Строков прильнул папиросой к огоньку, жадно затянулся. Лысый дождался, пока Андрей насытится табаком, и спросил:

– За что взяли-то?

Андрей закашлялся с непривычки от курения, постучал себя ладонью в грудь:

– Не знаю, недоразумение.

Соседа звали Коля, Строков порадовался этому неожиданному знакомству.

– Говоришь – недоразумение... Я вот тоже первый раз думал, что недоразумение, на второй тоже, а вот в третий уже и думать перестал, просто жизнь и все, – сказал Коля. – Если тюрьмы есть, значит, в них кто-то сидеть должен. Правильно?

– А почему именно мы? – удивился Строков.

– А почему не мы?

– А если ничего не совершали... – произнес Андрей и осекся.

– Ты по улице ходишь? – усмехнулся Коля. – Ходишь. Вот я назову тебе минимум три причины, за которые тебя можно упечь. – Коля стал загибать пальцы. – Паспорта нет – раз, спиртное распивал в неположенном месте – два, представителя власти оскорбил, угрожал – три. А еще наркотики, а еще грабеж магазина в прошлом месяце, тебе мало?

– Так любого могут упечь, – подытожил Строков.

– И упекают, – многоопытный, подтвердил Коля, на теле у него красовались татуировки.

– Как же жить?

– Как можешь. Но все об одном мечтают.

– Это о чем же?

– О смерти, конечно.

– И ты тоже?

– Не-е, я еще пожить хочу. Правда, не знаю зачем. Вот отмотаю срок – уеду к своим в Якутию. – Коля закачал головой, закрыв глаза, видно, что-то представлял себе в воображении. – Там красота и главное – этих паскудных существ, лудишек, мало. Все больше зверье таежное, а они закон знают, если голод-

ный, то насытиться должен. Насытился – все, сверх меры ничего жрать не будет... Там ты себя хозяином ощущаешь. К местным приехал – можно девку снять за бутылку...

Строков внимательней приглядывался к Коле. Во рту сверкала фикса, руки в наколках, разговаривая, часто сплевывал прямо на пол. На воле Строков вряд ли стал бы с таким толковать «за жизнь», но здесь любые знакомства были как отдушина.

– А чем там заниматься-то? – спросил Строков, стараясь проявить интерес к беседе.

– Ничем, просто жить. Зимой охота, летом рыбалка. Знаешь, рыба какая – во! – И Коля показал руку по локоть. – Хрень какую-нибудь на крючок оденешь, не успеешь забросить, глядь, уже сидит.

– А чего вообще уехал-то?

– Нельзя было не уехать. Все уезжали, и я уехал. Я ж не абориген какой-нибудь. Все ж я к цивилизации тянулся, думал, Москва – это рай на земле. А оказалось – ад. В Москве, как окажешься, так прям украсть чего-нибудь тянет. Видно, здесь воздух такой.

– Не знаю, я никогда не крал, – сказал Строков. – Разве только в детстве.

– Ну, видно, ты в детстве наворовался. А у нас негде было, разве что только у самого себя.

– Да, в детстве лучше было, – сказал Строков. – Беззаботней как-то. Жизнь, одним словом, была. Мне мать говорила: вырастешь, семья будет, дети, а у меня – внуки. Вырос, и вот что я ей теперь скажу, даже не знаю, как сообщить... А это что за люди? Таджики, что ли? – тихо спросил Андрей у Коли, оглянувшись вокруг и кивнув на нары.

– Они, родимые, – Коля сплюнул. – Их с каждым годом все больше и больше, и здесь все заполонили. Строков был удивлен, он не так представлял себе тюрьму.

– А их за что?

– Да за все подряд. Но большая часть за других сидит.

– Как это? – удивился Строков.

– Ментам надо раскрыть преступление, они таджика поймут – и на него все повесят. Им жаловаться-то некуда, вот поэтому их все больше и больше с каждым годом.

В этот момент лязгнул засов, все с интересом оглянулись на дверь.

Вошел конвойный и пробасил:

– Строков, на выход к следователю!

Надежда, как мимолетная искра, мелькнула у Андрея в сознании. Наконец-то – к следователю, сейчас расспросят и отпустят, думал он. И стремглав бросился к выходу.

– Стоять, куда летишь! – окрикнул конвойный. – Руки за спину.

Строков с удовольствием выполнял команды, потому что знал – это ненадолго. Это в последний раз.

Они шли длинными коридорами, лестницами, арками, поворотами, пока наконец не достигли зеленой двери. Около нее они остановились, и конвойный толкнул Строкова в спину со словами:

– Пошел вперед! – Строкову пришлось изрядно нагнуться, чтобы попасть в помещение за зеленой дверью.

В помещении его ждал следователь – молодой парень в строгом костюме с дорогими часами на руке. Парень имел короткую стрижку и чуть раскосые глаза.

– Следователь Чашин, – представился он вошедшему Строкову, не приглашая того присесть. – Отпираться нет смысла. Все всё видели, пиши чистосердечное – и в суд.

У Андрея помутилось в глазах, и как-то нехорошо свело желудок, очевидно, дала о себе знать язва. Он-то летел сюда на крыльях свободы, в предвкушении скорого выхода на волю, думал, как поедет к матери, отдохнет, потом будет искать новую работу, не возвращаться же ему к Куприяше. И тут как гром среди ясного неба.

– Чего молчишь, от радости в зобу дыханье сперло? – обратился к нему следователь.

Строков попытался что-то выдавить из себя, но получился звук, похожий на хриплый шепот.

– Ладно, – Чашин подвинул к себе какие-то бумаги. – После будешь охать, ахать, а сейчас подписывай вот здесь. Он выбрал из кипы листов один с каким-то текстом и, подвинув его Строкову, добавил:

– Подписывай и проваливай.

– Не буду! – прохрипел Андрей.

Следователя обуяла злоба:

– Что ты сказал, червь навозный! – заорал он. – Все улики против тебя, на, смотри! – и для убедительности потряс в воздухе кипой всё тех же листов. – Здесь и Пронина, и Виктория. Сейчас... – следователь замешкался, очевидно, запямятовал... – и ему пришлось обратиться к бумагам. – Вот, – ткнул он

пальцем в бумаги, – и Виктория Трифонова, все подписали... Да у тебя покушение на убийство. Подписывай, не усугубляй!

В эти мгновения Строкову казалось, что земля стала уходить у него из-под ног, в глазах помутилось, боль из области желудка стала расходиться по всему телу. Дальнейшие события Андрей не помнил. Очнулся он в лазарете, пахло нашатырем и хлоркой.

Приподнявшись, он увидел, как за столом сидел мужчина в медицинском халате и что-то писал.

– Очнулся? – спросил он, увидев, что пациент подал признаки жизни. И, не дожидаясь ответа на первый вопрос, попутно задал второй: – На медицинское обслуживание будете становиться?

– А что это? – спросил начинавший потихоньку приходить в себя Андрей.

– Это когда здесь, в следственном изоляторе, вам будут оказывать медицинские услуги. – Врач повернул к Строкову свое, с красными прожилками лицо.

– А они разве не всем оказываются?

На этом вопросе врач, очевидно, понял всю бессмысленность дальнейшей дискуссии и резко скомандовал:

– Конвойный! Увести!

Строков, пошатываясь, направился к двери. Потом, как будто опомнившись, прокричал врачу хрипловатым голосом:

– Буду! Конечно, буду записываться на медицинское обслуживание.

Врач тут же скомандовал конвоиру:

– Стой, назад.

Строков понял, что этим он хотя бы выиграет время и посидит еще немного в медицинском кабинете. Он вновь расположился на кушетке, пытаясь собраться с мыслями и вообще прийти в себя. Врач представился – Константином Львовичем.

– А вас, я вижу, – он держал в руке лист, – Андреем Борисовичем величают?

– Да, – произнес Строков. Ему непривычно резануло слух его отчество, он его слышал крайне редко, только в официальных учреждениях. На работе его отчество вообще навряд ли знали. Там отчество было только у одного человека – у Куприянова.

– Ну так вот, уважаемый Андрей Борисович, – продолжал врач, – стоимость месячного обслуживания у нас составляет двести долларов. – При этой цифре лицо Константина Львовича озарилось, он ощутил как бы свою профессиональную значимость. Строков машинально кивнул, и доктор продолжил: – Сюда входит возможность обращаться непосредственно к доктору по связи в любое время. Осмотр по желанию, но не чаще раза в неделю. Пребывание в лазарете двое суток. Но учтите, каждая услуга в принципе может быть пролонгирована по взаимной договоренности. Лекарства за отдельную плату.

Строков подумал: если бы врач знал, что у него нет денег даже на десятую часть услуг, которые он ему пытался всучить, то легко представить, что бы с ним произошло, возможно, даже приказал бы пытать током...

Андрей перенес потрясение после разговора у следователя. Он, конечно, представлял себе, что возможен и худший сценарий развития его дела, но особенно омерзительны были свидетельские показания людей, его бывших коллег, его, пусть и не любящей, девушки. Даже жить после этого не хотелось, и Строков как бы махнул на себя рукой. Иначе он бы не стал играть с тюремным доктором в опасные игры. А тут – будь что будет...

Доктор, огласив список услуг и прейскурант, уставился на Андрея, дожидаясь ответного хода... Строков молчал. Будучи человеком вспыльчивым, он не мог мусолить в своем сознании выражения типа: где у людей совесть, как они могли, побоялись бы Бога... Гнев вскипел в его душе: сволочи! Выйти бы ему отсюда, он бы им устроил, и Куприяше, и Вике, и тем, кто дал на него ложные показания...

– Вы меня слышите, молодой человек? – окликнул его доктор.

Андрей поднял на него мутный взгляд и неожиданно заорал:

– Пошел ты... шкура! На чужом несчастье наживаешься, отродье!

Доктор не ожидал такого поворота, резко вскочил со стула, бросился к дверям. Строков – за ним, попутно схватив со стола перекидной календарь на увесистой подставке. На шум в двери показался конвойный и ударом осадил Строкова. Подоспели и охранники. Строкова скрутили. Потрепанный Константин Львович нервно тряс разбитыми очками, которые уронил на бетонный пол в суматохе.

– В карцер его! – выкрикивал доктор. – В карцер!

Строкова, скорее, не вели, а тащили по коридорам. Так как он пытался сопротивляться по пути, ему заехали пару раз дубинкой по почкам...

Его кинули в изолятор. Сквозь мутное сознание он запомнил только, как хлопнула дверь и лязгнул замок. Всё, потом темнота.

Когда Андрей очнулся, голова раскалывалась. К этому прибавилось чувство голода и внутренний озноб. Сколько времени провел в полубреду, – он понять не мог. Наконец опять знакомый лязг замка и скрип двери. Электрический свет резанул глаза. Ему пришлось машинально прикрыть глаза рукой. Об пол стукнуло что-то металлическое. Потом дверь закрылась. В темноте он нащупал еле теплую миску. Это была какой-то вонючая похлебка.

Есть это не хотелось, но начинало сводить желудок, поэтому пришлось хлебать через силу. Вскоре охранник забрал миску и кинул Строкову огромную телогрейку. Андрей с неописуемым удовольствием завернулся в эту телогрейку, поджал колени к груди и наслаждался приходящим откуда-то теплом. Даже из этих нечеловеческих условий выходить на свет божий, встречаться с людьми, разговаривать, отвечать на вопросы – не хотелось. Если бы не боль и не чувство омерзения от грязного тела, то уж лучше бы ждать своей дальнейшей участи здесь, думал Строков.

Однако утром другого дня Андрея отвели в душ, переодели в чистое и отправили назад, в камеру, откуда он недавно уходил такой окрыленный.

Строков лег на свои нары. И тут как черт из табакерки появился Коля.

– Ну ты молодец! – начал он хвалебные оды. – Не ожидали от тебя такого, этому старому козлу фейс почистил. Уважаю. Накось, – Коля сунул ему папиросу. Строков закурил.

– Надо тебе помочь, – загадочно сказал Коля.

– Как ты можешь мне помочь? – вяло проговорил Андрей.

Коля оживился:

– Есть у меня тут человек знакомый, он кое-какие справки о тебе навел. Вот слушай, – и он снова начал говорить шепотом: – Твое положение хреновое, большие люди тебя упечь хотят. Поэтому со следователем разговаривать бессмысленно, у тех денег все равно больше. Но тем не менее следователь от жадности и от твоих денег не откажется. Заплатишь, твое дело быстренько в суд передадут, там поплачешься, и дадут тебе года три поселения. А когда на зону переведут, считай, отмучился. К тебе еще и невеста приезжать будет. – Коля засмеялся.

Строков так взглянул на него, что смех враз оборвался.

– Ну, в общем, план ясный и простой...

– Простой за исключением пункта об отсутствии денег, – сказал Строков.

Коля махнул рукой:

– Да ладно, что у тебя никаких родственников, что ли, нет совсем? Ты же говорил, у тебя мать есть...

– Есть, только она пенсионерка, сама концы с концами еле сводит.

– А где она живет?

– В Подмоскovie, десять верст от Москвы.

– Там у вас квартира или дом?

– Квартира, – неохотно ответил Строков. – Только при чем здесь это?

– Да ни при чем, я так спросил, – сказал Коля. – Ты пойми, Андрюха, деньги небольшие, тебе надо всего-то пять тысяч долларов. Какая-то родня, друзья наверняка есть, помогут. Потом на зоне заработаешь, отдашь и выйдешь чистый... Я бы тебе сам одолжил, но видишь, где сижу. Подумай. А за то, что ты здесь учинил, на строгий режим тянет...

Этой ночью Андрей практически не спал, он думал о себе, о матери, о том, как она пойдет собирать деньги по родственникам, о том, как эти самые родственники будут использовать любой предлог, чтоб отказать ей в просьбе, – от этих мыслей его коржило и волнами накатывалась ярость. Задушить бы всех, думал он, где же справедливость?! Он на нарах, а они там не знают, чем развлечь себя... Но с другой стороны, размышлял Андрей, если он попросит мать собрать эти пять тысяч долларов, ничего страшного, это ведь не так много в конце концов, у нее наверняка сбережения есть кое-какие. И прав Коля, на зоне заработаю и рассчитаюсь.

От этой идеи Андрею стало легче, но ведь три года поселения – это жутко... Его снова бросило в жар. Как это все пережить? Месяц назад он не мог себе и представить, где окажется. А эти куприяновские холуи, как они могли дать такие показания, неужели это все из-за страха потерять свою копеечную зарплату? Неужели за эти копейки можно так унижаться?

– Дешевки! – вырвалось у него.

Откуда-то послышалось ворчание, видно, своим возгласом он потревожил соседей. Три года, три года

минимум, – стучало у него в голове. Всё потеряно, и что толку матери писать, ну соберет она эти деньги, выпустят его, а что дальше? Жизнь заново начинать?

Строков нашел заныканный окурок и хотел закурить, но в темноте не нашел огня. На нарах по диагонали он увидел огонек.

– Дайте прикурить, – подошел он к чужим нарам.

– Вот зажигалка, можешь себе взять, – ответили ему с восточным акцентом. Андрей разглядел щедрого сокамерника: черные волосы, раскосые глаза и смуглый цвет кожи. – Я Музафар, – представился он.

– Тебя за что взяли? – спросил Строков.

– Я на автомойке работать устроился, – ответил Музафар. – Так приехала одна баба на дорогом джипе, я ей машину помыл, все как надо протер, шампунь, потом насухо вытер, а машина, шайтан ее подери, еще черная была, так вот вытер, а она вся оцарапанная оказалась. Баба меня к начальству. Машина дорогая, меня схватили и спрашивают: говори, зачем машину попортил? А я стою, молчу как дурак... Потом выяснилось, что шампунь пополам с песком был. Но пока выяснилось, меня за причинение материального ущерба – под замок и паспорт потеряли... Следовательно какие-то бумаги мне подсовывает, говорит: здесь пиши, здесь пиши, я и писал. А что мне оставалось делать? – Музафар развел руками. – Я все равно ничего не понимаю, все подписывал, что говорили, зато хотя бы не били...

– Зачем вы сюда едете, у нас наоборот: все отсюда бегут, вот у меня знакомый, бывший коллега по работе, спит и видит, когда отсюда уедет.

Музафар вопрос Андрея понял по-своему:

– Как зачем, а кушать что? Жена, дети, родители зимой что кушать, мука надо, масло надо, замуж надо, свадьба надо.

– Ну, вы же не понимаете, куда едете. Сколько ваших назад не вернулось.

– Ой, много, – захохотал Музафар. – Очень много, но кто-то и с деньгами вернулся, бизнес открыл, много денег стало. У нас те, кто не вернулся, герои они, воины Аллаха.

– Пойду я прилягу, – сказал Андрей. – Тяжело мне, почки отбили.

– Как отбили, зачем отбили, это же не люди....

Андрей махнул устало рукой и побрел к своим нарам. Музафар догнал его и что-то протянул в руке.

– На вот, – сказал он. – Под язык положишь – боль утоляет, мои передали.

Андрей добрался до своих нар и с облегчением улегся, закурил. Неожиданное знакомство что-то изменило в его сознании. Он подумал: люди вдалеке от дома, от семьи, идут на все, чтобы выжить, погибают здесь, но все равно едут, едут и едут. Неужели он, Андрей Строков, здесь, у себя дома, не найдет в себе сил, чтобы воспрянуть, начать жить заново? Мысли его, как пчелы, роились и как будто собирали живительный нектар, который мог бы потом стать заделом на жизнь будущую... Но укрепиться в мыслях созидательных было крайне нелегко. Куда легче встать на путь безысходности и слабости... Все-таки Андрей решил обратиться к матери: другого выхода не было, это последняя надежда.

Под утро Андрей задремал ненадолго. Скоро принесли завтрак, и вся камера загудела, зашевелилась. Андрей тоже пошел к окошку за своей порцией. Только сейчас он почувствовал, что ему стало легче, боль притупилась: подействовало зелье, которое дал Музафар. Когда он вернулся со своей миской на нары, там уже сидел довольный Коля.

– Идешь на поправку? – обратился он к Андрею.

– Да вроде чуть лучше, горло, правда, болит, – ответил Андрей. – Это, наверно, от таблетки, что Музафар дал, – добавил он.

– Ты чего, – насторожился Коля. – У таджиков ничего брать нельзя. Сказал бы мне, я у врача бы попросил.

– У врача? – переспросил Строков.

Коля начал оправдываться:

– Не у того врача, которого ты имеешь в виду. Здесь еще врачи есть...

– Водки бы выпить, – вдруг помечтал Строков, глядя на жидкую кашу в миске.

– Найдем, – расплылся в улыбке Коля.

– Неужели у тебя есть? – воскликнул Строков.

Коля самодовольно ответил:

– У меня все есть!

Через минуту они уже сидели на нарах, держа в руках каждый по пластмассовому стакану.

– За нас, – произнес Коля.

Андрей с вожделием поднес стаканчик к губам, зажмурился, не веря своему счастью, выдохнул и выпил. Мягкое тепло разлилось по всему телу, боль совсем стихла, ушла... Захотелось закусить, и тут на выручку пришел тюремный знакомец. Коля сунул в руки Андрею кусочек черного хлеба с салом. Андрей не верил своему счастью. Оказывается, как мало человеку надо, чтобы быть счастливым! На свободе каждый день идешь по улице и не понимаешь, что можешь просто идти, просто смотреть по сторонам...

Тут Андрею вспомнился Гриша, и он сказал сам себе: Расторгуев обязательно бы добавил – счастье идти по этим улицам изо дня в день, счастье смотреть на эти лица, это тоже счастье? Да! Да, от вдохновения до падения один шаг...

Коля все это время как будто чего-то выжидал:

– Ну, что? Надумал матери позвонить?

– Надумал, – отозвался Строков.

Коля оживился и скоро держал в руках мобильный телефон.

– Вот, – сказал он, – звони.

Андрей смотрел на него ошалевшими глазами.

– Откуда все это у тебя?

– Места знать надо...

Но Строков не спешил воспользоваться телефоном:

– Нет, не сейчас... Я даже номер матери на память не помню...

– Правильно, – не торопил Коля. – Не надо так прямо в лоб говорить. Ты ей лучше напиши... Она будет видеть, что это твой подчерк, ты там и сумму укажи. Сразу все понятно будет, а так знаешь сколько мошенников. Мало ли кто звонит и деньги вымогает.

Андрей задумался.

– Надо чтоб это письмо ей кто-то знакомый передал, – после паузы согласился Андрей.

Коля поинтересовался:

– У тебя такой есть?

– Могу одного кореша с бывшей работы попросить...

– Ну и хорошо, – поддержал его Коля. – После обеда за тобой зайдут и отведут туда, где телефон работает, здесь связи нет. Ну вот, держи. – И он сунул в руки Андрея сотовый телефон.

Решение позвонить Грише пришло ему неожиданно. Казалось, в детстве, в юности, в армии было много друзей, но где они теперь?! Андрей перебирал тех, кого еще помнил, и приходил к выводу, что почти все позабыто, почти все потеряно. Вместо тех, с кем дружил долгие годы, с кем не один пуд соли, казалось, съел – приходится обращаться к случайному в общем-то приятелю, Расторгуеву. А все потому, что и сам кому-то не перезвонил, не написал, не сообщил, не поздравил... Последние годы были потрачены на выживание: работа, работа и еще раз работа. Ради еды, ради съемной квартиры, ради женщины...

Ему вспомнилась Вика. Красивая женщина и деньги связаны неразрывно. Лишь только Вика оказывала ему хоть маленькие знаки внимания, тут же появлялось желание больше заработать, чтобы больше тратить – разумеется, на предмет своего обожания, так что до друзей ли тут было. Да что друзья, мать и та была обделена его вниманием. В какой-то момент все смешалось, жизненные ориентиры сузились. Работа, деньги, здесь, сейчас, все остальное потом, потом и еще раз потом. Вот и докатился – лежит на нарах и никому не нужен. Видно, не на тех, а вернее, не на ту тратился. В этот момент лязгнул замок:

– Строков, на выход!

Андрей вздрогнул. С верхних нар свесился Коля:

– Пора, иди, – сказал он.

21

На другой день Мигель и Гриша отправилась в ЗАГС, чтобы забрать запросы, подготовленные Людмилой Михайловной. Мигель спросил у Гриши,

– Ну как тебе новая знакомая?

– Ничего, – безразлично ответил Гриша.

– Ты, Расторгуев, как всегда – ничего. Да Анжела просто – клубничный джем. Будет возможность, я сам к ней приклеюсь... Не ревнуешь?

– Нет, – ответил Гриша.

Мигель громко рассмеялся:

– Я и жениться на такой красавице могу.

– А как же наши планы? – возмутился Гриша.

– Да не переживай. Шучу. Не собираюсь я жениться на русских... Зачем они мне: дети, пеленки, семейная жизнь... Вот на какой-нибудь престарелой американке я бы с удовольствием женился. Полеживал бы себе где-нибудь на Гавайях, попивал виски, покуривал бы сигары... Это только в советской школе учили, что жить надо для людей, что хорошо быть космонавтом, героем труда, почетной дояркой... Учили разные сволочи!

– Почему сволочи? – спросил Гриша.

Мигель озлобленно ответил:

– Ты и сам знаешь! Все прекрасно знаешь, если б не знал, сейчас бы здесь не сидел, а был бы на работе, на пенсию бы зарабатывал... Деньги бы в пенсионный фонд носил, а их там спёрли бы, в конце концов, в этой стране так было, есть и всегда будет... Здесь надо либо на теплом месте сидеть, либо вообще не работать.

– Как не работать? – спросил Гриша. – Тогда же денег вообще не будет? Я вот сидел как-то без работы пару месяцев, так машину заправить не на что было.

– Надо способы какие-нибудь искать, перебиваться... Только не работать по найму – иначе труба. Через какое-то время назад оглянешься: денег не заработал, здоровье потерял, годы ушли, не вернешь и впереди пустота. А еще если дети подросли, думают, как тебя из квартиры пинком под зад выгнать. А тебе еще жить и жить хочется... Так что береги здоровье, оно тебе нужно, чтобы отсюда раз и навсегда вырваться, а там уж передохнем...

Мигель и сам решил передохнуть, некоторое время молчал. Затем сказал:

– Есть эмигранты, которые уедут, а потом слюни пускают: дескать, родину покинул, ностальгия, безрезки, могилы... Я бы им в рожу дал. Забыли лагеря сталинские, забыли террор?

Гриша тоже об этом частенько думал, сказал:

– Сталинских лагерей давно нет. Но почему сейчас-то невыносимо, как уехать хочется!

– Сейчас тоже террор, – сказал Мигель. – Только не в такой форме. Ну, это как бы, когда тебя иногда унижают всякие уроды, вроде не убивают – унижение это же не убийство, вроде и не преступление даже, а противно до блевоты. А могут и опустить, изнасиловать... И ты заметь, не знаешь, когда тебя трахнут, но в ожидании этой мерзости живешь каждый день.

Гриша сник. Промолвил после покорно:

– Мне иногда кажется, Мигель, если бы меня пригласили жить в какую-нибудь цивилизованную страну, я в благодарность стал бы там самым примерным гражданином. Я бы никогда нигде не плюнул, ни намусорил, ни выругался, не создал бы шума и вообще какого-либо неудобства окружающим. Я бы всегда улыбался и чистил зубы...

– Я тебя хорошо понимаю, – грустно улыбнулся Мигель. – Иногда сам себе собаку напоминаешь, которую не берут в дом, а оставляют мокнуть под дождем без миски супа и теплой подстилки. А в это время в доме тепло, светло и вкусно пахнет. А живет там один человек и комнат у него сотня, только никого он туда не пускает, потому что думает, пусть в прихожую погреться, так потом все комнаты займут...

В ЗАГСе они благополучно забрали запросы, которые должным образом составила Людмила Михайловна. Ехать в район, куда нужно было отдать запросы, было решено завтра.

– Я поеду с вами, не возражаете? К родственникам заглянем... – подключилась Людмила Михайловна. Ребята не возражали.

Впереди был почти целый свободный день. У Мигеля нашлись какие-то дела, ему нужно было повидать Любовь Петровну. Он предлагал Грише навестить Анжелу, но Гриша мягко отказался.

С одной стороны, ему хотелось испытать вчерашнее, но с другой – а каковы последствия? Вдруг Анжела забеременеет, приедет в Москву, разыщет его, придет домой и скажет его Марине: я жду ребенка от Гриши. У Гриши от такой картины в глазах становилось темно. Он решил больше не показываться Анжеле на глаза.

Чтобы убить время, он отправился гулять по городу и решил заходить во все магазины, попадающиеся по пути.

Больше всего Гришу привлекали книжные. Он подолгу в них находился, особенно задерживался в букинистическом отделе – листал старые книги и всё вглядывался в пожелтевшие страницы, как будто силился увидеть написанное наяву или оказаться там самому...

Раньше в школе, когда было время читать, он из книжного без покупки не уходил, что-нибудь не дорогое, но обязательно купит, для лёгкого чтения. А было и такое, что с головой уходил в захвативший его

роман. Сейчас же заходил больше по привычке и даже не листал книги, а просто разглядывал обложки, потому как печатных изданий стало непомерное количество.

Авторы – неизвестно и непонятно кто, а читать чужие, непроверенные временем мысли, да еще в таком количестве он не хотел, ибо думал, что огромное количество мыслей, это перебор и в них можно увязнуть... К тому же в современной действительности, где отсутствует цензура, можно писать вообще все, что душе заблагорассудится, а потом издавать за свои же деньги. И не важно, будет ли книга пользоваться успехом. Для многих авторов литературный успех – нечто второстепенное. Ведь если человек написал или ему помогли написать книгу, а потом издать, то об этом человеке кое-какое представление можно иметь.

Ну вот, после череды продуктовых и винных магазинов и торговых палаток Гриша вышел к книжному магазину. На входе дзынькнула восточная подвеска, и он оказался в небольшом уютном помещении с многочисленными рядами полок вдоль стен и стеллажей посередине. В помещении никого не было, и Гриша, передвигаясь осторожно, начал обследовать полки.

Первыми на его пути оказались книги комиссионного отдела. Гриша был поражен большому количеству различных собраний сочинений мировых классиков, о таких книгах он в детстве и мечтать не смел: Конан Дойль (этот был дороже всех), Вальтер Скотт (за сущие копейки), А.Дюма, Ж.Верн, В.Гюго.

– Вот это да, – ахнул Гриша. Он взял том Гюго из десяти томного собрания сочинений, увидел цену – 300 рублей.

– Интересно, это за одну? – спросил он сам себя.

– Нет, за все, – раздался поблизости старческий голос.

К Грише вышел седой низенький старичок с плешивой головой и трубкой в зубах. Гриша, еще войдя, подумал, какой странный запах – видимо, так пахнут какие-то восточные ароматы.

– Это за все тома, – повторил старик.

– Совсем недорого, – заметил Гриша.

– Кому как. – Старик остановился рядом и затянулся трубкой. Необычно приятный дым распространился возле Гриши. – Многие наши жители, особенно молодые, вообще не понимают, зачем это все. – Он обвел сухонькой ручкой полки с книжным антиквариатом. Они приходят в книжный магазин исключительно за учебниками и любовными романами. По этим учебникам своих детей в школе учат. – Старик еще раз затянулся. – А вы знаете, молодой человек, что последняя редакция учебника истории признана злой и вредной. Но вы ведь понимаете: от лживого до правдивого один шаг... И этот шаг история оставила на выбор правителям. Своеобразный тест, не правда ли?

– А судьи кто? – умно и литературно спросил Гриша.

Старик обрадовался вопросу:

– Я бы сказал, народ, именно народ, хотя это слово до крайности осмеяно, как по-вашему ощущению?.. Но недалек от истины тот политик, который так думает. Именно народ – творитель истории. Именно благодаря ему горит костер... Каждый плач, каждая слеза, своеобразный керосин в этом деле и, наоборот, радостный крик ребенка или одобрительный возглас старика способны этот костер потушить, так-то... Вот ответьте мне, прошло почти тысячу лет с тех пор, но тем не менее вы кем бы хотели быть – Борисом, Глебом или Ярополком?

– Ярополком не хотел бы, – ответил Гриша.

– Правильно. – Старик достал большой клетчатый платок и протер лысину. – Ведь при произношении имени Ярополк сколько поколений людей посылают в его адрес проклятие, это безусловное мерило дел. А братья – наоборот. Сколько молитв и сострадания было к ним обращено за эти годы! Их бессмертие в этой памяти. – Тут старик поморщился и гулко чихнул.

Гриша все-таки решил заметить:

– Но если земля все равно погибнет, то какая разница, кто и что на ней творил? Все равно все превратится в космическую пыль.

– Да, молодой человек, – старик посмотрел на Гришу, как бы еще раз оценивая его. – Вы, очевидно, не здешний?

– Я из Москвы.

– Да, Москва... Мой дед жил когда-то в Москве, в мирное время... – и старик поднял вверх указательный палец, акцентируя внимание на слове «мирное». – Это была действительно столица, даже несмотря на то, что таковой в это время не являлась. Я до сих пор не могу понять, как из великой православной столицы она превратилась в оплот лжи и сатанизма?! – Старик развел руками, и его лицо стало мрачным.

– А что касается гибели земли, то это там у вас, в Москве, придумали, как еще один аргумент в пользу того, что воруйте, грабьте, убивайте, все равно пылью все станет. Это сродни некоторым лозунгам большевиков, они тоже объявили Бога вне закона, своего закона, бесовского. Вот посудите сами, если Земля превратилась в пыль, то где же тогда ад? Ада-то не стало, остался только рай, хотя понятие рая более расплывчатое. Вы только вздумайте – земли не стало, куда тогда Христу приходить во второй раз? На луну что ли? Так там мертвых нет, кого воскрешать? Поэтому, юноша, жить надо только с одной мыслью, что земля была, есть и будет. Человек не настолько могуч, чтоб ее уничтожить. А все остальное не от нас зависит.

Гриша согласился:

– Да уж. – Он все еще держал в руках томик Гюго, забыв его поставить на место. Старик взял у него из рук книгу и, повертев, сказал:

– У каждого такого собрания сочинений был хозяин. Вот, например Гюго мне сдала одна пожилая особа, в прошлом врач. Дети сказали, отнеси, а то выкинем. Видите ли, пыль собирает. Да и телевизор новый, большой поставить некуда. Я ее спрашиваю, что ж вы, голубушка, столько прожили с ними, а теперь напоследок избавиться хотите? Она вздохнула и говорит, дело не в книгах, дело в детях, которые выросли. Я им эти книги в детстве читала, муж покойник им читал, иногда до двух часов ночи спать не ложились, а вечером ждали, когда же наконец узнаем продолжение... А продолжение оказалось до банальности простое... – Старик поставил книгу в ряд на полку. – А Конан Дойля ветеран один принес. Я ему говорю, что ж ты, дед, внукам бы читал. А он говорит: зачем это старье? Я за эти деньги лучше диск с новой игрой куплю для внука. Я спрашиваю: не жалко? А он: нашел чего жалеть, я в голодные годы ордена на жратву менял, и то не жалел... А вот эти, – старик обвел руками тома А. Дюма и Ж.Верна, девушка молодая принесла, говорит, сейчас не модно, чтоб такие на полках стояли, жених не поймет. Может, возьмете что-нибудь? – спросил продавец Гришу.

– Я бы взял, да как везти? – И тут Гриша слукавил. – А потом жена скажет: куда ставить.

– Да, – печально согласился старик. – В Москве сейчас такое не нужно.

Вдруг Гриша зачем-то сказал:

– Я все равно скоро уезжаю из страны.

– Куда, если не секрет?

– Во Францию.

– У вас там родственники?

– Да, можно так сказать, – неуверенно произнес Гриша.

– Ну, что ж, это правильно, – старик попытался раскурить свою угасающую трубку. – Может, несколько лет назад я бы и стал вас отговаривать, а теперь нет. Я бы и сам, будь мне сейчас столько же лет, сколько вам, попытался бы уехать... Я вам сейчас одну книжку подарю, – засуетился старик и пошел что-то искать у себя под прилавком. Вскорости извлек на свет небольшую брошюрку в мягком переплете и протянул Грише.

Гриша прочитал название: «Как мечту сделать былью, или Почему мир чуть не погиб». О чем она? – спросил он продавца.

– О том, как одного человека считали предателем, а он целое человечество спас...

Гриша поблагодарил неожиданного собеседника, попрощался и, дзинькнув колокольчиком, вышел на улицу. Больше слоняться уже не хотелось, потому как что-либо оригинальней этого старика навряд ли найдешь в этом городе, во всяком случае по убеждению Гриши, а простудиться можно запросто.

Валера смотрел телевизор, какую-то передачу, по долетавшим обрывкам фраз Гриша, сидевший в кухне с кружкой чая, понял, что речь идет о педофилии. Что это такое? Откуда это взялось? Еще одна проблема... Как же детей заводить?! Иногда передача прерывалась резкой речью, музыкой, вскриками, – что-то рекламировали, причем звук становился значительно громче. Гриша не мог понять, это действительно так или ему кажется, – ну, не Валера же сам прибавлял звук во время рекламы.

Наконец Валера выключил телевизор, и Гриша пришел к нему в комнату, поболтать...

– Я часто о Востоке думаю, – говорил Валера с мечтательным видом. – Как-то там сплоченней люди, дружнее, к природе ближе. Всё налажено. Дети – значит, дети, жены – значит, жены... А что молятся постоянно, тоже правильно, это от мыслей дурных отвлекает... Даже представить невозможно, чтоб у них кто-то родного отца на улицу выгнал. Или неуважение какое-то проявил. А у нас? Ну, если она на меня при ребенке орет, не стерва ли?! – Валера даже ударил от досады кулаком по столу.

Гриша попытался увести его от разговоров о нашей жизни, опять увел на восточную тему:

– А мне все китайское, японское нравится, – произнес он.

Валера одобрительно кивнул:

– Да-а, только я вот японцев не понимаю, откуда столько злобы? Они ж какие пытки напридумывали...

– И все это как-то уживается у них с почитанием природы, – заметил Гриша.

– Мне в мусульманских странах вот что нравится, – Валера опять вернулся к изначальной теме. – Там дети ихние, молодежь, по виду другие. Лица здоровые, не прокуренные, не спитые... Мне кажется, за ними будущее. Заселят они нашу Русь-матушку.

– Это хорошо или плохо? – спросил Гриша.

– А это никак, потому что это уже происходит... Но я бы не хотел. Не за себя, за дочь беспокоюсь.

– Прими ислам, пока не поздно, – в шутку посоветовал Гриша.

– Мне уже ничего не надо, – пессимистично ответил Валера. – Моя песенка спета... Даже скажи мне Мигель: поехали завтра, Валер, с нами за границу, – не поеду. Новую жизнь из старой не скроишь...

Тут вернулся и Мигель, веселый, в приподнятом настроении, с покупками для ужина. Он строго наказал Валере:

– Больше не пить! Завтра едем с утра! – А Грише он передал привет от Анжелы.

Гриша даже внутренне содрогнулся от этого «привета».

Перед тем как лечь спать, Гриша почитал подаренную брошюру, но смысл уплывал, глаза слипались, и он, с ностальгией вспоминая сны детства, умиротворенно отдался сну. Уже засыпая, Гриша вспомнил, как сладко спалось ему летом в деревне. Еще шумный с вечера дом оказывался под утро совершенно пустым, Гриша просыпался, и никого не было, и лишь, повалявшись немного в постели, он слышал, как звякает цепочка, в дом входят люди: бабушка, дядя, двоюродные братья. Оказывается, они уже вернулись с сенокоса, куда отправились в пять утра... Его, как городского гостя и баловня, не будили так рано. Но ему очень хотелось посмотреть, что такое сенокос. И вот однажды он самостоятельно проснулся часов в шесть, оделся, закрыл дверь и пошел в лес.

Как был удивителен лес в ранний час! Дубы, эти мощные великаны, растопырили свои ветви у него над головой, смыкаясь кронами, как бы держа друг друга за руки. Грише казалось, что он просто мальчик с пальчик из детской сказки, попавший в неведомое царство.

Пройдя дубовую рощу, он попал в сосны. Сосны, обычно пахучие и шумливые на рассвете, как будто притаились, запах из смолистого превратился в чуть сыроватый от обильной росы. Между некоторыми деревьями виднелась паутина с алмазными капельками влаги. Хорошо, – думал Гриша, – что есть тропинка, а то пробираться через сосновый лес не просто: под деревьями росла колючая, вечно цепляющаяся за одежду малина.

Пройдя сосны, Гриша ощутил легкое чувство тревоги. В лес он углубился уже достаточно, а людей все еще не было. Как он будет их искать? – одолевали его сомнения. Дальше дорога стала спускаться вниз, очевидно, к пойме какой-то речушки, так как трава по бокам дороги становилась все выше и гуще.

Вдруг сквозь пение птиц он услышал странный, но в то же время приятный звук, похожий на стремительное убывающее жужжание. Присмотревшись, он догадался, что так поет коса, и, обрадовавшись, пустился бежать прямо по траве, навстречу звуку.

Когда, изрядно намокнув от росы, Гриша миновал небольшой перелесок, его взору предстал огромный, залитый солнцем луг, а на нем в легком мареве тумана виднелись работающие люди. Косарей было человек пять. Первыми шли бабушка и дядя, вид у них был серьезный и спокойный, чуть дальше шли остальные. От взмахов руки косы пели... И под это пение луговая трава ложилась ровными рядами. Гриша от радости выкрикнул и помчался навстречу косарям.

22

Утром долго спать не пришлось.

Людмила Михайловна, человек пожилой, любила все дела делать как можно раньше. Уже в семь часов выехали из областного центра в район, в городок под названием Кряж. Дорога была еще не наезжена. Машину слегка вело в разные стороны, да и в ней сидело уже четверо человек.

– Людмила Михайловна, – сказал Мигель, – я думаю, сегодня вы всё там сделаете и мы сможем вернуться назад... Впереди выходные дни, в Кряже у нас гостить желания нет никакого.

– Вот вы, молодежь, все торопитесь, – возразила Людмила Михайловна, – все планируете, а ведь человек предполагает, а Бог располагает. Приедем – посмотрим. А потом – Валере надо же мать навестить.

– Да, – угрюмо поддакнул Валера. – На час надо заехать.

– Эх, Валера, Валера, – сокрушалась Людмила Михайловна. – Ты мать столько не видел. Да и на душе у тебя злоба какая-то. Ты б вначале в деревню заехал, отдохнул. В воскресенье тем более служба будет, отец Алексей придет.

– Что он мне, денег даст, что ли?

– Да если б он мог денег дать, он бы дал, – сказала Людмила Михайловна. – Только где ж их взять, всем денег не хватит... С деньгами любой проживет, а ты без денег попробуй – вот тут наука.

– А я вот, – включился в разговор Мигель, – раньше уважал людей, которые всего своим трудом добились, а потом их презирать стал. Вот посудите: ну можно у нас в стране хоть чего-то своим трудом добиться? Все завязано на деньгах и связях, предательстве, умении идти по головам, ну на везении. Главное – в нужное время в нужном месте оказаться... А чтоб своим умом, последовательно шаг за шагом, ступенька за ступенькой – и так к вершине, – никогда!

Гриша вполне разделял мысли Мигеля. Ему было подчас больно смотреть, как люди без всякого образования, намного моложе его, давно уже сделали свой бизнес и живут припеваючи. А для него труд стал проклятием... Он никому и не завидовал, просто не мог понять: почему именно он должен делать пустую нелюбимую работу, а все окружающие либо должны его жалеть, либо смеяться над ним.

До Кряжа было несколько десятков километров пути. Когда проехали половину и оказались уже на территории района, впереди, перед Гришиной машиной, появился грузовик, ехавший с небольшой скоростью. Гриша, не долго думая, надавил на педаль газа, включил левый поворотник и пошел на обгон. Маневр был благополучно завершен, и Гриша уже было включился в обычный ритм дороги, как вдруг заметил, впереди справа включились проблесковые красно-синие маячки, и обозначилась машина дорожной милиции. Вскоре Гришу обогнали. Из машины милиции выскочил сотрудник в желто-зеленом жилете поверх формы и замахал полосатой палочкой, указывая Грише остановить машину.

Мигель, сидевший на переднем пассажирском сиденье, выругался, забыв, что с ними Людмила Михайловна, но тут же опомнился и извинился. Гриша затормозил довольно резко, машину по инерции протасило по обледенелой дороге. Грузовик, который они обогнали, промчался мимо, обдав их снежной пылью.

– Пошел на круг, сволочь, – тихо сказал Мигель, понимая, что гаишники и грузовик связаны.

Милиционер холодно представился, пригласил Гришу пройти в постовую машину. С Мигелем, выскочившим из Гришиной «девятки», разговаривать не стал, отмахнулся. В милицейской машине было жарко, воняло сигаретами, а из приемника неслись какие-то блатные песни.

Инспектор, сидевший рядом, стал доставать из планшета какие-то бумаги. Гриша попросил выключить магнитола. На что недовольный милиционер заметил: вся страна слушает, – но магнитофон все же выключил.

– Вы грубо нарушили правила дорожного движения, – сказал он потом. – Вы выехали на полосу встречного движения, тем самым подвергнув опасности жизни людей.

– Я просто совершал обгон, – пытался оправдаться Гриша.

– Здесь обгон запрещен, – отрезал инспектор.

– Но там же прерывистая линия! – возмутился Гриша.

– Там сплошная! Мне-то лучше знать, – инспектор делал вид, что составляет какой-то протокол.

В этот момент второй инспектор радостно подбежал к машине со стороны водителя и крикнул:

– Отпускай! Они вину осознали.

На что милиционер, что-то писавший и, по-видимому, главный в наряде ДПС, нравоучительно сказал:

– Больше не нарушайте. Дорога скользкая, опасно.

Гриша вышел на воздух, ему сразу сделалось легче. Инспектор, что помладше званием, с простым круглым лицом, улыбаясь, напутствовал Грише:

– Всего хорошего. Не спешите, там, через десять километров еще патруль стоит, будьте внимательней. У них лейтенант – мужик сволочной, легко не отделаетесь...

Гриша сел за руль, и все двинулись дальше, навстречу сволочному лейтенанту...

– Уроды! – сказал Валера. – Я таких в рейсах постоянно встречаю... А когда-то в детстве тоже хотел милиционером стать.

– Все равно бы выгнали, – пошутил Мигель.

– Почему?

– Запил бы – и выгнали...

– Там за пьянку не выгоняют, – усмехнулась Людмила Михайловна.

– Они у меня, сволочи, даже права не посмотрели... – сказал Гриша.

– Нужны им твои права, им деньги нужны, – сказал Мигель.

– Случись бы сейчас война – уже не выиграли бы, – вдруг сказал Гриша.

– Это спорно, – сказал Мигель. – Гитлер, когда двинулся на нас, о чём думал? Он хотел, чтоб кто в России командовал? Немцы? Да их даже на европейскую часть бы не хватило. Нет, он рассчитывал на русских, на тех, кто здесь настрадался: на казаков, на нацменьшинства, наконец...

– Просчитался! – вставил Валера. – Получил, гад!

– Получил, – вздохнула Людмила Михайловна, – только какой ценой? Из наших деревень с фронта только каждый десятый вернулся. Вот и сейчас, кажется, уже все, полный крах, полный развал, а случись беда какая, – все сплотятся, все объединятся.

– Вообще война, – сказал Гриша, – это единственное состояние, когда проявлялись лучшие качества русского человека, когда все объединялись перед лицом общей беды.

– Сейчас поворот будет. На Сковородкино поверните, – сказала Людмила Михайловна.

Валера помрачнел лицом и как-то весь съежился.

Через пару километров хорошая дорога кончилась, и началась снежная накатанная машинами однополоска. Скоро они подъехали к чугунным полуприкрытым воротам, створки которых крепились к массивным обшарпанным столбам. Ворота, видно, когда-то были весьма интересные, – с причудливыми завитушками и то ли эмблемой, то ли гербом наверху. Рядом с массивным столбами росли старые могучие дубы. Вскоре взору путников предстал старый особняк с флигелем. Особняк в два этажа с колоннами и парадным крыльцом, но весь обшарпанный, местами со стен отвалилась штукатурка.

Валера был совсем подавлен. Он с неохотой вышел из машины и закурил.

– Ребята, – сказал он. – Пойдемте со мной. Хоть в коридоре постоите...

– Ладно, – согласились Мигель и Гриша, им хотелось поглядеть больше внутренности особняка, чем повстречаться с обитателями дома «инвалидов и престарелых».

Людмила Михайловна взяла Валеру под руку и повела внутрь. В холле стены были более-менее выкрашены в белый больничный цвет, но деревянные полы ужасно скрипели. Вероятно, на этот скрип к ним в холл вышла дежурная в белом халате, со строгим видом и пристальным, оценивающим взглядом.

– Вы к кому? – сухо спросила дежурная.

– К Антонине Семеновне. Я недавно к ней приходила, – ответила Людмила Михайловна.

– Припоминаю, – сказала дежурная. – А это кто?

– Это сын ее, – представила Людмила Михайловна Валеру.

– Она же никакого сына не заявляла.

– Беспокоить не хотела... – быстро ответила Людмила Михайловна.

– А эти кто? Племянники? – язвительно спросила дежурная.

– Разве не похожи? – весело ответил Мигель.

– Племянники пусть погуляют на улице, а вы, – она кивнула на Валеру и Людмилу Михайловну, – проходите.

Мигель и Гриша не без облегчения выбрались обратно на улицу.

Воздух был прохладный, очень свежий, пахло дымком, видать, где-то поблизости в деревне топили печи. Вдоль ограды со стороны леса прошли трое охотников, с ружьями на плечах, впереди бежала лайка.

– Здорово, мужики! – крикнул Мигель.

– Здоровше видали! – весело откликнулся один из охотников с большими черными усами.

– Где добыча? – приставал Мигель.

– В лесу бегает. Хочешь за бутылку покажем?

– Мы охотники за счастьем.

– А есть ли оно, счастье-то? – усмехнулся охотник.

Наконец все остановились у ограды и закурили угощенческих сигарет Мигеля.

– Вы чего тут делаете, с проверкой, что ли? – спросил усатый охотник.

– Почти что да, – уклончиво ответил Мигель и тут же спросил: – Ничего не подстрелили?

– Кабана на самоходке в деревню увезли, а мы пешком, – вступил в разговор еще один охотник.

Грише стало интересно, и он решил узнать:

– Говорят, зверья в лесу не стало...

Охотники дружно загудели.

– Врут!
– Зверья полно!
– В последние годы, – объяснял усатый. – у нас десятки деревень вымерли. – Он стал загибать пальцы: – Лесное, Братцево, Борисово... Люди вымирают, а зверь наоборот плодится.

Тем временем Валера и Людмила Михайловна, пройдя по коридору, где стоял тяжелый запах, – запах не только лекарств, но и старости, и даже отчаяния... – пришли к палате Антонины Семеновны.

– Иди! – подтолкнула Валеру Людмила Михайловна.

Наконец они вошли в небольшую светлую комнату, где стояли две кровати. На одной из них сидела женщина в байковом халате со сплошь белыми, как снег, волосами. Валера сразу узнал ее – это была его мать.

– Мама, – прошептал он, женщина даже не повернула головы. – Мама, – сказал Валера громче, еще секунду женщина никак не реагировала, потом повернула голову, и стало видно ее морщинистое лицо и голубые глаза.

– Валера, – еле шевеля губами, произнесла она.

Валера стоял неподвижно, опустив руки. Антонина Семеновна, сложила морщинистые руки на груди и беззвучно заплакала. Людмила Михайловна присела к ней на кровать, стала успокаивать, глядя по спине. Валера подошел ближе, мать протянула ему навстречу руки, и они обнялись, – два беззащитных существа: мать, прожившая свое и не в силах что-либо сделать в этой жизни для сына, и сын, у которого впереди еще целая жизнь, но который не в силах помочь престарелой матери.

– Ты зачем его привела? – спросила Антонина Семеновна у Людмилы Михайловны.

– Сын же твой! Так случись что, могли и не увидеться больше! – отвечала та.

– А что ему тут видеть? Мать его ждет смерти... Вот и всё!.. – при этом она погладила Валеру по голове. – Ты только внучке не говори, что я здесь в этом доме... Если спросит, скажи: живет в своем домике, как прежде, печку топят, пирожки печет. Я ей даже подарок послать не могу, здесь всю пенсию забирают – это плата государству за полное обеспечение... Про меня что говорить? Как ты, сынок, поживаешь? – сказала Антонина Семеновна.

Валера опустил голову:

– Хвастаться нечем.

– Ты только не пей, не губи себя раньше времени, – наставляла мать. – Не такой, конечно, мы тебе с отцом жизни желали... Как он радовался, когда тебя в армию взяли, думал, ты полковником будешь...

– Да сейчас и военным-то не больно сладко, – сказал Валера.

– А друзья твои, Валера, – вмешалась в разговор Людмила Михайловна, – уже умерли. Кто от пьянки, а кому не повезло. Ваньку Рябова убили. В Москву поехал подзаработать... А через месяц жене сообщили, в морге ваш Иван, забирать будете? Так она даже забирать не стала. Подхватила, и вместе с сыном уехали куда-то...

– Разбежался народ да помер, – вздохнула Антонина Семеновна. – В деревне-то только дед Сидор остался. Он тоже кандидат на соседнюю койку... Летом-то еще ничего, а зимой тяжело – холодно, дома-то уж худые все. Печку истопишь, а ветер все тепло выдувает... Вот сюда меня и определили... В колхозе от зари до зари горбатил, и помирать придется на казенной койке... Ну, а ты, сынок, там в Москве работаешь хоть?

Валера потупился:

– Работаю потихоньку. Но сама понимаешь, денег очень мало, за съемную квартиру заплатишь, Алене купишь чего-нибудь и все.

Мать сочувственно покачала головой:

– Бесовский город, сколько людей загубил... Ну а как Алена учится?

– Хорошо учится, – ответил Валера. – Только в школе тоже все деньги решают. Поборы кругом, да еще школьник школьнику завидует. У одного телефон дорогой, а у другого и простого нету. Не всем по карману.

Повисла пауза. Выходило так, что встреча сама по себе подходила к концу.

– Поедем мы, мама, – сказал Валера. Людмила Михайловна тоже встала. – Заезжать к тебе буду, – пролепетал Валера, обнял на прощание мать. Она опять безмолвно заплакала.

Людмила Михайловна и Валера шли по коридору, услышали из одной из палат стоны и какие-то крики, будто кто-то звал на помощь. Людмила Михайловна заглянула в эту палату, а Валера прибавил шагу,

чтобы быстрее оказаться на улице.

– А что ж старики-то молчат? – возмущался Мигель, – если медобслуживания почти никакого, а пенсию забирают?

– Что они могут сделать? – отвечала появившаяся на крыльце Людмила Михайловна.

– Собрались и пошли в местную администрацию, – посоветовал Гриша.

– Да кто их туда пустит. А если и пустят, кто выслушает и что сделает, – отмахнулась Людмила Михайловна.

– Все-таки сила большевиков именно в этом была, – сказал Гриша, – они не рассуждали, что им за что-то будет, а просто шли вперед, напролом...

– Тебе, Расторгуев, только на митингах выступать, – сказал Мигель. – Хотя ты, конечно, прав. Если не бороться, ничего и не будет, простой человек каждый день бороться должен, иначе кранты ему.

– А я считаю, молиться надо больше, – произнесла Людмила Михайловна. – Может, Господь смилостивится, пошлет покоя и нормальной жизни и этому дому.

– Им только на Бога и осталось уповать, – подвел итог Мигель, и все быстро пошагали к машине.

Продолжение следует.

Вероника ЧЕРНЫХ

Родилась 12 февраля 1968 года в г. Снежинске Челябинской области. Окончила Челябинский государственный институт культуры. Работает в научно-технической библиотеке. С 1996 года – постоянный внештатный корреспондент газеты «Окно», а также других городских СМИ. В 2008 году стала победителем конкурса на лучшую публикацию социальной тематики. В 2012 году вышли две книги православного миссионерского характера: «Поводырь» (для взрослых) и «Переход» (сборник из трёх повестей для подростков). В 2014 году в Канаде вышли три книги: «Вор, ведьма и душа», «Икона», «Оливка в пожаре». В 2015 году в православном издательстве «Символик» (Москва) в серии «Дорога к дому» вышла книга INTERNAT 3.0: START GAME. Член Союза писателей России.

Кролик в тележке

Вмагазинной тележке восседал смешной розовый заяц. Уши его свисали на грудь. Лапы растопыривались в разные стороны. Пластмассовые глаза смотрели вперёд, на тоску толчеи. Прошитый красными нитками рот улыбался.

Маленькая тщедушная женщина, прилично одетая, аккуратно причёсанная, взидала на суету муравейника, в котором вдруг оказалась, с безмолвной паникой в голубых глазах. Тонкие брови сошлись на переносице, словно им хотелось непременно встретиться друг с другом. Ах, эта жалоба на несовершенный мир, которой пропиталось, будто кремом, её приятное немолодое лицо! Глянет синими она своими глазами, сморгнёт слезинки. А они прозрачные, горячие – такие горячие, что, кажется, от их жара смягчится чужое равнодушное сердце – сердце охранников. Тогда маленькая тщедушная женщина толкнёт свою тележку с розовым зайцем, покатит её через контроль в усталость и пот измотанной толпы, и никто её не остановит, не выведет вон.

У толпы сумки и чемоданы. У неё лишь магазинная тележка. У неё одной в тележке – розовый заяц. А в розовом звере... что – в розовом звере? Да ничего, ничего, ничего...

Она везла перед собой лёгкую тележку и напевала едва слышно: «Да ничего, нет, ничего, да ничего я не везу, мой кролик розовый – пустой, и я, как он, пуста, пуста...».

Придуманные стишки ей нравились. Хотелось, чтобы их услышали все... но она глянула на одинаковые лица и предпочла единственного слушателя – забавную пушистую игрушку с чёрными пластмассовыми глазами. Живые кролики – не розовые. И глаза у них не чёрные. Но им, как и тряпичным, совсем неинтересны чьи бы то ни были вирши. Пусть. Она всё равно будет напевать свою песенку, чтобы не бояться.

На электронном табло она с трудом отыскала заветный рейс: Екатеринбург – Москва. Нашла и два стола, где регистрировали на него билеты и принимали поклажу. Прикатила туда тележку с кроликом и принялась наблюдать за пассажирами. Из толпы ей надо было выбрать единственного. Какой из них? Какой? Ошибиться нельзя. Эх бы ей рюмашечку! Она вмиг бы распознала того одного, который ей так важен!

Парень с дырками в ушах. Дикарь с диких островов, а не русский студент... Крашенная старуха. Ну, нет. Смотрит гордо. А не графиня ведь. Пенсионерка обыкновенная... Семья: двое взрослых, двое детей. Ничего... Но слишком уж много. Любопытство нам гибельно.

А, вот! Подходит! Мужское одиночество с добрыми усталыми глазами, с неторопливыми скупыми движениями. Будь она помоложе лет на двадцать... лучше на сорок... И багаж невелик. То, что ей надо, как раз в него впишется: рюкзак не шибко распёртый.

Она постаралась из верхних слоёв атмосферы впитать в себя интеллигентность, попавшую в беду, вдохнула. Выдохнула. И толкнула лёгкую тележку вперёд.

«Ой, молодой человек, простите меня, внучка у меня младшая в Москве – болящая, калека, пять годов сегодня исполняется. Послать почтой не могу – опоздала, а поехать не могу – денег нет. Не могли бы вы взять с собой кролика для Дашеньки? А в Москве сынок вас встретит, заплатит за беспокойство...».

Уговорила. Забрал мужчина кролика из тележки, заключил его в тюрьму своего рюкзака. Шлёпнули

на ремень рюкзака квитанцию и на ленту бросили. Повезла лента кролика в другую тележку, а оттуда – в брюхо самолёта.

Всё. Сделано дело. Дельце-безделица...

Она убедилась, что кролик исчез в проёме вместе с остальным багажом, и улыбнулась. Ну, вот и всё. Осиротевшая тележка пускай теперь теряется, как и где хочет. Она перебралась от стойки регистрации поближе к посту полиции. Зоркость у неё, увы, не как у орла, но то, что надо, она увидит непременно.

Увидала. Закусила губу. Свела брови. Ведь умоляла тебя! А ты... вон чего. Только у тебя всё равно ничего не получится, понимаешь ты? Можешь оседлать самолёт, схватившись за крылья обеими руками, но последнее слово за мной!

Она выдохнула. Пора. Как нарочно, полицейский вышел. Курить, наверное. Забеспокоившись, побежала к выходу: вдруг там? Опомнилась. Чего он будет курить – себя травить на улице всем на обозрение? У него в здании есть курилка. Вернулась. Подождала. Дождалась. Тут уж манто интеллигентности сворачивается и запихивается в комод, а на свет вытягивается новая личина. Можно уголовно-наказуемую.

Подала себя вальяжно, дерзко, с уверенностью преступника, не видящего зла в своём противозаконии.

– Полиция?

– Слушаю вас. Пожаров Дмитрий Яковлевич, дежурный по аэропорту.

– Слышь, дежурный. Слышь, Пожаров Дмитрий Яковлевич. Слышь, Димуля.

Она состроила гримасу, будто сейчас сплюнет.

– Я бабушка-террористка.

– Чего?!

– Да ты слышь, начальник, уши-то подковырай. Я вот чё тебе. В самолёт бомбу подложила. С багажом красotka проехала прямо в брюхо. Через два часа бум-бара-бум на высоту неба или на земное излишество. Просёк, дежурный Дмитрий Яковлевич?

Тот смотрел на неё скучно. Не поверил.

– Боярышника хлебнула, гражданка без фамилии? Или от конопки в огороде шизанулась? А проще – поганку в пирожок залепила и с боярышником в полнолуние зажевала?

Она укоряюще покачала головой. Наступила на него гусём шипящим.

– Юморист какой... Думаешь, сложно бомбу сделать? Мне? Мне сложно?! Ха! Это мне-то сложно бомбу сделать, когда я в лаборатории взрывчатых веществ работала и очень хочу эту бомбу сделать?! Плохо ты меня знаешь, дежурный Пожаров, из рук вон плохо! Ты не веришь, а я сделала и сфотографировала. И фотографию напечатала. Гляди вон, какая красotka у меня в ручонках! В бомбах разбираешься?

Дмитрий Пожаров нехотя поднёс фотографию поближе.

– Ну... вроде похоже, – недовольно признался он. – Только я по вашим бомбам не спец.

– Понятное дело, – усмехнулась она. – Ты же дежурный! Вызывай спецподготовку государственной машины! А то часики-то тикают. Натикают тебе головную боль и – до встречи на том свете, свобода!

Пожаров с несчастным видом вздохнул и скрылся в кабинете, брезгливо неся фотокарточку. Позволил, поговорил, вышел. Завёл посетительницу внутрь, усадил, сам плюхнулся на стул, шлёпнул на стол бланк: писать приготовился.

А она усмехнулась:

– Ну и подготовочка у вас, у пацанов! Я тебе про бомбу, а ты мне – бумажку заполнять! А часики-то тикают...

Пожаров невозмутимо почеркал в бланке и спросил:

– Фамилия, имя, отчество.

– Пожалуйста! – охотно откликнулась она. – Таисия Гавриловна Аплеснина. С буквой «А», а не «О». Не перепутай, дежурный Дмитрий Яковлевич.

– Не перепутаю, – пообещал тот и записал данные.

Вызвал год рождения, трудоустройство, адресок, страсти и пристрастия, причину теракта. Не сопротивляясь, она готовно рассказала всё, кроме причины. Свои, мол, у меня причины причину скрывать. Но, клянусь: взлететь не успеете, как признание моё вам в лоб запулну.

Поморщился Пожаров. На дверь покосился. И не зря: после топота копыт в кабинет ворвалась ударная группа из пяти человек. Самый главный воззрился на Аплеснину и грозно прорычал:

– Ты, что ли, террористка?

Она радостно закивала.

- Вот: фотографию дала, – сказал Пожаров. – Говорит, это и есть бомба, которую она в багаж сдала.
- Рейс какой?
- Екатеринбург – Москва, – тут же подсказала Таисия Гавриловна.

Теперь завертится, закрутится! Ох, и тяжелы на подъём правоохранительные органы! Он же улетит!

Она услышала приказ Пожарова задержать вылет и улыбнулась. То ли ещё будет, ой-ёй-ёй!.. Теперь осталось просто ждать. А ждать ей просто. Теперь. Остальное за неё другие сделают. Когда они спросят о требованиях бабушки-террористки? О, наконец-то спросили.

– Хочу, – сказала твёрдо, – чтобы с рейса сняли Вадима... Ну, Вадима Георгиевича Аплеснина.

– Муж? Отец? Брат? – гадал Пожаров.

– Сын, – сказала Таисия. – Мой сын Вадим. Отца у него уж лет одиннадцать как нету. Или больше. Он удрал к любовнице, и мы развелись. Насовсем, как вы понимаете.

Кисея интеллигентности разорвана в дым из тающих ниток. Как она умела перевоплощаться, накинуть на себя другую личину! Вспомнился самодеятельный театр юности, молодости. Почему её не приняли в театральное? Если б она играла на сцене, судьба не дала бы её в обиду. Она уверена в этом на все свои нереализованные возможности. И неправ, неправ пронзительно синеглазый мужик, раскрывший ей причину отказа: не душою живёте, милая, а лицом играете. Лицедейство это низкого пошиба для провинциальной самодеятельности. И она стала взрывником. В лаборатории взрывчатых веществ она много чему научилась. Но радостью работа и знания её не одаривали. Она всё время ждала счастья и любви, но получила только сына. Одиночество и обиду на судьбу она пыталась развеять вином, водкой, настойками. Почему бы нет? Чем ей спастись, интересно знать? Если ничего больше не хочется. Если ничем больше не хочется спастись. Она бы сказала это сыну. Да только не видела она его своими внутренними глазами. Да, растёт кто-то рядом, и надо его накормить, одеть, снабдить учебниками и канцелярией. Наторать, когда паршиво на душе; когда из школы тукнет клювом обидное учительское «ай-яй-яй». Таисия не отказывалась от вороха беспокойств: сын всё же. Но и не кипела всем существом своим: ощущала его жизнь как чужую, а не рождённую ею в боли и надежде на семейное счастье...

«Мои мозги прострелены. Выбиты. Надо было выпить». Но она держалась. Требовала от Пожарова, чтобы он привёл к ней сына, иначе бомба взорвётся. Как там её разыщешь в тоннах багажа, если не знаешь, где именно тикает?

Она очнулась от «аналитических дум и скучных однолинейных воспоминаний», когда Пожаров тряхнул её за плечо.

– Гражданка, вот он, ваш сын. Можете поговорить. Только сперва скажите, где бомбу искать.

Хмыкнула цинично. Кивнула на дверь. Вот его привели. Глянула на парня: чёрная сумка через плечо. Усталый хмурый взгляд. Прямо-таки родной, обречённый. Она потребовала уединения («иначе ищите мою бомбу сами»). Глянула на захлопнувшую дверь и обратила к сыну торжествующий взор.

– Съел? Не захотел со мной прощаться? Поцеловать мамку? Обнять? Пожелать всего лучшего? Встал и ушёл, да? Мамку бросил. Подыхай, мать-старуха, я тебе не сын, ты мне никто! А я тебя рожала, я тебя воспитывала, растила! А теперь вон, значит, как! Брезгуешь мамкой! И пью, и что?! Не имею права? Чего молчишь, Вадька, чего ты молчишь? Да знаю я, чего губы кислишь! Не улетишь теперь в свою Москву! Нипочём не улетишь! На земле останешься. Научись вначале мамку родную любить, жалеть, беречь, а после я подумаю, чего с тобою как. Вдруг и помилую, отпущу...

Он молчал. Всё тот же хмурый усталый взгляд. Родной, обречённый.

– Пусть он не молчит! – потребовала она. – Пусть он не молчит! Я грозная алкоголичка! Террористка! Сотрудник лаборатории взрывчатых веществ! Несостоявшаяся великая актриса! Кто на меня?! А я – НА ВАС! Пусть он НЕ МОЛЧИТ!

Заглянул Пожаров. Нахмурился.

– В смысле – не молчит? Что он говорить-то должен?

Таисия Гавриловна посмотрела на него снисходительно, свысока.

– Вообще, – высокомерно уточнила она. – Чтобы не молчал, как он это обычно практикует, а говорил со мною, отвечал мне! И глаз не отводил!

Пожаров растерянно оглянулся на Аплеснина. Тот безучастно рассматривал стены, не реагируя на материнскую истерику.

– Вадим Георгиевич, – спросил, хмурясь, Пожаров, – говорить с матерью будете? Поскорее давайте. Если ваша мать не врёт, бомба скоро взорвётся.

– Обязательно! – жизнерадостно уверила Таисия Гавриловна.

Голос весёлый, а взгляд чёрный.

– Да, поговорю, – выдавил из себя Вадим.

Пожаров метнулся к террористке.

– Ну? Где бомба?

Таисия Гавриловна с достоинством подняла голову, гордо выпрямилась.

– В розовом кролике. Я его на тележке привезла. Кролик в большом чёрном рюкзаке. Он в багаже единственный. По крайней мере, хорошо было бы, чтоб он был единственный.

Её уже не интересовал кролик в тележке. Пусть его потрошат. А ты, Вадька, ты понял теперь, на что способна обиженная мать? Понял? Говорила тебе, что никуда не полетишь? Останешься на земле, со мною такую? А ты – уеду, вырвусь... Куда вырвешься? Куда? К кому, Вадька? У тебя в Москве никого! В Подмосковье брат двоюродный – ты ему нужен? Нужен? Зачем ты ему сдался, Вадька? Умный, что ли? Когда успел научиться? Что-то не помню тебя с книжками. Вечно шлялся где-то... В церкви этой пропадал вместо учёбы! У тебя и образования-то нет, одно школьное... Так чего ты на рожон лезешь? Попрут тебя оттуда, из Москвы. Всё сделаю, чтоб тебя, Вадька, попёрли!..

Он слушал. По стеклянному взгляду она раздражённо поняла, что ничего у неё не выходит. Что она понятия не имеет и не может иметь, какие мысли носятся, стреляют, взрываются в его голове. Несмотря на то что она родила этого высокого парня и называла его своим сыном, она не знала, о чём он думает, когда застывшим взглядом статуи пугает всё пространство около неё... околотино пространство.

Она спросила снова, зачем он летит, куда, к кому. Вадим раздул ноздри и шевельнул плечами. Ответит?.. Неужели – ответит?.. Таисия Гавриловна услышала, как переговариваются за плотно закрытой дверью полицейские. Но слов сына не разобрала.

– Что? – переспросила она, недовольно перекосившись, и тоже машинально раздула ноздри – по семейному. – Погромче!

Вадим куснул губы – её губы – и вздохнул с такой безнадёжной усталостью или усталой безнадёжностью, что не доставало лишь декабрьской пурги для холодных метаний в груди и смерти.

Вздох сына полоснул её так же больно, как тогда, когда она поняла, что он бросает её одну. Почему ей стало больно? Не было же! Всю жизнь не было, и она боялась оглядываться на эту жизнь. Боялась увидеть в ней себя такую, от которой уходит сын. Не потому уходит – улетает! – что повзрослел. А потом, что не может рядом с ней жить. Не может смотреть на неё. Слушать. Думать о ней. Даже молчать не может, стоя напротив.

Ей стало страшно. Так, что стянуло теснотой грудь. А за дверью рокотал аэродром. Владеющие информацией обсуждали бомбу. С минуты на секунду ждали специалиста по разминированию. Разминировуют. Таисия Гавриловна не изощрялась: склепала бомбу простецкую, на скорую руку... В общем, ерунда.

Женщина смотрела на сына. Как хочется выпить! Именно сейчас хлебнуть настойки, а повезёт – и водочки стакашек. Вадим отвернулся и шагнул к двери. Шагнул так понятно: равнодушно отрезая свою жизнь от жизни матери. Жажда гореть в спирту вдруг отступила. Сила злобы, обиды оказалась фальшивкой. Нет у злобы с обидой силы. Не-ту! Один крах. Несостоятельность. Треснувшие камни. Разлетевшиеся вдребезги морские льдины. Высохшая от жары или сгнившая от нескончаемых дождей трава. Бесплодие. Глубокий холод. Жёлтая пыль. Бездна мёртвого космоса, в которое лезет любопытное человечество. От любопытства горе. Бездна, бездна, смерть!

– Сыночек, – севшим голосом проговорила мать и протянула к нему руки. – Прости ты меня, прости... Совсем дурная...

Он остановился, не оглядываясь. Она вытерла лицо ладонью. Интересно, бывали случаи, когда на самом деле умирали от стыда? Ей – хотелось.

– Прости... повторила она, совсем не замечая, что плачет.

Да ну, разве она плачет? Это глаза болят...

– Ты лети, сыночек. А я уж тут. Ничего... От дурной матери как не улететь за край Луны... Я, видишь, какая... Не приняла тебя. А ты вон сам вырос... Вот улетаешь – иглы вонзились... Во всю меня!.. Слушай, посадят ведь старую пьяницу за бомбу. Хорошо это. Всё мне в пользу. И тебе – на беспамятство. Ты лети, сынок. Опоздаешь ведь в Москву. Там найдёшь, что тебе нужно... Поди в семинарию намылился... А? Там кормят...

Она помолчала, не ожидая от него ответа. За дверью обезвредили бомбу. Пожаров коротко выдохнул. Пассажиры позвали на посадку. Их ждала растрёпанная, кое-где причёсанная, где-то здоровая, а в основном недугующая Москва.

– Вадим... – едва слышно проговорила Таисия Гавриловна. – Ты будешь мне звонить?

Негромко, но требовательно постучались. Пожарову не терпелось излить на террористку служебное и личное негодование. Вадим в последний раз обернулся на мать.

– Буду, – сказал он.

... В мусорном ведре раскинулся всеми лапами, ушами и частями разодранный розовый кролик. Глаза его смотрели всё так же весело...

Дети одного рассвета

Дождь едва моросил, неслышный и неразличимый в тёмной серости первого летнего утра. На городских улицах никого: суббота, каникулы, отпуска... Садоводы – и то пока спят.

Хорошо!..

Тихон Касьянович Чепегин глубоко вдохнул влажный воздух, сморгнул щекочущую крохотную каплю дождя, стукнул палкой о мокрый асфальт, будто проверяя, не скользкий ли; наоборот – не омягчил ли? После ночных небесных излияний асфальт исчеркали розовые палочки мёртвых дождевых червей.

Тихон Касьянович вздохнул и примерился к асфальту, чтобы сделать первый шаг.

Где его ноги, где? Куда подевалась стремительность его походки? Сгинула в густой чаще времени, где каждое дерево – прожитый им год. Девяносто два дерева уж стоят в мысленном том лесу. Чем больше деревьев, тем меньше сил... Истёрлись суставы, охрупчали кости, иссохли клеточки, замедлила своё течение старая кровь... Хватит бы уж сажать деревья в чаще времени, но нет, не забирает Господь душу Тихона Касьяновича, бережёт для чего-то. Для чего?.. Для того чтоб первым в городе встречать рассвет?

Сегодня он припоздал. Никак не мог проснуться. Одеваться ему вообще дело сложное и тяжёлое. Прежде жена помогала, Мария Дмитриевна, а два года назад умерла, и с тех пор Тихон Касьянович наступающий день отживал, как последний, тоскуя об ушедшей любимой, об ушедших силах, об ушедших возможностях. Он шёл встречать свой рассвет медленно, но упрямо, заставляя себя двигаться, несмотря на боль.

Улицы, перекрёстки, скверы, аллеи, площадь, трамвайные пути, задворки, контейнер для мусора, лысая тропинка, куст акации – и вот наконец река.

Его река.

Он помнил её с детства – полноводную, быструю, чистую, рыбную, с деревянным мостом, с которого ловили рыбу горожане от мала до велика. Он помнил её раненую войной и кипевшую, бурлящую Победной весной сорок пятого. Он помнил её очищенную, спокойною, обустроенною. А теперь она едва тащится мелководьем, устало неся в себе груды мусора, созданного жестоким разумом и брошенного «бельмешкиной душоночкой», не видящего дальше своей преступной руки. Несчастливая река, несчастная душа, которую триста лет назад отыскивали первопроходцы и заложили на её берегах город. Вот не повезло бедняжке...

Пологий берег устлан юной любопытной травкой, с удовольствием играющей с ветром и дождём. Здесь в далёких восьмидесятых, до перестройки, комсомольцы основали сквер: посадили яблони в шахматном порядке, врыли в землю скамьи. Окаймляла их ольха – «дикая, но симпатичная»: зелёноствольная, с пушистыми гусеничками серых кудрявых серёжек. Ольховый пух летал несколько дней, нахальный и приставучий. Затем устилал полупрозрачным тёплым снегом зелёную траву и уютные закутки. Он и сейчас лежал под отцветающими яблонями. Июньский дождь сбил опустевшие гроздья, большинство теперь распластались на асфальтированных дорожках, будто мохнатые толстые гусеницы. Яблони медленно облетали, сыпля белоснежный цвет на зелёную землю и дорожки и покрывая пространство вокруг себя первозданным снежком из тысяч и тысяч лепестков.

Тучи уползли на запад, открыв чистое, бесцветное небо. Вот-вот удалится недовольной матроной последняя непогодная туча, и солнце беспрепятственно пойдёт на город свет и близкую синеву, согретую летним теплом...

Добравшись до старой железной скамеечки, Чепегин сел на неё, опёрся на палку, обвёл внимательным взором вечные берега. И обнаружил, что не один. Неподалёку устроилась с мольбертом тоненькая девушка с длинными, ниже талии, чёрными волосами. Правда, она не рисовала, а просто стояла возле мольберта с бумажным листом, чуть тронутым карандашом, и зачарованным взглядом смотрела на яблони-невесты, ронявшие частицы своего свадебного убранства на зелёные пучки острых травянок.

Чепегин загляделся на необычное восточное лицо. На китаянку не похожа: бледная кожа, высокий лоб, удлинённые глаза цвета горького шоколада... Японское что-то. Очень красиво.

Очень красиво: хрупкая японская красавица с кистью в руке, начатый рисунок на мольберте и бело-снежный яблоневый сад с покрывалом из слетевших лепестков вокруг стволов. А с горизонта стремится подняться ввысь новое ослепительное солнце...

Чепегин наслаждался: необыкновенный сегодня рассвет! Так бы сидел и сидел на старой железной скамейке, любуясь чудесной картиной, нереальной для городской суеты и прозаичности. Так бы и сидел, забыв о старости, проблемах и боли...

Девушка вдруг очнулась и протянула к мольберту кисть, которую она макнула в краску на палитре.

Чепегин сгорал от любопытства: как она там рисует? Что в итоге получится? Подойти ему показалось неловко: человек делом занят, творит, а он тут замаячит... Кому понравится? Мазильщику по заборам и стенам разве что...

Он сидел и с удовольствием делал сразу два дела: оценивал сегодняшний рассвет, начавшийся так старо и уныло, а теперь сулящий яркий молодой день, и следил за работой юной художницы, в чьём облике оттенков таинственности и притягательности японки органично сливался с травой, водой, яблонями, рассветом...

Разгорелось солнце, засинело небо, забелели убежавшие вслед за циклоном отставшие легкомысленные облачка, не накопившие пока в себе тяжесть ливней и затяжных дождей, а художница, попив из термоса чай, всё писала красками, и Чепегин всё сидел на железной скамье в надежде увидеть первое запечатлённое кистью первое летнее утро, и казалось, что он готов лелеять свою надежду до самого вечера.

Но тут на берег забрели мужики средних лет с планами облегчиться и опохмелиться перед работой, и пришлось возвращаться домой и Чепегину, и девушке японского оттенка.

– Успели? – посочувствовал Чепегин, когда она проходила мимо.

Художница, улыбнувшись, кивнула, сказала с акцентом:

– Почти успела. А вы успели?

Он понял, что она имела в виду, подивился её взрослой проникательности, ответил:

– Успел.

Он успел досмотреть рассвет и оставить в себе его частичку. Девушка неожиданно распаковала папку, достала лист и протянула его Чепегину:

– Примите, пожалуйста, в подарок.

Чепегин разволновался:

– Подарок?! От вас?! Да что вы! Это наоборот бы: мне вам дарить!

– Нет, пожалуйста, примите. Мне будет приятно. Вы и я – дети одного рассвета. Хотя на рисунке не рассвет... Вам нравится?

Чепегин с трепетом принял от неё лист. Этюд невесты-яблони, утопающей в шёлке сброшенных лепестков заворожил его. Потом он забеспокоился:

– Дорого это!

– Не дорого. Дёшево. Обыкновенно. Возьмите. Я запомнила. Я ещё напишу.

– ...Благодарю Вас.

Чепегин неуклюже поднялся, преодолевая боль в ногах, выпрямился, поклонился, принимая драгоценный лист. Японская девушка оглянулась на яблони и сказала:

– Я сегодня чувствовала себя принцессой, идущей к своему принцу по ковру из лепестков. Никогда такого... никогда... а сегодня иду по лепесткам... как принцесса... И ничего не жалко.

Девушка с оттенком японского приподнялась на цыпочках и поцеловала ненакрашенными губами морщинистую стариковскую щёку. Чепегина бросило в жар. И словно исчезли камни семидесяти лет, и стало легко и сильно, потому что ему не девяносто два года, а двадцать – нет, и не двадцать, а семнадцать, и этот поцелуй – будто первый девичий поцелуй в его жизни.

– Мне сегодня исполнилось девяносто два года, – произнёс Тихон Касьянович. – Такого подарка, который вы мне подарили, у меня... никогда... Спасибо. Спасибо.

Он ещё хотел сказать, что благодаря ей в душу его вернулась молодость, вернулась жизнь. Что изношенное сердце забыло на несколько мгновений о боли, об изношенности своей, впитало в себя воду жизни – любовь.

Но не сказал. Глядел вслед и часто моргал. Лепесток яблони покружился над его головой, неощутимо лёг на жёсткие седые волосы. Чепегин сел, держа перед собой этюд. Не фотографическое копирование, а преломление увиденного в мыслях, мечтах и представлениях о красоте и о том, отчего захватывает дух. Ради подобной красоты он воевал в начале сороковых годов. Ради того, чтобы родился кто-то, кто мог бы нарисовать такую красоту – рассвет в осыпающихся яблоневых садах, потому что он затронул его

душу. Ради того, чтобы такая красота – жила.

От звонких мальчишеских голосов цветы вздрогнули и потеряли несколько лепестков, присоединившихся к своим собратьям в траве.

- Ну и сугробы! – сказал один парнишка.
- Какие сугробы? – отозвался другой.
- Да вон из лепестков... Слушай, я на них упаду.
- Зачем?
- Ну... Никогда не лежал на сугробе лепестков.
- Ага! Вот тебе: лови свой сугроб!

Чепегин, улыбаясь, смотрел, как два подростка кидались друг в друга горстями мягких яблоневых цветков. Оба несли удочки и ведёрки. За плечами рюкзаки. Рыбачьи любители... Тоже на рассвет потянуло, за юркой, труднодоступной добычей. Мальчишки прекратили взметать лепестки и деловито уселись на берегу.

- Ну? Здесь засядем? – предложил один.
- А давай. Дядя Юра позавчера тут во какого подлещика заловил! Жирный, подлец, тотчас его на сковородку!

Чепегин, услышав про подлещика, сглотнул и даже потянул носом: будто и впрямь пахло сладковато жареной рыбой. Давно он такой вкуснятинкой не лакомился: не рыбачил уж по старости своей... Когда-то здесь рыба водилась – не переводилась. А теперь, интересно, есть она, нет? Рыбаки со знанием дела закинули удочки и напряжённо притихли. Клёёт? Не клёёт? Почему не клёёт? На что клёёт? И когда заклёёт? И вообще, в чём дело? Где эта рыба? Под корягами затаилась? Дислокацию изменила? Что, вообще, за безобразие?

Чепегин пошарил в кармане. Вчера, идя на рассвет, он взял с собой три кусочка белого хлеба, чтобы утолить голод, если он вдруг проявится, да вот не проявился, и хлеб сох в кармане запеленатый в полиэтиленовый пакетик. Есть ему снова не хотелось, рыбы всё равно не было, а ребятишкам это то, что надо. Он достал хлеб и некоторое время держал его в руках, соображая, что делать ему с рисунком девушки в японских тонах: на скамейке оставить – ветер сбросит, с собой взять – помнётся ненароком... Пока он колебался, на скамейку рядом с ним присел молодой мужчина лети тридцати пяти. Он тяжело дышал и вытирал со лба пот.

- Здрасти, – сказал он отрывисто.
- Здрасти и вам, – с готовностью откликнулся Чепегин. – Всё бегае?
- Бегаю, – кивнул мужчина.
- От инфаркта? – банально пошутил старик.
- В основном от себя. И от инфаркта заодно, – признался бегун.
- От себя-то почему?
- Да так... Пытаюсь проблемы как-то разрешить, а дома не получается.
- Что ж так?
- Столпотворение у нас. Все кричат, требуют, зывают... Как тут подумаешь?! А бегаешь – и вроде бы один, никто не мешает размышлять, – объяснил бегун.
- Гости, что ль, у вас? – предположил Чепегин.

Почему гости?

- Вы ж говорите – столпотворение.
- А... Нет, это у меня домашних лиц много. В двухкомнатной «хрущёвке» мы с женой, пятеро детей, моя мама и отец жены.

– Ого! – поразился Чепегин. – И как их зовут, ваших детей?

Лицо бегуна неуловимым образом просияло:

- Дочки – Лариса, Валерия, Алла, сыновья – Венцеслав и Саверий.
- Хорошо назвали, – подивился Чепегин. – А я Тихон Касьяныч.
- Самунин. Антон Андреевич. Служу в русской армии, – представился бегун.
- Офицер, значит? – уважительно произнёс Чепегин.
- Офицер.
- Что ж вам побольше квартиру не дадут?
- Так говорят, нету их у нашего государства. Деньги копи – и покупай. Это пожалуйста. А бесплатно – ботва тебе гнилая вместо сладкой морковки.

Тихон Касьянович посочувствовал:

– Понятно теперь, почему каждое утро бегаєте...

– Ну, да... А вы зачем каждый день сюда ходите?

– Я-то? Да я не день. Я каждый рассвет хожу. Да и не хожу толком – бреду. Встаю в темень и шлёпаю себе к реке, рассвет встречать. С берега хорошо видать, как солнце всходит.

– А зачем вам рассвет встречать?

– Да как же? Лежишь ночью и думаешь: вот не пойдёшь нынче, а он раз – и окажется последним в жизни. Это, конечно, не страшно, что последний. Всё ж таки довольно по земле походил, грехов накопил. Главное, чтоб он был перед смертью, мой самый последний рассвет, что я его не пропустил. Рассветы никогда не повторяются, знаете. Каждый раз думаешь: ну, вот, подарил мне Бог сегодня рассвет, и ежели заберёт нынче, так я готов. Потому что, как рассветёт, я в храм иду...

– На Черниковской?

– На Черниковской. Исповедуюсь. Причащаюсь.

– Умирать страшно.

Чепегин вздохнул.

– Страшно. И молодому страшно, а старому – того более.

– Почему?

– Так жизнь долгую прожил, грехов много накопил. Какие и не вспомнишь, про какие и не подумаешь, что грех... Это, знаете, как навозный жук: начинает в юности катать свой крошечный шарик всякой дряни, и чем дольше живёт, тем больше накатывает. А к смерти у него шарик-то раз в десять больше его самого... И у нас, почитай, так же.

– Чем дольше живёшь, тем гуще навозом измажешься, – усмехаясь, согласился Самунин.

Они помолчали, следя за течением реки и пацанами-рыбаками. Один из них вдруг дёрнул удочку. Блеснул серебряный бочок, сорвался в воду. Мальчишка зашипел от разочарования.

Тихон Касьянович вспомнил о хлебе и сказал:

– Антон Андреевич, вы картину мою не подержите?

– Да, пожалуйста, давайте.

Самунин осторожно принял лист, посмотрел.

– Ух, ты! Сами нарисовали?

– Нет, что вы! Девушка подарила. Она рисовала рассвет в яблоневом саду.

– Красиво получилось.

– Совершенно с вами согласен.

Тихон Касьянович поспешил к мальчишкам.

– Юным, но опытным рыбакам большой привет! – сказал он негромко.

– Драсти, – отрывисто бросили юные, но опытные рыбаки, напряжённо наблюдая за поплавами. Чувствовалось, что им совершенно некогда. В ведре пусто. Худосочная сетка тоже скучала.

– Любите рыбу ловить? – допытывался Чепегин.

– Любим, любим. Вон она – плавает, задирается, а к червяку – ни ногой.

– Какая у рыбы нога, очумел?

– Ну, плавником или, там. Хвостом. Шшш!

– Сам ты – шшш! Смотри вон на поплавок лучше.

– Сам смотри.

– Я и смотрю! И ты давай смотри!

Чепегин воспользовался короткой паузой в перепалке и направил разговор по своему курсу:

– Ключёт?

– Кого там ключёт?! Головастики да лягва. Одна клюнула, да сорвалась. Так бы и треснул её по хребту!

– Ага, ты треснешь! И вообще, тихо ты! Рыба удерёт!

– Не удерёт. Сам удерёшь.

Чепегин, сетуя, что испортил идиллию между рекой, рассветом, рыбой и рыбаками, тронул юного спорщика за плечо:

– А вы рыбёшку-то подкармливали?

Мальчишки замолчали и озадаченно переглянулись.

– Ничё мы не подкармливали, – буркнул один.

– А вы подкормите, – посоветовал Чепегин. – Им немного надо. Вот вам хлеб, крошите, да ждите

своей удачи.

Он дал им всё, что у него было.

– Спасибо, – поблагодарили юные, но опытные, и принялись крошить хлеб.

Чепегин вернулся к скамейке. Посмотрел вокруг. Сел, нашарив под собой гладкое прохладное железо.

– Пойду сейчас, – вздохнул он. – Давно пора. А вы ещё побегаете?

– Немного.

С берега раздалось восторженное:

– Во, клёво! Глянь, как пошла!

Похоже, хлеб пригодился. Чепегин улыбнулся. Эх, пацаны, пацаны... Он не видел короткий их разговор, возню с рыбой, потому что размышлял о Самунине, о своей жизни и смерти, о сыне, дочери, зяте, невестке и двух внуках и искал для себя новый шаг – последний значительный в своей жизни.

– Эй, дедушка!

Его теребил за рукав один из рыбаков.

– А? Чего? – встрепенулся Чепегин.

– Мы вам тут рыбу наложили.

Он протягивал ему пакет. Самунин подтолкнул его в бок:

– Берите, Тихон Касьяныч. Вкусная тут рыба.

– Так за что? – растерялся старик. – Я ж не ловил, и денег у меня с собой нет, чтоб заплатить.

– Нам ничего не надо, – заявил второй рыбак. – Мы так. Нам вообще не надо рыбы, потому что мама уехала, а отец её не сжарит. Он только картошку умеет варить и суп из пакетов.

Чепегин перевёл взгляд на первого рыбака, но тот его предупредил:

– Мы братья. Ему десять, мне одиннадцать.

Дрожащей рукой Чепегин принял подношение. Голос пропал, и ему пришлось откашляться.

– Я сегодня... как ослик Иа из «Винни-Пуха», – признался он.

– Чё – сабантуй? – обрадовался младший мальчик.

– Да. Сабантуй. День рождения.

– Вау! Поздравляем! – закричали мальчишки.

– С днём рожденья! – присоединился Самунин. – Как совпало!

– Классно!

Тут старший глянул на часы:

– Ух, помчали по-быстрому! Удочки сматывай!

– Да смотал уже! Бежим!

Убежали. Чепегин заглянул в пакет и удивился:

– Рыба...

– Рыба, конечно, – сказал Самунин. – Они ж сказали. Хорошая?

– Хорошая, – кивнул Чепегин. – Пожарю в обед.

– Отлично. Поздравляю вас с днём рожденья, Тихон Касьянович! Жаль, без подарка.

И тут Чепегина осенило.

– Антон! Вы сегодня на службу?

– Нет. Выходной.

– Замечательно! У меня одна идея.

– Вот как? Хорошая и безалкогольная? – пошутил Самунин.

– Совершенно так: хорошая и безалкогольная. Рискнёте ко мне присоединиться? Обещаю, что в тёмной подворотне на вас не нападу и не ограблю.

– Спасибо на добром слове! – хмыкнул Самунин. – А куда мы, если не в подворотню?

– К внуку моего двоюродного брата. Сколько времени?

– Около восьми.

– Даже если он не проснулся, что маловероятно в рабочий день, – разбудим. Так идём?

– А у него что? – спросил Самунин.

– Какой вы подозрительный, Антон Андреевич! – упрекнул Чепегин. – Надо больше доверять людям старой формации!

– Хоть намекните.

Самунин помог старику снова встать, забрал картину, аккуратно свернул лист в рулон. Пакет с рыбой взял в другую руку.

– Далеко идти? – поинтересовался он. – А то у меня машина на стоянке.

– Лучше б, конечно, на машине, – признался Чепегин. – Не то долго будем добираться с моими-то темпами.

– Замётано! Вы вот здесь подождите, а я машину подгоню. У меня синяя «Нива».

На «Ниве» доехали до девятиэтажки постройки восьмидесятых годов, и на металлической двери Чепегин набрал цифру «22» и «вызов». Весьма бодрый молодой голос сказал:

– Да?

– Лука?

– Дед? Ба, какими дорогами тебя ко мне затащило?! Заходи, открываю! Тебя встретить?

– Нет, я тут с... другом. Он поможет.

– Лады. Жду.

В тёмном прямоугольнике засветились английские буквы «Open», дверь размагнитилась и неохотно, тяжело поддавалась сильной руке Антона. Так же неохотно, тяжело и будто сомневаясь в целесообразности происходящего, примагнитилась накрепко вновь.

Вышли из лифта на шестом этаже. Одна из четырёх дверей была открыта, и оттуда выглядывал молодой человек лет около тридцати.

– Слушай, ну ты меня изумил! Проходи скорей! Позавтракаем. И вы тоже... э-э...

– Антон.

– Антон. Лука Нивников, двоюродный внук Кирилла Тихоновича.

– Очень приятно.

– Забредайте скорей.

В квартире мужчины помыли руки, и Лука усадил их за стол в просторной кухне. Расставил чашки, блюда, выставил хлеб, сыр, колбасу, какие-то пирожные.

– А Рябинка где? – спросил Чепегин.

Лука мотнул головой в сторону коридора.

– Иду, Тихон Касьяныч! – послышался приятный женский голос.

Женщина тоже оказалась приятной на вид. Она захлопотала на кухне, готовя чай, нарезаая колбасу, ставя на огонь воду с молоком для каши.

– Тихон Касьяныч, поздравляем вас с днём рождения! – щебетала Рябина. – Здоровья вам и сил, чтобы каждый день встречать свой рассвет, и счастья от прекрасных видов вашего рассвета... Когда я постарею, тоже буду ходить встречать рассвет, чтоб не умереть...

– Дед, – сказал Лука, подвигая к гостям угощение, – ты опять рассвет встречал?

– Опять.

Чепегин неторопливо перекрестился и отпил чаю.

– И как?

– Отличный рассвет. Видишь, сколько подарков?

– Ну-ка, ну-ка, посмотрим... Ого! Смотри, Рябинка! Нравится?

– Очень красиво.

– А это что?.. Рыба? Ты, что, рыбачил?!

– Нет. Ребятишки подарили.

– У нас ещё есть дети, которые что-то дарят старикам?! Невероятно! В холодильник пока положить, чтоб не протухла?

Чепегин долго не думал:

– Рябин, может, ты её изжаришь? Сам-то я, похоже...

– Детей накормлю, и за рыбу примусь, никаких проблем. А вообще, мы к вам собирались, поздравлять, обнимать, целовать, – говорила Рябина, мешая кашу. – А вы нас раз – и упредили! Ну, ничего, Тихон Касьяныч, всё равно не отвертитесь! Изжарю рыбу, покушаете, и мы вас домой доставим, а вечером допоздравляем! Не беспокойтесь, не утомим.

– Разве ж вы утомите? – запротестовал довольный Чепегин. – Наоборот... радость от вас.

На пороге кухни появились девочка и мальчик. Увидав гостей, они завопили:

– Ура-а! Дед Тихон! Расскажи про войну!!!

Мелькнули тоненькие тельца в трусиках и майках и вмиг оказались на старике, тормоша их. Рябина призвала их к порядку:

– Ти-хо! Не разорвите деда на кусочки из крохотных дедушек!

– Здорово! – оценили дети. – Был один дедусь, станет двадцать.

– Не станет! – непоследовательно пообещала мать. – Я вас обоих на шкаф успею забросить. Кашу в рот – и тихо там. Помолиться не забудьте. Так. Вам тоже каша.

Дети и гости ели вкусную рисово-пшённую кашу с немим восторгом. Затем Антон спросил тихонько:

– А почему – Рябина? Прозвище?

– Папа её так назвал, когда она родилась, – тихо ответил Чепегин, – в честь русской народной песни. А крестилась она Ириной.

– А-а...

Лука заглянул на кухню.

– Авдейка и Тамарка тебя ещё не разорвали? – с любопытством поинтересовался он.

– На передых пошли, – оценил Чепегин.

– Вернее – на перекус, – поправил Самунин.

– Тогда идём в гостиную, – позвал Лука. – Отдохнём.

– Поработаем, – возразил Чепегин, – потому, как дело к тебе есть.

– Да-а?

Лука энергично потёр руки.

– Это весьма интересно! Вперёд! Рябинушка, чайный гриб поспел?

Хозяйка глянула на пятилитровую банку, стоявшую на подоконнике.

– Кажется, поспел. Сейчас в кувшин перелью и принесу.

Чепегина усадили в кресло. Сами сели на диван. Рябина принесла в стеклянном кувшине настой чайного гриба и три беленьких чашки. Лука разлил остро пахнущую жидкость, и мужчины выпили по паре глотков. Чепегин деловито сказал:

– Хочу, чтоб ты, Лука, в качестве нотариуса оформил либо дарственную, либо договор пожизненной ренты с завещанием моей квартиры тому человеку, который доведёт меня до конца жизни и похоронит меня по православному обычаю.

Лука поперхнулся. Немного помолчав, он взял ручку и принялся черкать по бумаге. Спросил удивлённо:

– Ты на самом деле этого хочешь?

– Это решено, Лука. Не спорь, хорошо?

– Да пожалуйста! Но ты выбери всё же: дарственная или рента. Это ж совершенно разные дела. И кому ты хочешь отписать квартиру?

Чепегин кивнул в сторону Антона Самунина:

– Ему вот.

– Мне?!

– Вам, вам, не смотрите так дико, – попросил Тихон Касьянович. – Мне уж скоро домом иная «квартира» будет, у детей моих жилплощади и заработка приличные, у тебя, Лука, и своих наследодателей полно, так что никого я не обделяю и хочу сделать то, что мне душа велит.

– Ну, а... Ярослав и Марина знают, что ты так решил?

Чепегин вдруг развеселился:

– Нет, понимаешь ты, не знают ведь!

– А против они не будут?

– Будут, конечно. А как же им не быть против? Имущество ведь, деньги... В общем-то, в этой жизни они лишними не бывают, – резонно заметил Чепегин.

– И что, на конфликт пойдёшь? – осведомился Лука.

– А хоть бы и на конфликт... Думаю, всё же справлюсь. Ты мне только документы подготовь.

– А ты единоличный собственник? – выпрашивал Лука. – Кто-нибудь у тебя прописан?

– С этой стороны вопроса можешь быть в абсолютном спокойствии, Лукаша, – заверил Чепегин. – Ты мне только побыстрее это сделай. Сегодня ко мне загляни, так заberi те документы, что потребуются для оформления.

Лука выпил настой из чайного гриба, налил ещё, выпил.

– Ну, дед, ты меня ошарашил. Просто в ступор вогнал. Вверг, в общем, куда-то.

– Это точно, – наконец выдохнул Самунин. – Прямо топором по темечку... Мне-то что делать? Я что-то не пойму.

– Принимайте дар, Антон Андреевич, и пользуйтесь на здоровье, – посоветовал Тихон Касьянович. – Что вам ещё делать? Хоть расселитесь нормально.

– Я не могу такое принять! – решительно отказался Самунин.

Чепегин поджал плечами.

– Ну, как хотите. Тогда я без ренты. Дарственную просто оформлю. Тогда не отвертитесь, уважаемый Антон Андреевич. И вообще, будете упираться, я начну болеть, хиреть и умру во цвете своей физиономии, так и не дожив до седины. А квартиру всё равно получите по завещанию.

Лука расхохотался.

– Ну ты даёшь, дед! Настоящий генерал! Царь-император! Велю – и будет! Похоже, Антон, у вас нет шансов отказаться от подарка.

Самунин остался серьёзен.

– Мне надо подумать и посоветоваться с семьёй.

– Но не долго, – предупредил Чепегин. – А то умру. Давайте завтра на пробежке вы ко мне подбежите и скажете «да» и отдадите мне... что там надо для оформления дарственной?

– Паспорт, – подсказал Лука. – Я напишу, что надо.

– Отлично. Теперь выпьем.

Выпили настой чайного гриба. Самунин упрямо сказал:

– Не дарственную – об этом не может быть и речи. Ренту – возможно.

Чепегин тут же подхватил:

– Но переезжаете вы сразу, как мы оформим документы. Идёт?

Самунин колебался. Зажмурился. Выдохнул.

– Я поговорю с женой, – упрямо повторил он.

– А в вашей «двушке» пусть спокойно доживают век ваша мама и папа вашей жены, – подсказал Тихон Касьянович, радостно улыбаясь. – Замечательно! Какой роскошный подарок вы мне сделали на день рождения, Антон Андреевич! Взяли – и появились! Лука, отвезёшь меня, если успеешь, домой?

– Я сам вас отвезу, Тихон Касьянович, у меня выходной, – тихо сказал Самунин и заплакал.

– Спасибо, Антон.

Чепегин ласково положил на его плечо руку.

– Лука, ты нас не провожай. А вечером жду. И адрес-то, адрес у Антоши узнай.

– Обязательно. Антон Андреевич – адрес и телефон можно?

– Да, пожалуйста. Только я, честно говоря...

– Очень смахивает на утопию или крупное мошенничество? – понял Лука. – Но вы просто познакомились с моим двоюродным дедом недавно, а мы-то знаем его всю нашу жизнь, и уже устали удивляться. Тем более что его не переспоришь. Легче уступить. Вот и уступайте, чтоб зря нервы не мотать. Нервы вам нужны? Нужны. Вот и славно...

Рыбина изжарила рыбу, все поели и расстались до вечера.

...До рассвета следующего дня оставалось часа два, когда Чепегин неторопливо оделся, взял свою трость и вышел из дома. Он шёл встречать рассвет. Снова.

А вечером с другого конца города на противоположный берег реки тихонько брёл, опираясь на крепкую клюку, другой старик, Тарас Александрович Магданов, отец жены Антона Самунина.

Он шёл провожать солнце.

Анжелика КОРОЛЁВА

Сорок три года, родилась в Тюменской области. Окончила Свердловское училище культуры и искусств (специализация – театральная режиссура). В настоящее время учится в Литературном институте, на факультете литературного творчества (кафедра прозы). Полтора года трудилась корреспондентом в общественно-политической газете. Пять лет работала в профессиональном кино заместителем директора картины и ассистентом по актерам. Теперь подрабатывает помощником в актерском агентстве Лены Хван, в Москве. Ведёт свой блог.

Ничья жена

Киноповесть

– Слышали, Хомяк-то убился! – начала разговор одна из баб, собравшихся у лавочки возле каменной трехэтажки.

Таких домов в Кошкино всего два. Нет, ещё, конечно, две деревянные двухэтажки, в народе их называют «бамовскими», но каменных два и они стоят поодаль. Построили их для тех, кто работает на нефтеперекачке (нефтеперекачивающей станции, НПС, «эмпээски»), она расположилась за пару километров от поселка.

Скоро десять лет, как появились эти картонные деревушки и, кажется, простоят они ещё столько же. Каменные же высятся как крепости, и жить в них считается престижно. По соседству с этими «блатными башнями» приютились обычные сельские домики.

Нефтяники и колхозники всегда спорят между собой, делят, кто лучше. Попасть на работу, на станцию – большая удача. Даже из других областей к ним приезжают и из соседних поселков. Здесь и платят больше, и льготы разные, не то что в совхозе, который начал потихоньку разваливаться.

– Он же здоровый мужик, гонял, только шуба заворачивалась?! – подхватила другая, отмахиваясь березовой веточкой от назойливых комаров.

– Тык на мацацikle и убился.

– Ой, ты поди, а! Так как?

– На Молодежке вон дорожку делали, щебня навалили целую гору, он, видать поддатый был, на всем газу летел, не заметил что ль?

– Ой, ой, ой, и чё, насмерть?

– Тык пыннятно, насмерть, чё спрашивашь-то.

– Жалко мужика, сколько ему было-то?

– Лет пссят уж, умный дылжон быть.

– Умный-то умный, а ежли черти крутят, куда не денеся.

– Да какие черти, чё несешь-то?

– А-то ты не знашь, какие?

– Заговорили его? Ей-богу, чё попало мелите! – немного дразнясь, ответила одна из баб.

– Да кому он нужен, хлипенький какой-то мужичишка-то?

– Ясно кому. Сучка эта Надька постаралась, она же тоже с им таскалась.

– Кака Надька? Баринава штоль?

– А кто у нас ещё такое может?

– Ды хвытает погани-то.

– Не-не, это она, у иё и мать колдует.

– Ой, ну, прям, убила она его?

– А чё, у них это легко делатса. Приворожила, хвостом повертела перед ым, сделал чё хотела, пошептала на воду, вот он и сотворил с собой.

– Ой, ну прямо пошептала на воду и всё, убила!

– Девки, ну чё вы, не знаете что ль? Полно таких по деревням. И килу нашлют и чирей. Порчу сдела-

ют, как с добрым утром. Вон нашу бабу Глашу взять.

– Ну да, я свою Аленку на днях к бабе Нине водила. Извел девку чиряк под мышкой, всё там расторабанило. Она поговорила чё-то, на воду поплевала, поводила руками, мази дала. Два раза к ей ездили, все сошло, а до этого две недели девка маялась.

– Так сделали на её и на Хомяка тоже! Только вот кто, надо покумекать.

– А чё тут кумекать, Надька и сделала, надоел видать.

– Так она, давечь вон, путалась с им, видели их.

– Дак чё?! Лешка, мужик-то её, тоже уж догадывался, на весь подъезд тогда орал.

– Чё орал?

– Я ття перееду, грит, тварь, когда-нить! Про Хомяка-то. Может, и переехал?

– Да чё ты несешь-то, у него машинешка – газ шесят шесь. На ней щебень не возят.

– Ну, ты прям всё знаш, кака машина, чё кто возит?! На ей чё человека переехать нельзя?

– Ак, я с ими работала ж, че не знать-то.

– При чем здесь щебень, запутали меня совсем.

– При том, что там щебень был навален.

– Так одно другому не мешат.

– Ой, чё спорите, не мог Леха это сделать, он поорет-поорет, да отходит.

– Да уж! Это на его не похоже, бесхарактерный он. Скока ему говорили: «Сучка не захочет, кобель не вскочит», так нет, всё верит своей потаскушке.

– Ну да, было б на чё смотреть! Рожа у её страшная, вечно недовольная, на голове чё попало, химка эта, не пришей к манде рукав.

– Так че ей тебе улыбаться-то, ты же не мужик?

– Да они чё-то и без улыбок к ней липнут.

– Ну и не завидуй! У тебя свой есть, тебе-то что?

– Ой, не говори, она мне вообще кобылу напоминает, лошадинна така харя!

– Не, ну, правда, чё они в ей находят?

– Видать, шибко хорошо одно дело делает?

– Видать... – наступило небольшое затишье.

– Жалко Хомяка-то! Как его звали хоть?

– Ликсандр вроде?

– Точно, Сашка... Хороший был мужик!

– У неё таких хороших – пруд пруди, а тут семья без кормильца.

– Не говори.

– Так это когда случилось-то?

– Да два дня назад. Завтра уж хоронить будут.

– Надо сходить на похороны.

– Пойдем, конечно.

Они опять затихли.

– Ладно, девки, пошли домой, поздно уж, да и чё-то исти хочется.

– Исти, спасти, срасти. Колхозники, блин! – сказала одна из них, видать, из нефтяников.

– А чё такого-то? Баушка говорила исти, мама говорит исти, а я чё?

– Ой, чё тте объяснять! – махнула рукой «нефтяница».

– Ладно, девки, каво спорите, тёмно уж на дворе.

– И правда, надо закругляться, да и на ночь-то о покойнике, приснится теперь.

– Ты не знала его толком-то, мы вот соседями были, всё время разговаривали, отзывчивый такой мужик. Да ну, не могу говорить даже!

Бабы опять утихли.

– И то верно, хватит трещать, пышли, Макарна! – одна из баб встала со скамейки.

– Тут остановки не будет, пока сам не уйдешь, я уж знаю. Давайте, покедова, – еще одна тоже направилась к дому.

– Прощайте.

И они разошлись.

* * *

Чуть позже, после бабьей сходимки, почти новая «девятка» подъехала к каменному дому. Надежда

Барينو́ва в шикарном бордовом костюме, покачивая бедрами, вышла из машины и плавной походкой продефилировала к своему подъезду. Из окна соседской квартиры доносились строчки песни «Странник мой, дорогой, где же ты, что с тобой? И в какой неведомой стране».

Молодой любовник, Димка, который сидел за рулём, с нежностью в голосе протянул:

– По́ка, На́денькааа!

– Чить! – обернулась она, шикнула и, оглядевшись по сторонам, зашла домой.

Тихо, на цыпочках, прошла по подъезду и только собралась достать ключ и открыть дверь квартиры, как та открылась сама. Надя вздрогнула. В дверях стоял муж, высокий и широкоплечий Алексей, он был настроен агрессивно, но Надя, зная его натуру, ласково и решительно втолкнула супруга обратно в квартиру, приговаривая:

– Тихо, не хватало соседям нас ещё слушать.

Муж как-то быстро подчинился. Баринову вообще тяжело было чем-то напугать, закалка у неё была с детства. Папа всегда говорил: «Пусть люди будут все, как люди, а ты крутись, как черт на блюде!», вот она и крутилась.

– Лешенька, ну, поздно же, люди спят, – мягко и спокойно продолжила она.

Сняла обувь и спокойно, будто не замечая его гнева, пошла на кухню и включила светильник. Он шел за ней.

– Вот именно, что спят, а ты шляешься опять, – наступал муж.

– Так я же с работы, Лёш, – Надя не сдавалась.

– Время – десять сорок пять, Надя! Какая работа?!

– Так отчет писала, Леш. Конец месяца же был. А еще сегодня ... ты не представляешь, – она замолчала, выдерживая паузу.

– Что там у тебя? – он нервно постукивал ногой.

Надя наморщила лоб, между бровей образовалось две четкие складки. Лицо ее выражало недовольство и обиду.

– Ты все равно не поверишь! – чуть всхлиывая и наигранно, завела она рассказ.

– Хватит нервы мотать, начала – говори.

– Да, Сафонов, гад, так орал на меня, Лёш!

– Чё орал?

– Да я же не специально, я же для них стараюсь. Ну, приписала ему цифры в путевом листе. Сами потом за соляжкой придут.

– Ну!

– А где я им найду лишнюю? А тут хоть немного можно списать. Никто потрудиться не хочет. Для них же стараюсь!

– Ну, так чё было-то?

– Он сказал, расскажет начальству о моих махинациях, что я сука конченная и что все узнают о моих фокусах!

– Ни хрена се! Да он оборзел в конце! А чё ты мне сразу-то не сказала? Я перетру с ним завтра.

– Да не надо, Лёш, завтра выходные, да и я уже...

– Ты чё после этого еще говорила с ним?

– Шоферня же, чё сдуру не скажет... На всё обращать внимание?!

– Как это на всё? Он тебя сукой назвал!

– Ну, назвал и назвал, что делать? Поревела посидела. Два часа не могла прийти в себя, потом ещё и отчет переделывала, вот и задержалась поэтому.

– Да по шам ему надо надавать! Обычный водила, а гонору! Чистюля, нашелся.

– По шам, по шам! – Надежда потянулась к мужу, обвила его вокруг шеи всем телом, начала обнимать и целовать его.

– Защитник мой любимый. Ой, дети спят? – спросила, оторвавшись ненадолго от мужа.

– Засыпали вроде, – нехотя ответил тот и прильнул к её телу.

Можно было подумать, что это какой-то дешёвый спектакль. Если бы кто-то мог посмотреть со стороны, он бы сразу раскусил её хитрости, но никто не мог и муж тоже. Он слушал ее сладкозвучную сирену, он был слаб перед её уловками, защищался как мог, ерепенился, но всё равно всегда сдавался.

Жена знала, чем погасить скандал. Надя любила секс. Она как-то давно догадалась, что он ей может помочь в жизни. Её тянуло к мужикам, с ними было всё как-то понятней. Она и думала, как они, и часто была резка в высказываниях и в делах. В кругу мужчин её всегда принимали за свою. Почти все мужики

уступали ей. Даже чужие, если сразу не шли на контакт, то потом она всё равно переводила тех, кто был ей нужен, в разряд друзей.

Живя замужем, она делала, что хотела. Хотя в последнее время Лёшка стал подозрительнее, она всегда находила способы погасить его нытьё. Показалось ей, что муж узнал про Димку. Но она прогнала эти мысли.

После кухни они пошли в спальню, Алексей попытался пристать к ней ещё раз, но Надя отказала. «Хватит мне сегодня!» – подумала она.

* * *

На следующий день их дети, Серёга и Олежка, проснулись около девяти и уже готовили завтрак. Надя приучила их к самостоятельности давно. Помнилось бабушкино: «Дитяtko что тесто: как замесил, то и выросло», вот и учила парней всему, что пригодится. Обо всем приходилось думать и всё просчитывать, по возможности, потому что дома её не было частенько, да и мало ли что в жизни случится. Вот такая была её материнская любовь, и чувствовала она, что делает верно. Иногда прикрикнет, иногда промолчит, не орала, когда долго не приходили домой или являлись грязные по локоть, пацаны же.

Самой ей никогда не давали набегаться вдоволь. Отца рано не стало, «с сердцем у него что-то не так», как мать сказала, «враз умер». Был он сильным коренастым мужчиной, не красавец, но и не урод. Мама тоже была небольшого роста, не особо видная с лица, обычная деревенская женщина, но характер у обоих был как камень. Уж если за что брались, доводили до конца. И дети их, Надя и Егорка, младшенький, пошли в них. Вообще, мать наградила дочку крупным носом и скулами, как у монгольского воина, выступающими вперед, а заодно и твердым характером, слабиночки ей не давала, не жалела, всё больше приговаривала: «Ничё, Надька, сдюжишь!» или «Смотри, Надюха, спуску никому не давай!».

Жили они в далеком маленьком поселке, свое хозяйство держали. Все у них было: корова, теленок, свиньи, куры, даже кроликов разводили. Любила Надя родные места, хоть и приходилось в школу за восемь километров ходить. Но когда отца не стало, им пришлось переехать в соседнее Кошкино, снабжение там было получше, совхоз процветал, да и не находишься в школу за тридевять земель, ещё и мамке помочь надо по хозяйству. Наде тогда исполнилось двенадцать, а Егорке – восемь.

Она как-то сразу стала главной в семье, за отца. Договаривалась с мужиками, чтобы поле вспахали, прибавала гвозди, если была нужда, во дворе что-то ремонтировала, грядки вскапывала, ведра тяжелые таскала. Ничего не боялась делать: где мать подскажет, где своим умом доходила. И корову могла подоить, и свиней накормить, и еду частенько готовила, а когда приходила очередь пасти скот, они с братом вдвоем уходили в поле на целый день. А там огромное стадо, коров тридцать-пятьдесят, когда сколько выпускали, бегай за ними весь день и всех надо было привести обратно, ни одну не упустить. Ответственность большая, но Надя ничего не боялась, да и некогда думать, кто ещё кроме неё будет делать, мамка-то в совхозе.

В школе, если кто-то решал посмеяться над ней или, не дай бог, обидеть, она могла так взглянуть своими «кариками брызгами» – желание подходить к ней пропадало. Стоит бывало, брови взлетят, зубы стиснуты, смотрит как волк. Такая злоба от нее исходила, жуть.

Однажды какой-то пацан из класса постарше отпинал Егорку, шутя так, выпендриваясь перед одноклассниками, да ещё приговаривая, чтобы тот валил туда, откуда приехал. Брат рассказал сестре, та, недолго думая, подкараулила этого старшеклассника за школой, с поленом в руках. Шла на него в упор, как в атаку, обзывая какими-то едкими своими словечками, даже матом. В конце концов припечатала его поленом по спине и грозно приказала, чтобы он не смел подходить к ней и брату. Парень струхнул, решил, что она сумасшедшая, но с тех пор никто к ним не приставал.

Деревня-то слухами живет. Побаиваться её стали. Вот так и жила Надя, помнила мамкино «спуску не давай», надеялась только на себя, крутилась как могла. Потом подросла, черты лица изменились, стала красивее или, скорее, обаятельнее, с тем же магнетизмом в глазах, только теперь ещё к нему добавилась женская чертовщинка. Бывало просто посмотрит на человека, а он делает, что она хочет. Губы пухленькие, глаза большие, вот только нос остался великоват, но он её не портил. При взгляде на неё представлялась красавица Шахерезада из восточных сказок. Такая же темноволосая, привлекательная и хитроумная. А этот Егоркин школьный обидчик, Валерка, еще и начал ухаживать за ней, караулил у подъезда, чтобы только постоять с ней рядом хоть минутку.

Надя уже в свои пятнадцать лет знала себе цену, крутила парнями и углядела среди прочих спокойного и надежного Алёшку, который только что пришел из армии. Они встречались в клубе на танцах, потом она позвала его пару раз проводить её до дома, а буквально через неделю знакомства затащила

его в койку, пока матери дома не было.

И, как она это частенько делала, пропала. Парень долго не мог понять, что случилось, искал встречи, но Надя избегала его, а однажды, будто случайно, увидев, рассказала о том, что встречаться им больше не надо, что она беременна и будет убирать ребенка, потому что стыда теперь не оберешься. Но Лёша ни о ком другом кроме Нади и думать не мог и тут же позвал замуж, она согласилась.

Конечно, пока взяли справку у врача, пока принесли в сельсовет, насмотрелись и наслушались всего. Долго еще скандальные разговоры школьных учителей и слухи по деревни не умолкали. Мол, куда такая молодая, позор, жизнь себе портит, и ребенок явно не Алёшкин, приворожила его ведьма эта, Надькина мать, и в таком духе. Мать дома, конечно, дала дочери взбучку, но при всех встала на ее сторону, успокоила, «поговорят и отстанут, каждой новости – три дня».

Но свадьбу всё же сыграли честь по чести. И как только у Нади на руках оказался официальный документ о том, что она теперь замужем, она решила: «Так, на эту жизнь у меня свои планы. Никогда я ничьей не была и не буду, я – вольная птица».

Много вокруг Нади крутилось ухажеров. Валерка даже хотел усыновить её ребенка, обещал пылинки с неё сдувать, но Надя отказала, а чуть позже стала с ним тайно встречаться. Он с удовольствием исполнял её прихоти, всегда давал ей деньги, соглашался во всем и радовался как ребенок каждой встрече. Позже, когда он перебрался в соседний поселок городского типа Посьва, они стали встречаться реже, но, когда бы она ни позвонила, он бросал всё и гнал к своей принцессе.

* * *

Своего первенца, Сережу, Надя родила в шестнадцать, второго, Олежку, в двадцать два. Сразу отдала детей в ясли, которые были близко к дому матери. Та взялась ей помогать, забирала парнишек к себе, потому что Наде подвернулась оказия – знакомая устроила её на работу в святая святых, на ту самую нефтеперекачку, на которой можно было такие деньжищи получать, никакому колхознику не снилось. Лёшку она потом тоже пристроила туда же. Вечерами, а иногда только по субботам, они забирали детей домой. Уже позже Надя перевела детей в «энэпэсовский» садик.

Начала Надя с уборщицы, мыла полы в производственных помещениях, наводила порядок. А потом как-то само пошло, то один заболел, то другой, и она послушно подменяла всех, кто просил. Получалось у нее ловко: то за секретаря, то за кладовщика, то за заправщика, то за коменданта, а то и за диспетчера по вертолетам. И так со временем Надежда выбилась в заместители начальника автотранспортного цеха и председатели профкома. Работа, как и власть, шла к ней в руки сама, да и от мужиков отбоя не было.

Муж трудился в цехе связи водителем. Поначалу с работы домой они ездили вместе, но всё чаще супруга задерживалась. Скоро они начали видаться только поздно вечером и в выходные. Слухи о том, что жена его не обделена мужским вниманием, до него не доходили, Надя грамотно блядовала, как говорили в деревне, комар носа не подточит. Благо, были на станции оборудованные вагончики для вахтовиков и других командировочных. Если ей не хватало авантюры, она отправлялась в командировку, «заливала мужу сироп в уши», а он и верил.

Но душой Надя ни с кем не была близка, откровенничала всё больше для вида. Хотя подружка верная у неё была – Любана, местный фельдшер. Ей, как и Наде, было тридцать один, но выглядела она моложе. Бывало соберутся на квартире у Любы, та жила одна, и после рюмочки другой разговаряются, заведут песни. Напьются, напоятся, и давай Надька звонить кавалерам. Люба только соглашалась с ней, да ещё и по просьбе подружки звонила Надиному мужу и говорила, что та выпила и уснула у неё, и чтобы он не волновался, а если не верит, пусть придет и посмотрит.

Они даже пару раз изображали целый спектакль: Люба в разговоре с Лешей давала ему понять, что она пытается будить Надю, а та не встает и мычит что-то в ответ. Однажды Алексея это достало, и он пришел посмотреть, что там происходит, и хотя подружки сначала струхнули, когда услышали стук в двери и его голос, но достойно отыграли сцену до конца. Лёша увидел, что Надюха действительно пьянущая и оставил её у подружки. А той того и надо, она поправила макияж, прическу и уехала с Валеркой, машина которого уже стояла за домом, а утром он привёз её обратно.

Обычно такие «загулы» случались перед выходными. Все бы ничего, но Люба ужас как не любила врать и вечно ворчала на подружку, когда та приходила с бутылочкой и бралась за свое. Надя каждый раз ее задабривала, лезла обниматься, говорила: «Ты одна у меня такая, только ты меня понимаешь и не осуждаешь, куда я без тебя».

Но однажды, когда Надя поехала на какой-то пикник и Люба попросилась с ней, та ей, сама того не замечая, нахамила:

– Люб, ну какой из тебя компаньон на рыбалке? Ты же пить не любишь, целоваться ни с кем не будешь, а просто – на природу пялится... Так вон она, природа, выйди за деревню и дыши!

– Я же никому не помешаю, просто посижу.

– Вот именно, а если мальчики захотят ещё чего-нибудь, как я им объясню?

– А может, я тоже захочу? – неуверенно заметила Люба.

– Не смеши меня, кому ты там, – она осеклась и продолжила, – чё докажешь, напьются, полезут, да ещё и силой могут взять. Тебе это надо?

– Да нет, – неуверенно ответила Люба, но поняла, что будет мешать подружке.

– Подожди немного, поедем скоро с Лёхой на шашлыки, тебя возьмем обязательно. Там и природа и, может, я кого приглашу, – заговорщицки подмигнула Надя, чмокнула подругу в щеку и убежала.

Она и не заметила, как обидела преданную, тихую, безотказную и свою в доску Любу. Время шло, на шашлыки они сходили, и Надя действительно позвала с «энпээски» какого-то приезжего вахтовика. Но теперь уже, хотя внешне отношения у подруг были хорошие, Люба старалась находить дела по пятницам, и совместные их посиделки почти прекратились. Да и вахтовик оказался мужик не промах, начал ходить к Любе, как только приезжал на вахту. И хотя Надя подтрунивала над подружкой, мол, несерьезно всё это, не верь ему, у него таких – вагон, и жена вроде есть, те продолжали встречаться и вахтовик приезжал всё чаще и уже не только по работе.

Люба стала менее откровенной с Надей и больше не делилась своими секретами как раньше. Та же не могла без нее жить, подружка была ей нужна позарез, как дому удобный шкафчик. Можно туда что-то спрятать и самой за него спрятаться, если что.

Но нет-нет, да закрадывались в душу Алексея подозрения, и мужики в цеху болтали уже открыто, что жена ему рога наставляет. И он захотел поговорить, но язык не поворачивался. Однажды ночью, в постели, разговор всё же состоялся:

– Надь, я чё сказать-то хотел, – слова шли трудно.

– Ну?

– Мужики говорят, что, – он замолчал.

– Что?

– Ну, что я... – он опять застыл.

– До утра так будем? Говори, если начал!

– Ну, что рогоносец, мол, Баринов.

– Ага? – Надя повернулась к нему, приподняла левую бровь. – И ты им веришь?

– Да нет, Надь, ну, как можно.

– Что можно?

– Да верить им. Но... я бы хотел от тебя услышать, вообще, ну...

– Что ты у меня один?

– Ну да, – Алексей лежал рядом, словно провинившийся пятиклассник.

– Леш, они же просто завидуют нам. Не слушай ты никого, – она обняла его и придвинулась ближе, – я люблю тебя одного, где я еще такого найду?! – она снова обняла его и так жарко поцеловала, что ему ничего не оставалось, как обнять и поцеловать в ответ.

– Гады завистливые, я знал, Надюша, что ты так скажешь, – Лёша повторял это, как в бреду, и уже был в полной ее власти.

– Не думай о них, я же рядом, – и они продолжили целоваться.

Надя опять победила, обвела его вокруг пальца. Она знала, что всё будет так, как она захочет. Какая-то большая уверенность в себе как твердый стержень стояла у нее внутри. В деревне её называли «кремень», мужики между собой называли – «бойбаба».

Лёша теперь уже давал отпор мужикам, когда те наседали с разговорами о жене, а Надежда смекнула, что надо быть поосторожней, и когда случилась оказия, подошла к самому говорливому и обаятельному электрику из цеха мужа:

– Ген, видела в профкоме твое заявление на материальную помощь.

– Писал, было дело.

– Вот думаю, что с ним делать?

– А чё делать, имею право, как все! – вздернул нос кверху Генка.

– Конечно, имеешь, но только у тебя не хватает стажа немного.

– Да? Денег очень надо!

– Если ты готов ждать, то и мы можем подождать, но если...

– А чё сделать, чтоб не ждать? – смекнул Гена.

Надя подошла к нему почти вплотную и спокойно, глядя в глаза чуть струхнувшему электрику, сказала:

– Заткнуться и перестать трепать обо мне на каждом шагу, особенно моему мужу!

– Ппы-понял, Надежда Петровна, понял, – промямлил Гена, как побитый щенок, посмотрев на ту, что была младше его лет на десять и ниже ростом.

– Ну, смотри, я тебе верю, – сказала она начальственным голосом.

Потом резко отошла от него и, не оборачиваясь, пошла прочь. С тех пор слухи прекратились. Точнее, до мужа они не доходили.

* * *

В это утро Алексей еще спал, она же, как всегда, проснулась рано. Потянулась, как любила, всем телом, вальяжно, как львица. В этот момент в комнату заглянул их младшенький:

– Они не спят, – крикнул он Сереже, который уже заканчивал приготовление завтрака на кухне и улыбнулся любимой маме.

Мама же, ничуть не смущаясь, что она в легком ночном пеньюаре, поднялась с подушки ему навстречу, Олежка подбежал и уткнулся ей в грудь.

– Папа еще отдыхает, потише. Что у нас на завтрак?

– Яичница с колбасой! – бойко ответил младший.

– Чё разгалделись-то с утра! В выходные поспать нельзя! – Алексей заворчал и продолжал кемарить.

– Всё-всё, спи, – она поднялась с постели, надела на пеньюар халатик, взяла в охапку Олежку, и они поцапали на кухню.

– А Серёга ещё салат сварганил, – рассказывал ей по дороге счастливый сын.

Он так любил дни, когда вся семья была вместе.

– Помощнички мои! – Надя приобняла их, чмокнула Серёгу в щеку, он увернулся.

– А меня! – завопил Олежка.

– И тебя, – она поцеловала и младшего.

– Таак, что там у нас вкусенького или сожгли опять чё-то?

– Да почему сразу «сожгли-то»? Было один раз, теперь всю жизнь помнить будут! – Серёжа ершился.

– Не, мы новый рецепт испытывали, тетя Люба дала, – заискивающе затараторил Олежка, он всегда старался всех помирить.

– Ладно, дайте попробовать.

– Не догадаешься, чё там! – Сережа перемешал салат и дал матери ложку.

– Сладкое что-то. Может, ананас? – сказала она, съев половину, и хитро улыбнулась.

– Неет! – закричали в голос парни.

– Где тут ананас-то найти, мам, ты чё? – возмутился Сергей.

– Ну, тогда... яблоки.

– Яблоки, яблоки! – обрадовался Олежка.

– Так нечестно, ты знала, – сопротивлялся Сережа.

– Да не знала я.

– Ага, сразу так отгадала? – не сдавался старший.

– Просто я же женщина и готовлю... иногда.

– Блин! А ты поняла, что там ещё макароны?

– Оспади, в салате?

– А, во как я придумал!

– Ну, вот, видишь, ты не угадала! Но мама бы потом догадалась, да мама? – влез в их разговор младшенький.

– Ладно, миротворец, – погладила она его по голове и обратилась к старшему. – Сынок, может, ты и правда поваром будешь, вон как у тебя все получается! Вкуснятина какая, тока майонеза бы побольше, а так, ничего. Папе точно понравится.

– Мам, где побольше-то возьмешь, последнее соскребли, – ответил Сергей.

– Как последнее, я недавно вот заказывала пять банок Палне! Съели, что ли? Чё молчим?

– Да... мам, я... это... – он замялся.

– Таак! – голос матери стал строже.

– Я баночку дал... Маринке Кузнецовой. У них вообще нигде это всё достать.

– Негде достать? А меня это волнует?! – Надежда сурово свела брови у переносицы, и две большие

морщины, которые ничего не предвещали хорошего, появились на лбу.

Было ясно, что мать недовольна и сейчас начнет ругаться.

– Я заказываю, прошу, за сотни километров мне везут на перекладных, люди мучаются, а тут, оказывается, сын свою лавочку открыл?! Прекрасно!

– Да мам, я же помочь хотел!

– Помочь?! А ты думаешь, что мне это всё легко дается? Мне что, всю деревню теперь кормить?

– Да я не думал, мам. Просто...

– Вот именно, не думал!

– Ты же сама говорила, что надо помогать, – встрял Олежка.

– Так, помолчи-ка, защитник! Нет, ты мне скажи, сын, ты думаешь, что мне это всё легко достается? Сережа молчал и дулся.

– Да он в нее втюрился, в Маринку! – хихикая, выпалил младший.

– Ты чё блин, а! – прикрикнул Сережа, показывая брату кулак.

– Так, понятно, я и забыла, что тебе уже пятнадцать. Ладно, проехали, но чтобы больше без меня никому ничего не давали. Только перестали жить по талонам! И вообще, готовите, так хоть спросите у меня, какие продукты брать.

– Так тебя вечно дома нет, – попытался вставить слово Сережа, – а у отца мы спрашиваем, если что-то надо. Он и про майонез Маринкин знал.

– Ах, знал! Ну, получит ещё свое! С отцом они советуются, отец им опять хороший, а мать – дура!

– Да, мам, я не то хотел сказать, – начал защищаться Сергей.

– И вообще, неча мне тут указывать! Я чё, железная, везде должна успеть? Я вам не уборщица, не прачка и не кухарка?! Всё достань, за всем уследи! Конечно, отец им ближе, – Надежда опять сморщила лоб.

– Мамочка, мы же тебя любим! – Олежка подошел и обнял ее.

– Конечно, мам, ну чё ты! – Сергей встал рядом. – Я не буду больше никому ничего давать без твоего спроса и макароны в салат крошить не буду, если хочешь.

– Нет уж, ты давай кроши, чё хочешь, – Надя засмеялась и обняла Олежку, – хоть шнурки!

– Хм, шнурки не съедобные. Вот если бутерброды из колбасы и варенья попробовать?! – повеселел Сережа.

– Что?!

– Ну, я серьезно, французская кухня же!

– О, да, нам как раз французской кухни не хватало. В следующее воскресенье у папы день рождения, устроим пир с шашлыками и вареньем. Серёга – за главного! – объявила она.

– Ура! Шашлыки! – завопил Олежка и запрыгал по кухне.

– О, клево, из куриных окорочков? – уточнил Сережа.

– Может, и из куриных, а может, и из ... – она замешкалась, – из олежкиных или сережкиных,

– Или из папиных, или из маминых, – продолжил дразниться Олежка.

– О, да из мамы уже пора, – Надя захватила у себя за животе складочку, – вон сколько сала-то, – и они засмеялись.

– Ладно, всё, хватит, я пошла, мне как раз по поводу воскресенья надо с тетей Любой пошепаться.

Надежда зашла в ванную, потом повертелась у трюмо в прихожей и через некоторое время, уже принарядившись, с подкрашенным лицом, появилась в спальне. Муж ворочался, никак не мог заснуть снова.

– Чё вы там орете?

– Да повар наш делился секретами. Лёш, я к Любаньке на часик, надо поболтать, давно не виделись.

– Давно не виделись! – муж был недоволен. – А скока время-то?

– Десять доходит.

– Чё соскочила? Думал, поваляемся ещё, – игриво начал Алексей.

– Да не знаю, неохота. Любка позвонила, чё-то у нее там случилось, – откровенно врала Надя.

– Чё-то я не слышал звонка?! И в выходные нет покоя. Какая же она зануда, а?! Чё у нее может случиться? Взрослая баба вроде! Не может придумать, чё в борщ ложить?

– Ложить?! – передразнила Надя мужа, – да ладно, чё с тобой говорить. Причем тут борщ? Завелся с утра! Не, а чё мне уже и к подружке нельзя в выходные? Ты, вон, на заговенье идешь?

– Понятно, иду! Это уж традиция, это железно каждый год. Это не трожь! День всех святых.

– Ой, святые, не могу, а вы еще пьёте, как лошади, в этот праздник, святые?

– Надя, иди ты!

– Я и пошла, – она отправила воздушный поцелуй и направилась к выходу.

Уже от дверей крикнула:

- Не забудь, сегодня идем к Ворошиловым, на проводины.
- Какие еще проводины?!
- Ты чё забыл, Только в армию забирают. Тоже мне, родственничек?! – продолжала она кричать у дверей, уже надевая обувь.
- Да какой родственник, седьмая вода на киселе.
- Неважно, проводить надо парня по-человечески, – она, уже в обуви, прошла обратно в спальню, – не хочешь, не пойдем?
- Пойдем, чё делать-то! Ты скоро явишься?
- Да через часик-другой, – Надя была уже у выхода.
- Мам, я только пропылесосил, ну чё в обуви-то! – возмутился Серёжа, увидев, как мать вышла в туфлях из комнаты.
- Ну-ка, цыц! – она скрылась за дверью.
- Давай недолго там! – громко, чтобы она услышала, гаркнул Алексей.

* * *

Идти Наде нужно было совсем в другую сторону, но надо усыпить бдительность мужа, который опять стал следить за ней. Старший сын однажды рассказал ей, что видел, как отец стоял и высматривал кого-то в окно подъезда. По тому, как только что из дома вышла мама, он смекнул, что не зря. У них-то окна выходили в лес и на задворки деревни, на Молодежную улицу, а что творится в центре, не углядишь. Вот и приходилось отцу выходить с сигаретой в подъезд, вроде как покурить, а сам он тайком смотрел, пошла ли его жена туда, куда сказала.

Не зря Надя сделала этот маневр, потому что только она ушла, Алексей тут же выскочил в подъезд и проследил за ней. Ничего особенного не увидев, пошел воссоединяться.

- Любана, ау! – она зашла к подруге, как всегда, не постучавшись.
- Я здесь, Надь, вижу уже, что ты пылишь, – Люба выходила из ванной.
- Я хотела до похорон пробежать.
- Ну, да вон собираются уже у домов.

Надя направилась к телефону.

– Здравствуйте, а можно Посьву, пятнадцать-сорок восемь. Добрый день, вы могли бы Валеру из пятидесяти шестой позвать, – на другом конце провода ответили. – Спасибо большое.

Она стала ждать.

- Надь, смотри, что вычитала. Сейчас идет русальная неделя, – Люба подошла с журналом.
- Обожди, Люб, потом, – закрывая трубку рукой, – слушай, скажешь, что я у тебя была?
- Валерик, – Надя уже говорила не с ней, – давай дуй скорее ко мне, я через двадцать минут буду на своротке, на Николаевку, там меня подхватишь. Да бегом: у нас час, – она положила трубку.
- Опять сбежала? – Люба недовольно отложила журнал и пошла на кухню, включать чайник.
- Да ладно тебе, Люб, я супружеский долг вовремя отдаю, Лёхе хватает.
- Они сели за стол, Люба разлила чай по чашкам.
- Ну, попробуй вот хоть шарлотку, какую-то новую испекла.
- Да я объелась с утра, Любань! С собой, может, дай немного, на обратной дороге возьму, угощу мальчишек.
- Конечно, дам, – она начала заворачивать пирог, – ой, Надь, как ты не боишься, а?! Я бы вся истряслась.
- Да боюсь, Люб, но я ж без адреналина не могу!
- Адреналина ей не хватает, займись спортом, пошли со мной на лыжах. Знаешь, какие спуски есть, дух захватывает!
- Ну, ходила я с тобой и чё, ползешь как дурак по пустыне, а потом эти маленькие горочки.
- Так они разные бывают, можно ещё в походы ходить.
- Ну, здравствуйте, тетя медик! Ладно, чё ты там читала? – переключила разговор Надя. – Может, я русалкой была в прошлой жизни?! – она усмехнулась.
- Ты и сейчас как русалка, – она принесла из комнаты журнал, – вот, смотри, идет русальная неделя, – продолжала Люба.
- Так заговенье же, какая русальная неделя? Завтра мужики пойдут по бутылкам стрелять.
- Оспади, Надь, это разные вещи. Короче, в воскресенье день всех святых, ничего делать нельзя, а то будет плохо, а тут...

– Ааа, у меня есть один святой дома, как раз об этом щас говорили, – Надежда прервала ее.
 – Вот, слушай, «особую силу имеют любовные заговоры», – Люба уже зачитывала из журнала.
 – Чё-чё там написано? – Надя взяла журнал из рук Любы, снова прочитала про заговоры и продолжила: – «лихие люди» могут замышлять зло на своего ближнего. По древним поверьям в эту неделю русалки выходят из воды – купаться в полдень и в полночь запрещается, иначе они могут утащить в свое царство. Также нельзя ходить в лес одному.

Надя закрыла журнал.

– Лихие люди, гришь? Ну, про меня же.
 – Ну, ты же у нас не такая лихая?
 – А какая? Да ладно, чё ты, меня же ведьмой за глаза называют, я знаю.
 – Мало ли чё говорят. Я вон хожу по деревне, людей лечу, бегаю на каждый вызов как оглашенная, и всё равно жалуются. А один дед даже шаманкой назвал. Всем не угодишь. Так что...

– Как баушка говорила: «На каждый роток не накинешь платок».
 – Ну и я про то же. Все равно будут трепать по деревне, даже если не делаешь.
 – Да я не слушаю никого, это так, на ум чё-то пришло.
 – Ну и вот. А чё расстроенная такая?

Наступила пауза. Надя вздохнула.

– Просто подумала щас, что вечно прячусь, скрываюсь? Я что, преступница? – начала она.
 – Нет, конечно, но...
 – Да ладно, Люб, я все понимаю. Нельзя. От живого мужа вроде как бегаю. Не положено. А мне чуть больше тридцати всего, Люб, я не хочу вечно докладывать этому дундуку, куда я пошла и на сколько. Я же не последний человек на работе, мне все в рот смотрят, советуются. Ты же сама видишь! А я должна бояться сделать шаг.

– Надь, так ты вроде не боишься никого, и с Лешей у вас всё хорошо вроде?
 – Вот именно, вроде! Дети меня не видят, тебе приходится врать, с Димкой не могу побыть вдоволь. Вот Ирка с Аликом так же, как мы, начали встречаться, а уже дело к свадьбе идёт! А почему, думаешь, я к Валерке езжу? Да назло! Чтобы показать Лехе, что всё равно всё по-моему будет.

– Зачем? Может, развестись в конце концов, если так тошно?
 – Не знаю, зачем, Люб, не мучай ты меня, не могу жить по-другому! О разводе было намекнула ему, но он и не понял, про кого я ему говорю.

– Так ты не намекай, а говори напрямую.
 – Да что-то пока нет повода, да я и не представляю, как мать это всё воспримет? Хотя, куда она денется. Ой, не собираюсь я всех слушать! Надо будет, захочу и разведусь!

– А дети без отца, Надь? Парни все же!
 – Люба, ты только что говорила, разводишься. Значит, будет у них другой отец! – Надя почти крикнула, но осеклась, вспомнив, что больно тонкие перегородки в «бамовских» домах.

– Ну, да, ну да, – поддакнула подруга, – а чё делать-то, Надь?
 – Не знаю, жить, как живется, а там посмотрим! Ну, люблю я мужиков, что теперь?!
 – Так прикроешь? – продолжила Надя как ни в чем не бывало. – Скажешь, если будет звонить, что я у тебя была, только вышла.

– Ой, не нравится мне это! – Люба вздохнула.
 – Ну, вот, опять заставляю тебя врать.
 – Да ладно, скажу, скажу.
 – Спасибо, Люб, хотя, может, и не надо будет ничего, может, и не позвонит. Ты дома будешь? Я к тебе потом заскочу помыться и пирог возьму.

– Да куда я денусь?! Если вызовут только, так ключ сама знаешь где.

– Ну, я пойду, этот подъезд уже скоро.
 – Вот, блин, партизаны, а! Ладно, – отправила ей вослед Люба.
 – Всё, чао-какао, – Надя ушла.

В подъезде шмыгнула в открытое окно, благо, был первый этаж, и быстрым шагом пошла к месту встречи с Валеркой.

* * *

– Ма, а ты новые кроссовки куда положила? – кричал Димка.
 – Димушка, да вон же они, на крылечке!

– Ой, прости, родная, вечно не замечаю.

– Да уже вижу, сын, что витаешь где-то, осмотрелся бы, прежде чем кричать, – ровным, но усталым тоном ответила Екатерина Андреевна.

Она работала учительницей химии и биологии в местной школе и всегда не спеша, с толком, а главное, увлекательно, объясняла детям, что и где находится и что из чего состоит. Её очень любили за это и вообще за то, что она так захватывающе рассказывала о своем предмете, будто детектив читаешь. Всё становилось понятно и хотелось повторить. Вот и сейчас она не завелась, как обычно это делали местные мамы, а спокойно объясняла взрослому уже сыну простые вещи.

– Ой, прости, не заметил, а ты чего вздыхаешь, мам?

– Да вспомнила о твоей новой пассии.

– Что такое?

– Димуль, я никогда же тебе ничего не говорила такого, – мать начала издали, смущаясь и выдерживая паузы, – ты всегда сам принимаешь решения и я приму любое твое. Я же у тебя быстро «врубаясь» в эти ваши «приколы».

– Ха, мам, ну ты даешь. У вас чё, в учительской теперь так говорят?

– От учеников набралась, не уходи от темы.

– Мам, да чё такое?

– Вот, кто из вас чаще ищет встречи? Разговариваете вы, делитесь тем, что в душе накопилось? Или у вас только физиология? Как у самца и самки.

– Ну, ты скажешь, мам, это же тебе не урок биологии. Я не думал об этом. Мне хорошо с ней и всё, а там увидим.

– Димка, вот думаю, неужели это действительно любовь? Я не говорю о разнице в возрасте, я понимаю, что это ничего не значит.

– Хорошо, что хоть ты это понимаешь, а то устал уже объяснять всем. Я не знаю, мам, я просто не могу без нее жить!

– Ну, примерно так я и думала. Видимо, надо перетерпеть, – сказала она, скорее, для самой себя.

– Да не надо терпеть, живи и все, чё случилось-то?

– Как скажешь, сынок, только... отец переживает очень, он же у нас не такой демократичный, как я, всё норовит пойти поговорить с ней, я всё время останавливаю.

– Да не надо с ней говорить!

– Не кипятись, вот и он такой же, просто смотри, чтобы нашу фамилию не склоняли на каждом углу.

– Вот блин, я, что, уже позорю фамилию?

– Сын, ты – нет, но о ней очень уж много плохого говорят.

– Началось. Что, например?

– Говорят, будто у нее много мужчин и что она занимается всякими приворотами. Даже бабка её была колдунья.

– Ой, мам, и ты туда же! Ты же атеист и анатомию преподаешь.

– Да я не верю, Димуль, но рассказывают, что все, кто связывается с такими людьми, болеют и даже умирают.

– И чё, я заболел?

– Ну, нет, но. Может, у вас всё и не так, но, как подумаю, что ты как привязанный к ней ходишь, то начинаю верить.

– Мам, я контролирую ситуацию. Всё нормально. Говорят те, кому самому хочется этого, ты же знаешь. Мне по фигу, кто у неё там есть, я бы прям сейчас её замуж взял.

– Замуж? – она задумалась. – Да, серьезно у вас всё. Так чего ждать, бери.

– И возьми!

– Возьмешь-возьмешь, сын, всему свое время. Может, она и хороший человек, кто знает. Я тебе тут не указ.

– Лан, мам, понял я, – сын вышел во двор.

– Ничего ты не понял, сынок, – Екатерина Андреевна взяла веселку и пошла подминать подходившее уже второй раз тесто.

* * *

Надежда свернула к Николаевке и встала там, куда должен был подъехать Валерка. Стояла минут десять, вдалеке показалась похоронная процессия её бывшего ухажера Сашки, по кличке Хомяк, она

занервничала. Уйти было нельзя, она бы столкнулась с людьми нос к носу, а тут, за деревьями, её не видно. Хотела уже плюнуть на всё и пойти домой окольной дорогой, но Валеркина машина показалась на горизонте.

- Спасай меня! – протараторила она, прыгая на сиденье.
- Чё случилось? – Валерка тут же потянулся целовать её и лапать.
- Да подожди ты, дай хоть сесть!
- Садись-садись. Ну чё такое-то?
- Да соседа моего хоронят.
- Во блин, я же не знал?!
- Поехали отсюда на фиг! – прошипела Надя.
- С удовольствием! – продолжал улыбаться Валерик. – Давай тихонько проедем мимо них и свернем к старому крольчатнику, там спрячемся.
- Ты чё, вообще что ли?! Не поедем мы туда! Можно другой дорогой проехать, вон к тому леску.
- Как скажешь, моя принцесса!

* * *

Вечером во дворе дома, где шли проводины в армию, стояли накрытые обильно едой и выпивкой столы. И как это всегда делалось в деревне, их сколачивали накануне из не струганных досок на скорую руку и покрывали клеенкой. Народу было полно, гулянье шло на всю катушку. Только Ворошилов, сын двоюродного брата Нади, уходил служить.

Мать его ходила с заплаканными глазами и только успевала подносить еду к столу. Девушка Маша не отходила от призывника ни на шаг, смотрела в рот и ловила каждое его слово. Гармонист уже раз двадцать за вечер сыграл «Как родная меня мать провожала», парни подтягивались на турнике, мерялись силой на кулаках. Съедено и выпито уже достаточно.

В Кошкино, когда провожали солдата, всегда гуляли до самого утра, а потом всей толпой шли к шестичасовому поезду и сажали призывника под песни, слезы и напутствия родных в вагон, который вез его в районный военкомат.

– Толян, я тоже пойду в армию, сразу за тобой, чё ты в натуре! – младший брат Колька говорил старшему чуть заплетающимся голосом.

- Да ты школу закончи сначала, сопля! – дразнил тот брата.
- Я сопля, да? Ты думаешь, я худой? Да я легко могу подтянуться двадцать раз.
- Подожди, ты только что висел как мешок с говном! – в разговор вмешался Толькин друг Никита.
- Я, может, волновался, тоси-боси, собрались тут все, глазают.
- А в армии ты тоже скажешь, отойдите, мол, пацаны, тоси-боси, я стесняюсь! – не унимался Никита.
- У меня еще два года есть, натренируюсь!
- Ну, давай! А то, может, сейчас? Мы всех разгоним, скажем, извините, гости дорогие, у нас тут Колян смущается, тоси-боси, – продолжал подтрунивать друг.

– Да чё ты, блин! Я могу! Ща тетя Света допоеет.

– Ладно, пацаны, хорош базарить, мне батя коньяк заначил на проводины. Кто хочет, за мной.

Все загалдели и пошли за дом. Надин Сережка тоже был тут.

– Я тоже хочу, я ни разу не пробовал! – заныл Колян.

– Хватит тебе, салага еще, и так уже назюзюкался! – прикрикнул на него старший брат, потом посматривая с жалостью и добавил: – Ладно, пошли, тоси-боси, – и, обращаясь уже к своей девушке, – Машк, ты побудь пока здесь, ага, мож, матери чё понадобится. Мы скоро!

– Ага, – промямлила Маша и нехотя пошла в сторону Толиной мамы.

Парни ушли. Остальные гости продолжали петь. На улице стояла ночь, но было светло – летние ночи, белые на Северном Урале, и фонари в ограде Ворошиловых горели ярко. И хотя все уже были под хмельком, друг друга могли видеть хорошо. Тут же был Егор, который оставил дома жену с детьми, и Надя с Алексеем. На другом конце стола, который стоял буквой «П», сидел Димка. Он пришел в своем дембельском кителе и был сегодня особенно хорош, они часто встречались взглядами с Надей.

Впрочем, не с ним одним она переглядывалась. Явился на праздник приезжий, новенький в деревне, Надя томно улыбалась, делая ему какие-то непонятные, ничего не значащие и в то же время знакомые женские намеки-сигналы к тому, что она бы не прочь с ним закрутить. Она и собиралась это осуществить в ближайшее время. Узнала уже, что он приехал погостить на пару месяцев. Надя всегда любила короткие романы. Запотемилось ей! Как захочет кого, хоть тресни, надо заполучить его себе и всё тут. А потом

все они ходили за ней, как телята, но ей были уже не нужны.

– Давайте музыку, что ли, включим, чё одна гармошка играет? – предложила Надя, кокетливо улыбаясь новенькому.

– Давайте, никто вроде не против, – ответил хозяин дома, двоюродный брат Нади, уже покрасневший, Гришка. – Толька, давай врубай свою шарманку!

– Тише ты, раздухырился, всё-тки сына в армию привыжашь, гулянье тут устроил! – одернула его жена.

– А чё, имею право, чем сильнее гуляю, тем легче служба!

– Чё-то не вижу связи? Ой, да чё щас с тобой говорить, – она пошла в дом.

– Я могу включить, я знаю, где, – нашлась Толина подружка Маша.

– О, мылодец, доченька, давай, выручай! Невеста растёт! Видали? Родня моя будет!

– Да ладно вам, дядь Гриша, – Маша засмушалась, включила музыку и убежала.

На весь двор раздалось «Твоя вишневая девятка меня совсем с ума свела». И почти все, кто сидел за столом, повскакивали и затанцевали, даже старики. Алексей остался, он вообще весь вечер был какой-то хмурый. Идти сюда не горел желанием, хотел дома побыть, программу «Время» посмотреть, вон по радио передавали, в Анголе война началась, да мало ли чё, неохота сегодня ни веселиться, ни пить. Устал, что ли, и на душе как-то не по себе. В следующее воскресенье тридцать пять стукнет, а все как пацан. Надо бы остепениться.

«Точно сказали, что за Надькой ухлестывает сын учительши. Вон как трётся около неё! Пойти вмазать ему, что ли? Тоже неохота, обожду пока», – размышлял Алексей, пока другие плясали.

– Слышь, а Надька-то опять в загул пошла! – донеслось до него с соседних мест.

– Мужик по хер, чё ей не гулять!

– Ну, да, слушала она его! Уже и при нём наяривает, он-то щас напьётся, вишь, сидит как сыч, она и сбежит. Точно говорят, ведьма!

– Так и семья страдат.

Алексей насторожился, искоса посмотрел на баб, которые шептались.

– А вы чё тут расселись, вроде не старые, чё не танцуете? – Алексей заговорил с ними.

– Ой, да кому мы нужны! – заулыбались те и смутились.

– Вот именно! И неча чужому счастьем завидовать, – он налил целый стакан водки, выпил и пошел танцевать с подвернувшейся рядом бабенкой.

Надя тем временем всё ближе прижималась к Димке, но заметила, что муж танцует с молодой библиотекаршей Веркой, оттолкнула Димку и резко пошла к мужу.

– Разрешите, – она бесцеремонно схватила мужа и начала с ним танцевать.

Верка, не успев понять, что происходит, так и встала столбом в центре круга, но тут Димка сообразил, подхватил её и, переглянувшись с Надей, мол, вот тебе, продолжил танец. Взгляд у Нади был нехороший, и Димка увел свою партнершу от греха подальше на другой конец площадки.

Потом ещё горланили песни под гармошку, тосты, танцы, кто-то прикладывался спать. Время шло к рассвету. Мать собрала призывнику в дорогу рюкзак с едой и теплыми вещами, подъехал автобус, и все, кто остался, человек двадцать, потихоньку загружались, чтобы ехать к поезду.

* * *

Бариновы, Егор, Димка и ещё человек пять решили не ездить, стояли у автобуса, пили на посошок и вместе со всеми тянули в сорок пятый юбилейный раз «Как родная меня мать провожала». Будущему солдату снова говорили напутственные речи. Тот стоял бодрый, но будто слегка ошарашенный. Вчера вечером, дома, всё происходящее казалось веселым, а теперь, под утро, когда стали прощаться, Толька всем нутром ощутил скорую разлуку с родным домом, с близкими, но виду не показывал. Маша его стояла рядом. Потом началась какая-то непонятная дорожная суета.

Один из родственников, уже сильно пьяненький, хилый такой с виду, в чём только дух держался, не выговаривал букву «л» и всё время повторял: «А ты свужи, как я свужив!». Над ним смеялись, кто-то поддразнивал, кто-то слушал рассказ, как же он все-таки «свужив». Наконец будущий солдат с родителями, подружкой и всеми, кто решил проводить его до конца, а кто просто сел в автобус по-пьяни, уселись, более-менее уgomонились, гармонь заиграла ещё жалостливей, и автобус, подпрыгивая на кочках, покотился к железнодорожной станции. Провожające махали вслед, кто-то плакал, кто-то твердил что-то вроде «два года быстро пролетят», какая-то собака побежала за автобусом, и, как только они скрылись из вида, оставшиеся гости пошли кто куда.

Новенький, с которым Надежде хотелось завести шашни, испарился. Она посмотрела, не нашла его, и их компания: она, муж, брат и Димка и ещё какой-то мужичок, пошли в сторону дома. Через несколько домов мужичок свернул в проулок.

– Ну, бывай, – крикнул ему Егорка, и они остались вчетвером.

– А чё, сегодня ж заговенье, постреляем, штоль? – предложила Надя, когда они подошли к перекрестку.

– Надь, да уже утро, ты чё? – ответил муж.

– Леш, ну пожалуйста, – она наклонилась к нему и, пока никто не видит, чмокнула его за ухом.

– Не, я тоже домой! – почти простонал Егорка.

– Егора, да ты что, ты же любишь стрелять! – не унималась она.

– Ты откуда знаешь? Не, щас Оксанка у меня заведется, явно не спит еще. Или – уже.

– Ну, мы недолго, скажешь, что ездил к поезду. Егорушка! Ну, мужики, ну пойдете!

– Ой, ты мертвого уговоришь, пошли!

– Леш, ну чё? Пойдем? – она посмотрела еще раз на мужа, как ребенок, который просит конфету. – Я же никогда не стреляла, ну, Лёш, да мы уже почти дошли до берега.

– Ничёсе дошли, еще полкилометра кондыбать, – вставил Егор.

– Ты че, а! – она зыркнула на брата.

– Ой, хочется тебе? Всю ночь не спали, чё мы там настреляем поддатые?

– Так мы немного!

– Чё немного, а ружье где?!

– Я могу сбегать за своим! – нашелся Димка, который всё время молчал, слушал и просто шел рядом.

– Лёйшик! – опять заканючила Надя.

– Надь, ну, правда, чё ты, устали все уже, – Егор решил, что всё ещё может измениться и стоит принять Лешину сторону, особо идти ему не хотелось, да и домой рановато.

– Тебе чё, больно охота домой, к пеленкам? Я вас когда-нибудь вот так просила?! Ну, чё, никому не охота пострелять? – не унималась Надя и снова обратилась к мужу.

– Ой, ладно, пошли, не отвяжется же! Как чё втельмяшит в голову, не выбьешь, – Алексей решил подчиниться.

– Это точно, чё делать, сдаюсь, – брат поднял руки вверх, будто капитулировал.

– Дим, давай, беги за ружьем, – она нарочно при муже говорила с ним, как с ребенком, – мы будем за интернатом, увидишь нас.

И заметив, что муж не видит, она движением губ показала, что целует его. Димка рванул ещё быстрее. Как только он скрылся из вида, она поцеловала мужа, и они, идя к реке, уже подбирали по дороге валяющиеся банки и бутылки.

* * *

В интернате, куда они шли, во время учёбы жили детишки из дальних сёл и полустанков. Каждый день в школу не наездишься, вот и куковали они тут всю учебную неделю, а в субботу и на каникулы разъезжались по домам. Летом здесь у школьников была оздоровительная площадка. А вообще, место за интернатом было популярным: сюда приходили позагорать и искупаться, пожечь костер, порыбачить, посидеть полюбоваться на природу.

Она тут раскрывалась как-то по-особому. Может, еще оттого, что здесь сливались вместе две реки – Мигла и Посьва, и по их берегам тянулись вереницею дома, а может, оттого, что уже поднималось солнце и на другой стороне, метров за триста, его лучами освещалась Николаевка, восточная часть села. И оттого эта близкая и таинственная красота была вдвойне хороша.

– Давайте вот тут поставим бутылки. И видно, и удобно стрелять, – предложила Надежда.

– Больно ты понимаешь, откуда удобно, – прервал ее муж.

Он злился, опять он уступил и получилось всё, как она хотела, да ещё и компания подобралась, хрен знает какая: брата её он всегда недолюбливал и этого хера с горы, который увивался за женой, тоже не особо хотел видеть. Не сильно ли жирно им будет два горошка на ложку – и жена тут, и его любимая забава – стрельба по бутылкам в заговенье.

Он этого ждал каждый год, но как-то всё по-другому было: придут бывало с мужиками, своими дружбанами, выпьют, костер разведут, мясо пожарят, печенки напекут, посидят и стреляют потом до одури. Почему сейчас он должен всё это делить с какими-то мудаками? Опять он, дурень, повелся на её нюни!

– Ну, чёт такой смурной, Лёш? – окликнула его жена.

Алексей промолчал.

– Егорка, а у тебя же значок есть какой-то? – не обращая внимания на невеселого мужа, она болтала с братом.

– Какой-то?! Лучший стрелок вообще-то!

– Ну, вот! Ты – матерый волк, значит!

– Угу, волк, а кто служил в армии и не стрелял, интересно? – Алексей продолжал ворчать и пошёл сооружать место, куда можно поставить бутылки.

Егор взялся ему помогать.

– Мужики, а там какие-то коробки деревянные бесхозные во дворе, может, надо? – крикнула Надя, показывая на интернат.

Лёха почесал затылок, покумекал и велел Егору взять их. Тот принес парочку. На них в метрах двадцати от того места, откуда собрались стрелять, и поставили банки-склянки. Лёха поправлял сооружение, когда подошел Димка с ружьём, Егор тут же направился к нему.

– Какой калибр? – спросил Егор, важно поглядывая на двустволку и патронтаж в руках Димки.

– Шестнадцатый, – Дима держал ружье дулом вверх, как положено.

– А оно заряжено, патроны есть? – Надя потянулась было к ружью, но тот не дал.

– Подожди, сейчас заряжу, – Дима достал патроны, переломив ружье пополам, зарядил оба ствола и закрыл.

– Дробь? – снова поинтересовался Егор.

– Почему? Пули!

– Класс!

– Ну, что, кто первый? – спросил Дима.

– Я! – без всякого сомнения бойко ответила Надя и взялась за приклад.

– Ну ты даешь! – Дима не отпускал ружье из рук.

– Ещё как даю, – улыбнулась она во весь рот, и в миг ружье было уже у неё.

– Надь, осторожней, не наводи ни на кого!

– Чё я больная, штоль?! – полупьяным голосом ответила она.

– А ты стреляла когда-нибудь?

– У отца было ружье, давал подержать.

– Давал подержать! Да ты чё? Давай хоть покажу, куда нажимать.

– Да я знаю! – Надежда вскинула ружье и приставила его к плечу.

– Приклад надо ближе к плечу держать, а то отдача может долбануть, – продолжал советовать Дима.

– Да я знаю, поучи ученого!

Лёха стоял всё это время на пригорке, чуть в стороне от баночного тира, и только посматривал в их сторону, ничего, мол, справятся. Достал сигареты, закурил, смотрел на реку, на лес, на деревню. Хорошо как-то сделалось на душе! То ли пришло второе дыхание, так бывает после того, когда долго не спал, то ли водка дошла куда надо, то ли, наоборот, выходить стала – по всему телу разлилось такое тепло. Так стоял бы и парил.

Егор же держался чуть в сторонке и посмеивался над разговором сестры с Димкой.

– Целься лучше, – не успел договорить Дима, как услышал голос.

– Мама! Там папа! – прозвучало сзади, и Надя дернулась на голос, но уже нажала оба курка.

– Ты чё! – только и успел крикнуть Дима, увидев, как ружье падает у нее из рук.

Она не успела понять, как раздался выстрел, какой больной была отдача в плечо, как упал Алексей, она на мгновение оцепенела и, повернувшись в сторону, где стоял сын, увидела, что тот побежал прочь.

– Сынок, куда ты? – прохрипела она.

Потом увидела, что Дима с братом бегут туда, где стоял муж. Она пошла туда же, увидела, что Лёша, весь в крови, лежит на земле. Наклонилась к нему, начала трогать его:

– Лёша! Лёша, что с тобой?

– На... дя, за... чем? – протянул он и затих.

Дима потрогал пульс.

– Всё, – сказал он, – не дышит.

– Как, не дышит? – спросил она, не понимая.

– Так, не дышит, понимаешь!

– Нет! – закричала она и хотела поднять мужа, но Димка перехватил ее руки. – Не может быть... не может этого быть!

– Ничего, Надя, ничего, успокойся! Егор, вода есть?

– Нету! – Егор стоял как вкопанный.

– А что есть?

– Водка.

– Давай сюда, быстро. Надя, на, выпей! – Димка поднес к её губам переданную Егором стопку, она выпила.

Они сидели какое-то время и молчали.

– Я побегу за Серёгой?! – спросил Егор.

– Не надо, потом, – ответил Дима, – налей еще одну.

– Господи, что же делать? Что же делать? – запричитал Егор, но налил и снова дал сестре, та выпила и как-то обмякла.

– Надо звонить в милицию! – пробормотала она.

– Не надо ничего, берём его, понесли к ракитнику! – скомандовал Дима. – Надя, будь тут, приходи в себя! Приходи в себя, Надя! – последнюю фразу он сказал громко и с нажимом.

Мужики поволокли тело к зарослям ракитника, который был метрах в пятидесяти от места, где они стояли. Поднеся ближе, они раскатали тело и кинули в кусты. Когда вернулись на место стрельбы, нашли Надю, сидевшей на бревнышке и смотрящей в одну точку.

Она не понимала, что случилось. Точнее, начинала понимать, но не верила. Димка прикрикнул на неё, она не ответила, потом он подошел, похлопал её по щекам, она пришла в себя, уставилась на него и повторяла: «Я не хотела, я не хотела, я не хотела!»

– Надя, включайся, надо разобраться это всё, – Дима говорил отрывисто и уверенно.

Егор стал раскидывать по разным сторонам бутылки, что-то кидал в реку, что-то к интернату. Она встала, подошла к реке, умылась.

– Не ходите по крови! – крикнул Дима, наклонился, взял ружье, осмотрелся, – ну вот и всё.

– Зябко так, – Надя съежилась.

– На мой пинжак, – Егорка снял его и протянул сестре.

* * *

– Давайте договоримся. Ну, если кто спросит, чё будем говорить? – голос Егора дрожал.

– Я подумала тут, – Надя начала говорить сухо и даже сурово, – мы расстались после проводов, вы пошли домой, Алёша ушел с кем-то пить, я его не видела. Завтра еще подожду, а послезавтра заявлю в милицию. Сидите и не дергайтесь! С сыном я поговорю!

Они посмотрели на неё с удивлением. Когда она успела так быстро сообразить?

– Надя, а если найдут? – не унимался брат.

– Если найдут, другой разговор.

– Но у меня семья, дети...

– Вспомнил, едрит твою мать, – Надя стала наезжать на него, – а чё приперся без Оксанки на проводины, чё девок щупал? Чё-то вчера ни про какую семью я не слыхала?! Маленький он вечно! Всё Надя должна думать!

– Ну, Надь, прости, – залепетал брат.

– Но, вообще, Егор прав, а если что-то пойдет не так, это тоже надо продумать, – высказал свое мнение Дмитрий.

– На себя все возьму, скажу всё, как было, – ответила Надежда, не думая.

– И что вы пошли вдвоем с Лёхой и так просто стреляли на берегу?

– Ну да, скажу ...

– А ружьё где взяли? – не унимался Дмитрий.

– Господи, и правда, а если, – она задумалась.

– Надя, это надо всё просчитать.

– Не могу я думать сейчас, давайте до завтра. Мне ещё с сыном говорить!

– Надя, а если нам больше никогда не дадут поговорить? Надо сейчас, – Дима настаивал и посмотрел на неё, словно это и был последний раз.

До Нади вдруг дошел весь ужас сложившейся ситуации: она может сесть в тюрьму, будет спать в бараке, есть баланду, ходить по команде, жить среди уголовников. За что? Она же случайно. А как же дети?

Тем временем они прошли большую часть улицы и встали рядом с большим яблоневым садом, где смело можно было спрятаться от людских глаз. Они зашли в рощу. Надя остановилась, умоляюще посмо-

трела на Диму, из глаз сами собой полились слезы. Она была в тот момент такой искренней и настоящей, как никогда. Здесь, спрятавшись за листвой и зная, что её никто не увидит, она начала жалобно просить:

– Димочка, умоляю тебя, только ты мне можешь помочь! Я... я выйду за тебя замуж, буду тебя ждать, мы всегда будем вместе. Возьми всё на себя! Прошу тебя! Я не переживу тюрьмы! Я... – она уже начала сползать к его коленям.

– Надюша, встань, ты что?! Не плачь, родная, я и так взял бы всё на себя, – он держал её за руки.

Егорка стоял рядом и смотрел в землю, будто не на них, но он всё слышал и видел.

– Да? Ты возьмешь, да, любимый?

– Конечно, Надя, – Дмитрий глубоко вздохнул, – скажу, что стрелял я и что мы были втроем. Водка в голову ударила, пошли на берег.

– Димочка, спасибо, спасибо тебе, милый. Я, я же, я буду... тебя ждать, я обещаю тебе.

– Хорошо, что будешь, – он неумело улыбнулся, и они пошли дальше.

– Я, правда, буду ждать. Спасибо, спасибо тебе, милый, – лепетала она.

– Ну, ладно-ладно, я понял, хватит. Тебе ещё надо с Сережкой переговорить.

– Я сейчас, даже и не думай, это я устрою!

Сад закончился, и им надо было расходиться.

– Если что-то новое появится, то, может, Егорка к тебе придет или ты к нему, да? – спросила она Диму.

– Да-да, я приду! – Егор кивнул.

– Хорошо, – буркнул Дима, – на том и порешим.

* * *

Надежда зашла в квартиру, Олежка спал в своей кровати, она посмотрела везде по комнатам, на балконе – Серёжки не было. «Господи, где его носит, не удумал бы чего?!» – она уже начала волноваться, как дверь открылась, и он зашел, хмурый и бледный.

– Мама, ты, что, его убить хотела?!

– Сыночка, прости меня, хочешь, я встану на колени!

– Так что, ты убила папу?

– Сынок, я не специально.

– Не надо, мама, Олега спит, пойдем на кухню.

– Я сама, сынок, не понимаю, как это могло случиться?

– Так он... так ты... – Серёжа посмотрел на мать, словно молил её не говорить то, что она всё равно скажет.

– Да, сынок, – и она заревела еще сильнее.

– Мама, не надо, не плачь! Я ведь не знал, что всё так, что папа, – он никак не мог выговорить эти проклятые слова.

– Мам, зачем ты вообще стреляла в папу?

– Сынок, я не в него! Ты думаешь, я нарочно? – Он молчал. – Ты можешь меня выслушать как взрослый?

– Могу.

– Мы пошли на берег, пострелять, заговенье же. Я взяла ружье, прицелилась, а тут ты кричишь, я с испугу и нажала крючок.

– Курок.

– Ну да, курок.

– Но ты же видела, что там папа ходит, как ты могла?

– Сына, я сама не думала, так получилось. Это несчастный случай, понимаешь! Я не хотела, чтобы он умер, я не хотела, – и она заревела.

– Мама, так это из-за меня?! Если бы я не спугнул тебя, ты бы...

– Не надо, сынок, не вини себя, тут много чего, – тихо проговорила она.

– Не, мам, если бы я тя не позвал, папа был бы жив.

– Сын, прекрати! Все виноваты. Надо было идти домой спать, придурки?! Так что, ты не приплетай тут.

– Что делать-то теперь, – он задумался, – мам, давай я скажу, что это я сделал! Мне мало лет, меня отпустят, мам!

– Господи, сыночек мой милый, не надо.

– Ну почему, что такого-то?

– Нет, начнут спрашивать, покажи, расскажи. Что ты покажешь? Где ружье взял? Ты не сможешь соврать, сын, я тебя знаю.

– Мам, ради тебя смогу.

Они посмотрели друг на друга, Надя снова заплакала.

– Нет, сына, нет. Там еще Димка был, который ружье принес, помнишь его?

– Конечно.

– Он сказал, что всё возьмет на себя.

– Да? – он удивился, – ничего себе, да он... да он. Блин, мам, да он же!

– Знаю. Только надо, чтобы ты всем говорил, что ты дома был.

– Кому всем?

– Кто спросит.

– Как это?

– Ну, так надо. Если тебя спросят, ты спал дома, никуда не ходил этой ночью! После того как проводили Толика, сразу пошел домой. А то тебя затаскают по милициям, не дай бог, всё откроется, я не выдержу, сынок!

– Я скажу, мам, за не фиг делать, скажу! Не плачь!

Они обнялись.

– А где папа сейчас?

– Спрятали в кустах. Я завтра позвоню в милицию, скажу, что потеряла мужа, что не пришел ночевать. Ну и, наверное, надо у всех спрашивать, ходить, искать его!

– Кого искать, папу?

– Так, время уже утро, а он ночевать не пришел, – Надя как-то быстро переключилась на игру, которую сама же себе и придумала.

– Так ты же его... – он посмотрел на маму как на сумасшедшую.

– Сынок, ты что такое говоришь, иди, спи давай, – она будто не слышала его слов, – не видел, говоришь, папку?

– Не видел, – до сына слабо, но доходили мамины слова.

– Ну, все, запил где-то! Буду сейчас ходить по деревне искать!

– Да, мам, – Серёжа говорил уже медленнее и содрогнулся от холода, который начал его пронизывать.

– Не понимаю, где он мог быть, с проводин вроде вместе шли?

– Может, он к этим зарулил, которые вчера дядю Сашу Хомяка хоронили? Они допоздна гуляли, – пытался он подсказывать матери «ответ».

– Мог, но я туда не пойду, – они оба поежились, то ли от слова «хоронили», то ли еще от чего, – ты чуть позже сынок сходишь?

– Схожу, конечно!

– А я дождусь часов девяти хоть и начну звонить, искать. Иди, поспи, сынок! Я сейчас нам валерьяночки наведу.

– Да.

Надя прошла на кухню и встала, закрыв глаза руками. Слезы катились сами. Страшно, как же страшно всё, что случилось. Как она теперь будет жить! Нет, к этому она была не готова. Сколько еще нужно будет пережить, на сколько вопросов ответить. Ой-ой, а деревня! Съест её деревня, с говном смешает. Уезжать надо, всё равно не поверят. Не поверят люди. И Димка? Он же сядет в тюрьму, а как она? Как же она всё это переживет?! Ой, как плохо, как плохо и тяжело. Давит так, сердце и мысли путаются.

Нет, нельзя раскисать, мало ли что люди будут говорить. Правду никто не знает, а кто знает, будет молчать. Да и какая правда? Она убила своего мужа? Но она не хотела. Так могло с каждым случиться. Долбаный крючок, курок, как там его, сорвался! Сын, да-да, это крик сына сбил её, она дернулась, она не хотела, но дернулась, потому что была пьяной. А пошла бы она трезвая стрелять? Всё, хватит, надо подумать, что делать дальше. Нельзя сделать лишнего.

Так, что она хотела? Валерьянку выпить и сыну дать! Господи, а ему-то вот ещё за что это! Сколько там осталось? Часа два-три? Пойду, прилягу, надо отдохнуть, дел ещё впереди вагон.

Продолжение следует.

Тамара ВЕТРОВА

Родилась в 1955 году. Филолог. Педагог. Окончила Уральский государственный университет. Автор многочисленных эссе, посвящённых детскому литературному творчеству, детективной, фантастической и иронической прозы. В 2009 году в издательстве PJ-Grube вышла книга «Кремлёвские звёзды». Постоянный автор журналов «Урал», «Человек и закон», «Магазин Жванецкого», педагогических изданий «Искусство в школе» и «Литература». Также публиковалась в двух антологиях уральской прозы – «Сказки уральских писателей» и «Шаг на дорогу» (Екатеринбург) – и журналах: «Мир образования», «Искусство и образование», «Уральский следопыт», «Сетевая словесность», «Стетоскоп», «Textonly», «Зарубежные задворки», «Знание-сила: фантастика», «Зеркало» (Тель-Авив). Лауреат премии журнала «Магазин Жванецкого» (1999).

Бабочка с черными крыльями

Рассказ

Кто вспомнит через тысячу лет, что на берегу безымянного озера некогда стоял город? Кто бы ни были наши потомки – пусть даже это будут не люди, а менквы – но и они отвергнут такое предположение. Легче поверить в шестирогого и шестирукого лося. Спрашивается – почему?

Солдатск вырос на мерзлой земле и ушел в мерзлую землю. Улицы, учреждения и жилые дома чернели пятнами штукатурки и ранами треснувшего бетона. Люди в этом городе больше спали, чем бодрствовали, а когда просыпались, лица их белели как тающие в сумраке луны. К тому же восемь лет подряд им снился один и тот же сон. Когда ночь начинала таять, во сне к спящему человеку подлетала бабочка с черным узором на крыльях. Она вилась перед лицом утомленного человека и в конце концов исчезала в бледном утреннем свете. Неохотно просыпаясь, люди забывали свой сон и с трудом брались за какое-нибудь дело. Солдатск, хотя и производил впечатление заброшенного, мертвого города, все-таки продолжал жить. Кое-какие учреждения функционировали: ЖЭК, больница на полтора десятка коек, малокомплектная школа, пара кружков при Доме культуры – массивном уродливом здании с колоннами, словно обглоданными неизвестным хищником. Имелась в городе газета, кинотеатр и брошенная шахта. О ней собственно и пойдет речь.

Однажды в начале осени, когда луговая трава поблекла и вылиняла, по территории бывшего шахтерского предприятия прогуливался человек в коричневой куртке, старых кроссовках и с лицом, наклоненным к земле. Издали походил он на грибника, но грибы ни теперь, ни прежде около шахты не росли. Узкая асфальтированная дорога со временем стала горбатой и неровной. Кое-где асфальт пробил траву, а слева и справа возвышались бессмертники с колючими лиловыми соцветиями. Осеннее солнце догорало в небе, заливая последним бледно-золотым огнем брошенные железные куски арматуры, двухэтажное здание бывшей конторы с провалами окон и отсутствующей дверью и неизвестного путника. Подул ветер, и сразу запахло льдом, словно зима притаилась непосредственно за мрачной конторой. Человек в коричневой куртке был фотографом, хотя фотоаппарат продал три года назад, а снимки, которые считал наиболее удачными, затолкал в чемодан и запер на кодовый замок. Через несколько месяцев, однако, он позабыл код, потерял ключ и возненавидел чемодан. Вместе с чемоданом возненавидел и свою прежнюю профессию фотографа-художника (так он сам себя называл когда-то). Но при этом сохранил привычку бродить по окрестностям в поисках натуры. Зачем была ему нужна эта натура? Разве что тоже чтобы затолкать в чемодан... Звали фотографа Андрей Дмитриевич Дядькин. С унынием в сердце он медленно брел, спотыкаясь о вздувшийся, покрытый трещинами асфальт. Шел так неуверенно, как будто был не человеком, а старым деревом, неизвестно почему решившим сойти с положенного места и отправиться куда глаза глядят.

Дядькина гнала в путь скука, которая так и не сделалась тоской; скука, да желание хорошенько выпить. Но Андрей Дмитриевич оттягивал выпивку сколько мог – потому что был трусоват, а здоровье его никуда не годилось. Вот и старался продержаться хоть до вечера, а не начинать день с дешевого пойла, припасенного на запущенной кухне.

Когда осенним днем дорога привела Дядькина к заброшенной шахте, он неожиданно остановился. Припомнил вдруг, что во сне ему привиделась бабочка с черным рисунком на стеклянных крыльях. Раньше Дядькину никогда не приходилось вспоминать свои сны, его сны были тяжелы и неразборчивы, оставалось удивляться, что он вообще умудрялся просыпаться. А теперь вот бабочка припомнилась с необыкновенной ясностью, точно вдруг взяла да и вынырнула из сна и дрожала в тусклом золоте уга-сающей осени. Дядькин отшатнулся от видения. Затем ему пришел на ум недавний разговор с Витей Карасевым, который имел гадкую привычку пускаться в рассуждения или шутить, перемежая остроты отрывкой. Так случилось и пару дней назад на крыльце магазина «Соки-воды».

– В обществе, – заявил Карасев, прикрывая вонючий рот, – должно быть согласие. Иначе все начинания накроются медным тазом.

Дядькин почувствовал приступ уныния. Как талая вода, уныние неотвратимо заливало каждый внутренний закоулок.

– Ты, допустим, человек грамотный, – сказал Карасев Андрею Дмитриевичу. – Тогда объясни мне, зачем черным надо нас расшатать? Я тебе отвечу. Они из-под земли повылазят и сядут на наше место. А нас – под землю, как тебе такой консенсус?

– Как же они живут под землей? – спросил Дядькин, не зная, как отделаться от Карасева.

– Роят ходы, – уверенно отвечал тот. – Как кроты, суки... Целая система ходов, включая пещеры.

Андрей Дмитриевич вздохнул. На возражения у него не хватало сил, да и аргументов было маловато. Откуда в самом-то деле он может знать, что творится под землей?

– Сомневаешься, ядреный болт, – констатировал Карасев. – То-то я гляжу, у тебя башка с одного боку почернела.

Дядькин машинально притронулся к голове.

– Почернел, как крот, – заключил Витя Карасев, и в голосе его прозвенела ненависть. – Как сучий крот, – добавил он и звучно рыгнул.

– На правду, – высказался дружок Дядькина и, не прощаясь, пошел прочь по опавшим липовым листьям.

Тени ленивых мыслей, словно облака, скользили в голове бывшего фотографа. Он продолжал свой путь по горбтому асфальту, но теперь шел куда медленнее и наконец остановился. Дело в том, что Дядькин – без особых, надо сказать, причин – почувствовал себя в ловушке. Опасность таилась слева и справа, впереди и сзади – так почудилось Андрею Дмитриевичу. Глупый разговор с Витей Карасевым, бабочка с черным рисунком на крыльях и черные под землей – все словно сложилось в зловещую картину будущего и заставило путника еще ниже пригнуть голову. Порывы ледяного ветра, прилетевшего с далекого северного моря, облизали серое лицо Дядькина. Высокие растения с колючими лиловыми соцветиями стояли слева и справа, как мертвые воины. В черном провале шахты показалась черная голова неизвестного человека, а вслед за головой – черные руки, покрытые землей. Высунувшись наружу, черный выпустил длинный плевок и несколько раз моргнул, привыкая к бледному осеннему свету. Дядькин не двигался, ожидая решения своей участи. А участь его была незавидна, он и сам это хорошо понимал. Чего ждать человеку от черного дьявола, который жрет землю, а теперь наверняка сожрет его? И поделом. Ничего другого он не заслужил. Когда Диана была жива, он бил ее ногами, обутыми в ботинки, по животу и груди, а когда она умерла, так ревел от счастья, что соседи написали письмо участковому с просьбой запереть Дядькина в дом для бесноватых фотографов. Однако такого дома в Солдатске не было, для Андрея Дмитриевича не нашлось места даже в городской больнице, хотя он и нуждался в лечении – не меньше Дианы, кстати говоря. А теперь вот пришел его час, по ногам его потекли потоки горячей мочи, а в голове раздавались удары такой силы, словно кто-то бил по каменным внутренностям горы пудовым молотом. Это земля гудела под ногами черного человека.

Далеко ли был человек, который вылез из шахты? Или стоял совсем рядом? Дядькин с осторожностью пытался это определить. Но ему мешала бабочка с черным рисунком на крыльях, которая назойливо кружилась перед глазами. Она лишала приговоренного к смерти Андрея Дмитриевича возможности что-нибудь толком разглядеть. Тогда, под влиянием последней минуты, Дядькин включил внутреннее зрение. По совести говоря, ему давно следовало включить внутреннее зрение, возможно, тогда ему удалось бы избежать встречи с черноголовым. Так или иначе Андрей Дмитриевич напрягся и всмотрелся в себя. Вначале картины путались и были словно окутаны туманом. Но вскоре в тумане появились разрывы, какие-то точки начали пульсировать и увеличиваться, а какие-то, наоборот, на страшной скорости провалились в лабиринты Вселенной. В конце концов перед Дядькиным открылся широкий, утешающий душу вид. Это была поляна, покрытая лютиками, розовой кашкой и зеленой травой. Над поляной дрожал

летний воздух и плыли светлые облака, похожие на школьные нарукавники (они носили в детстве такие нарукавники, чтобы избежать ранних дыр на платье). Бывший фотограф вдохнул запахи раннего лета, луга, близкой реки, потом почувствовал, что запахи проникли под кожу, как тысячи мелких невидимых иголок, и в результате внутри Андрея Дмитриевича зажглись несколько лампочек, включая и лампы дневного света. Но не прошло и минуты земного времени, как лампочки одна за другой погасли. Луг с лютиками и кашкой сразу поблек и увял, таково свойство воспоминаний, не озаренных внутренним светом. Теперь уже было не установить (да в этом и не было необходимости), откуда взялся луг. В какие такие времена Дядькин бродил по нему – и бродил ли? Или луг был запасным воспоминанием, припасенным сотрудниками Верхнего мира для таких вот экстренных обстоятельств? На белом свете хватает людей, подобных Андрею Дмитриевичу Дядькину. Это люди с отсутствующими воспоминаниями. По тем или иным причинам у них не нашлось времени обзавестись воспоминаниями, и в последний час им на помощь (возможно) приходят сотрудники какой-то социальной небесной службы. Конечно, все это не больше, чем предположение.

В конце концов Дядькин коротко вздохнул и прямо посмотрел на черного незнакомца. Оказалось, он видит перед собой себя самого, но черного и в хлопьях земли. Зрелище было отталкивающим и печальным. К тому же Андрей Дмитриевич понимал, что умирает (а возможно, уже умер, только не успел осознать важного события); бабочка замелькала перед лицом с удвоенной стремительностью. Теперь воздух наполнился черными бликами ее стеклянных крыльев. Дядькин больше не боялся черного своего земляного брата. Страх утратил смысл, и бывший фотограф закрыл глаза. После этого он окончательно умер, не подтвердив и не опровергнув легенду о черных, которые вылазят из брошенной шахты.

Виктор РОДИН

Родился в г. Ижевске. Окончил факультет молекулярной и химической физики Московского Физико-технического института (1977), кандидат физико-математических наук (1986), доктор химических наук (1997), профессор (2000). Занимался наукой (физикой, химией, биофизикой): опубликовано 55 статей и 2 монографии. Преподавал в Московском авиационно-технологическом институте им. К.Э.Циолковского, МФТИ, Специализированном учебно-научном центре при МГУ. Литературные публикации (около 30 рассказов): в газетах «Интеллектуальный мир», «За Науку», «Красное знамя», «Калина Красная», «Казанский университет», журнале «За Науку», литературном альманахе «Братина», литературном сборнике «Новая волна / Белая ворона», журнале «Италмас», журнале «Зарубежные задворки», литературном альманахе «АВС-студия», журнале «НаНа» и др. В настоящее время живет в Австрии в связи с работой по проекту в университете Иогана Кеплера (г. Линц).

Визит накануне

В канун Дня Победы Ветеран выключил телевизор и пробормотал: «В основном – одна дребедень почти по всем каналам». Тяжело вздохнув, он сделал несколько шаркающих шагов к дивану, на котором простыня и подушка уже были приготовлены для сна. Присев на край дивана и облокотившись о его бортик, он потянулся к блюдцу с таблетками, стоящему на журнальном столике рядом с кружкой с водой. Лекарства он обычно готовил заранее, чтобы принять их перед сном. Вдруг его взгляд скользнул в слабоосвещенный угол комнаты, в котором что-то зашуршало. Там в неярком свете включенной на один рожок трехламповой люстры проявился силуэт Солдата. Ветеран потянулся к настольной лампе и почувствовал, как отекли икры ног и возникла слабость в мышцах. Не было уже сил на то, чтобы подняться с дивана и включить люстру на полный свет.

Направив в угол луч плафона лампы, он уже не сомневался, что перед ним Солдат в военной форме лета 41-го года. Внешность его казалась знакомой, но Ветеран не мог вспомнить его имя. Это был парень из соседнего отделения батареи, с которым вместе отступали из-под Риги с первых дней войны. Тогда все смешалось в хаосе и неразберихе июньских событий. Отступление никак не координировалось – вступали в бои неожиданно и без какой-либо подготовки. Призванные в армию за несколько месяцев до начала войны, они не сделали ни одного учебного выстрела из пушки. Это потом стали говорить, что «Артиллерия – Бог войны». Но тогда в июне еще не успели понять, что они – артиллеристы. На головах – «буденовки» периода гражданской войны, обмундирование – то, что осталось в плохо снабженной предвоенной армии. Только отходили и выполняли приказ «любой ценой сохранить оружие». Это стало заповедью артиллериста.

Солдат был родом из тех же краев, что и Ветеран. Пропавший без вести в войну, тот парень возник сейчас таким же 20-летним, каким он был почти 70 лет назад. Только война оставила на нем свои следы – от уха к подбородку тянулся шрам и не было двух пальцев на левой руке. Солдат был левшой – под Синявиным, Мгой и Ленинградом он бросал гранату всегда левой рукой. Дыхание у него было шумным и с присвистом – результат пробитого под Выборгом легкого.

«Здравствуй, Сержант!» – такими словами хриплый голос Солдата вдруг рассек тишину позднего вечера. Ветеран закончил войну в звании сержанта, но потом после военной подготовки в университете и военных сборов получил офицерское звание. Позже ему присвоили капитана запаса.

«Значит, ты нашелся, Солдат. – Ветеран с вниманием смотрел в угол комнаты. – Из села тогда писали, что ты пропал без вести. Это было равносильно «похоронке», хотя до самой Победы все-таки надежда оставалась».

«Сержант! Мы выходили из окружения... Из нашей батареи мало кто уцелел, из взвода – я один. Был ранен, потом... Когда я покидал госпиталь после лечения, туда привезли связиста с тяжелым ранением ног – он долго выползал из окружения, пока не наткнулся на наших... С таким ранением продержаться и выйти к своим – это счастье... Тот связист – твой отец. Ему смогли тогда спасти ноги».

«Да, Солдат, ты прав, отец после ранения в 43-м долго лечился в госпиталях. Его комиссовали в сорок четвертом. После войны он ходил плохо...».

«Я знаю, Сержант, что ты дошел до Победы и десятки лет встречаешь ее юбилеи. А я не смог уцелеть. На родине не знали обо мне – я пропал тогда без вести. Капитан, я был в плену, бежал, воевал в партизанах, снова в плену, везли эшелонам в Европу, потом концлагерь. Из лагеря я бежал с группой Йео-Томаса. Мы знали, что шли почти на верную смерть. Но выбора не было – и в лагере смерть шла по пятам, не оставляя шансов на будущее. Йео-Томас был британцем, заброшенным еще на территорию оккупированной Франции. Он был секретным агентом с кодовым именем Белый Кролик. Он боролся в подполье против немцев и совершил много подвигов. Был схвачен, но его не смогли сломать в гестапо. И отправили в лагерь – там он организовал побег. Оставалось немного от немецкой зоны до военных американских постов. Но мы полегли почти все под шквальным огнем. Для меня все кончилось. А Кролика вернули в лагерь, снова пытали. Белый Кролик был «железным» парнем. Ты что-нибудь слышал о нем? У себя на родине он – легенда».

«Я не знаю ничего о нем. Значит, он выжил тогда в лагере?» – Ветеран пристально смотрел на силуэт Солдата, стараясь ловить каждое его слово.

«Да, Капитан. Он и 20-летие Победы встретит, но все-таки уйдет рано из жизни – все его раны, лагеря и пытки в гестапо скажутся, конечно, со временем», – это была последняя фраза, прозвучавшая из уст пришельца. Потом его силуэт расстаял в ночи. После странного визита Ветеран долго не мог заснуть.

Днем позвонил и поздравил сын. Он работал в королевстве, жители которого называют пролив, отделяющий их остров от материка, Английским каналом. Ветеран спросил его, знает ли он о Белом Кролике.

«Он – герой Второй мировой войны. Его знают и чтут в стране. В столице, возле метро «Рассел Сквеа», есть дом, в котором он жил когда-то. Там – табличка о Йео-Томасе – Белом Кролике. Сейчас в том здании – Институт Неврологии».

«Значит, тот Солдат действительно приходил ко мне ночью и рассказал об английском герое-агенте. Я ведь ничего не знал о Кролике прежде», – эта мысль уже не покидала Ветерана и после разговора с сыном. Потом Ветеран молча сидел за столом, на котором стояли напротив друг друга две заполненные водкой рюмки. Здоровье уже не позволяло принимать спиртное. Но сегодня он собирался нарушить запрет на алкоголь – молча смотрел то на стопки с водкой, то в угол комнаты, где ночью стоял Солдат. И вспоминал войну.

«За тебя, Солдат! И за Белого Кролика, с которым ты выбирался из ада», – с этими словами Ветеран выпил свою стопку и снова пристально посмотрел в угол комнаты, в который иногда захлестывалась штора от вечернего ветра из приоткрытой двери с лоджии. Казалось, он ждал, что в углу снова появится силуэт Солдата. Но никого не было. Ветеран пододвинул к себе ближе рюмку с водкой, приготовленную для Солдата, и заглянул в нее. Она была пуста.

Рука Ее Величества

Виталик был обычный темноволосый мальчуган шести лет. А может, и семь ему было тогда или даже чуть больше. Во дворе небольшого российского городка проходили свои игры, шла своя жизнь. В той дворовой жизни возраст никто не спрашивал, хотя три-четыре года разницы в возрасте детей уже определяли многое в дворовых отношениях. Каждый из ребят стремился казаться старше своего возраста. Младшего и слабого, как правило, во дворе притесняли. И всем приходилось как-то утверждаться в той внутридворовой иерархии.

Странно, но вот когда дворовой ватагой вместе ходили драться в соседние кварталы, то та внутридворовая иерархия со своими непростыми отношениями между возрастными группами куда-то отступала – затушевывалась на время. Тогда двор становился как одна команда. И Виталик тоже был в ней, несмотря на свой возраст и непонимание истинных целей тех «крестовых походов» на битву с «чужаками». Когда мальчику-соседу в одной из таких драк повредили глаз проволочной пенькой, выпущенной из деревянного пугача с резиновой натяжкой, Виталик недоумевал: «А нужна ли была та битва с чужими?» Внутри себя Виталик противился этому стадному чувству – у него не было ненависти к тем – другим ребятам из далекого, не своего района. Но эффект сообщества одного квартала захватывал всех и делил таких разных мальчишек только на два лагеря: свои и чужие. И те «хождения» в чужие районы уже не были безобидными детскими играми – нередко в тех компаниях 10-12-летние подростки уже имели велосипедные цепи и самодельные кастеты. Для ребят постарше считалось за честь иметь при себе и ножи. Настоящих

ножей в то время во дворах было мало – чаще имели самодельные, которые делали сами из подручного материала, расплющивая прутки или большие гвозди под колесами проносящегося по рельсам поезда. Обладание таким «холодным оружием» считалось почетным во внутривортовой иерархии. Тот «металл» повышал надежность самообороны и преследовал цель устрашения противника. Но никто четко не разделял, где она – эта грань самообороны. Вот и тот «металл» иногда применялся в тех междворовых схватках. Двором управляли уже получившие условные сроки малолетние «авторитеты». Виталик «вращался» в той дворовой жестокости, не понимая ее причины, но пытаясь сохранить в себе любопытство романтика и интерес ко всему, что являлось новым и неожиданным для его младшего возраста.

Именно тогда, вращаясь в дворовой среде, Виталик увлекся марками – их было, в общем-то, немного, но, может, именно поэтому эти прямоугольнички с зубчатыми краями становились ценными для Виталика и манили его какой-то своей романтикой дальних стран, местонахождение которых он тогда еще совсем не представлял. Коллекция его пополнялась медленно. Он никогда не просил у родителей денег на покупку марок. Иногда Виталику кто-нибудь дарил марки. Случайно получалось выписывать их из специализированных магазинов столицы. Но все же в основном он рассчитывал только на себя, на свои отношения с ребятами во дворе. Это был эффективный способ пополнения коллекции такими марками, которые не встречались в магазинах. Филателисты во дворе всегда находились, и на марки все же можно было обменять многое – найденные на раскопках старого кладбища монеты, какие-нибудь значки, подаренный кем-то из родственников немецкий фонарик, пачки сигарет, велосипедные спицы, ненужный кошелек и много чего еще. Хотя во дворе царил натуральный обмен, деньги тоже были в ходу. Ребята среднего школьного возраста уже играли в карты, и младшеклассники могли только догадываться, откуда у старших ребят водились деньги на игру, а пока, наблюдая все это в беседах, чердаках и подвалах, учились сами выигрывать в свару и рисовали своих тузов и королей на вырезанных из картона самодельных картах. Виталик экономил на своих обедах – в силу занятости родителей на работе дома не всегда имелся обед и мальчику давали деньги на питание в столовой. На второе вместо пюре и котлеты он брал одну картошку, в результате от денег, выдаваемых родителями на обеды, со временем что-то оставалось. Накопленный потом рубль уже казался капиталом – ведь обед в детской столовой стоил тогда двадцать пять копеек. Виталик расходовал свои накопления на марки. Иногда покупал в магазинах, а иногда – у ребят постарше во дворе. В карты на деньги Виталик не играл, несмотря на то, что карточная игра затягивала. Если игрокам нужны были деньги, то в таких случаях у них можно было купить редкие марки за несколько копеек. Девочки во дворе, хотя и стремились попасть, по крайней мере, в компании своих ровесников, но их, в общем-то, не принимали. Потому у них был свой мир, которого Виталик и не знал, стремясь, как любой мальчишка, не попасть в категорию слабых в той дворовой «мужской» иерархии...

Бристольский университет – старинный университет Британии. То, что некоторые его здания отделены от основного комплекса красивых особняков, примыкающих друг к другу, и разбросаны по всему городу, создает впечатление, что университету принадлежит большая территория. Но все-таки большинство университетских зданий расположено компактно – на холме, то есть на возвышенной части города, которая простирается в сторону реки Эйвон, обрываясь у самого берега скалистыми утесами.

Несколько дорог ведут к тому основному университетскому комплексу на холме. «University road» – одна из них. Поднимаясь от пересечения с «Queen's Road», она смыкается на вершине холма с «University Walk», которая загибается почти полукругом вокруг группы университетских зданий и дает ответвление для очень короткой улицы в университетском комплексе – «Priory Road». А эта улица уже проходит раздельной полосой между рядами университетских особняков. И движение автомашин по ней запрещено.

Иногда, но все же здесь появляются машины. Но только те, у водителей которых есть разрешение на въезд на университетскую территорию. Вдоль одной стороны «Priory Road» тянется стена, окаймляющая сады Королевского Форты – когда-то в прошлом он представлялся обособленным и укрепленным. Сейчас на территории этих садов находится университетский дом, больше похожий на поместье или небольшой замок, содержащий помещения для различных презентаций. Часть того особняка занимают апартаменты вице-канцлера университета. Вице-канцлера можно считать ректором, так как он и является главным административным лицом в университете. Но ректор – это в России, а в Британии – вице-канцлер. Он же и исполнительный директор.

С другой стороны улицы «Priory Road» тянется здание инженерного факультета, которое называется зданием Королевы (Queens Building). Его официально-торжественно открывала Королева Елизавета

Вторая во время своего визита в Бристольский университет в пятьдесят восьмом году. В комнате-музее того здания хранится королевский ключ, которым Елизавета Вторая открывала «заветную» дверь. Вдоль здания Королевы тянется невысокий решетчатый заборчик-оградка, к которому студенты и сотрудники постоянно прикрепляют свои велосипеды. Для велосипедов нет запрета на той улице. Здание медицинского факультета идет следом за зданием Королевы. Возле него тот решетчатый заборчик прерывается начинающейся лестницей, ступени которой ведут вниз и заканчиваются через десяток метров широкой смотровой площадкой прямоугольной формы, упирающейся в один из входов здания химического факультета. Помня российскую университетскую структуру, Виталий и здесь употреблял слово «факультет», когда приходилось говорить о биологии, химии или физике в Бристольском университете. На самом деле там нет таких факультетов. Эти науки представлены в Бристольском университете в статусе «школ». В Российских университетах отсутствуют такие структурные подразделения. «Школа» в британских университетах, конечно, больше, чем, скажем, кафедра или департамент. Но все-таки – это не факультет. Они сами – эти школы, уже входят в факультет науки. С той смотровой площадки перед школой химии открывается замечательный вид на город, простирающийся далеко в низину к подножию холма.

Вечером 24 февраля 2005 года вдоль всего того решетчатого заборчика у здания Королевы появились информационные листки полиции с предписанием освободить на этой улице к следующему дню от велосипедов все те оградки-заборчики. Утром 25-го на улице не было «пришпилено» к оградке ни одного велосипеда. Бросались в глаза также чистота, ухоженность и свежееасфальтированные участки дороги в тех местах, где еще вчера были выбоины и дефекты. Казалось, вся эта очищенная от велосипедов и отремонтированная дорога была подготовлена к чему-то...

Виталий работал в здании школы химии. В то утро он прошел обычным путем мимо здания Королевы, спустился по ступенькам на обзорную площадку перед школой химии и вошел в здание. Через час он уже знал, что в Бристольском университете ожидают приезда Королевы Елизаветы Второй. Ее визит был связан с открывающейся новой лабораторией на инженерном факультете. И Ее Величество пригласили «символически открыть» первый раз дверь в ту лабораторию, тем более что эта дверь – в том самом здании, которое уже полвека называлось зданием Королевы.

Виталий часто вглядывался в изображение Елизаветы Второй на банкнотах и монетах, на фотографиях газет и журналов и на экранах телевизоров. Иногда по телевидению показывали старые фильмы, где Елизавета – молодая, где она – на своей свадьбе с принцем Филиппом, или где еще девочкой-принцессой играет со своей сестрой, или совсем уж маленьким ребенком смотрит из своей кровати на окружающий мир. Ему почему-то хотелось встретиться с этим человеком, монархом, чей жизненный путь и назначение всегда вызывали уважение к ней, и думалось о ней как о Ее Величестве. Какое-то странное желание – хотелось оказаться вблизи Королевы хотя бы на несколько секунд. Нельзя сказать, что за годы жизни в Британии он искал возможности для такой встречи. Совсем нет. Он просто верил в случай.

Однажды девочка пожаловалась на Виталика учительнице, что тот имеет спички и поджигает во дворе бумагу и доски. А ведь он только хотел узнать, чем горение картона отличается от горения палки, и понять, почему сухая бумага горит, а мокрая – нет, и почему шипит негашеная известь... Имя девочки стерлось из памяти, хотя на «спице» колеса времени Виталик потом припомнил, что та первоклассница была с симпатичной внешностью. Наверное, ту жалобщицу пугала сворачивающаяся змеей горелая бумага – неясно было, какое наказание применит педагог к первокласснику... Учительница же показала Виталику химический кабинет старшекласников и сказала, что здесь он сможет поджигать многое, но... несколько позже. А ему почему-то так трудно было подождать эти несколько лет... Он вообще не умел ждать, ему всегда надо было куда-то нестись и что-то делать еще, что другие пока не спешили опробовать на себе... Наверное, она была замечательным педагогом. Та первая учительница так и осталась в памяти мальчика как самый чуткий учитель, понимавший все «уголки души» младшекласника.

Когда Виталий первый раз приехал в Лондон и оказался вблизи Букингемского дворца, то попытался выяснить, возможно ли встретиться с Королевой или увидеть ее вблизи – ему, обычному человеку, даже не гражданину Британии и не связанному никак своей работой с Королевским домом и не имеющего отношения к королевской семье. Ну просто, если человеку интересно вот так увидеть Британского монарха на расстоянии вытянутой руки – возможно ли все-это? Полицейский из охраны, которому Виталий и задал эти свои вопросы, отделался шутками в плане – «приглашение к Королеве на чашку чая» запланировать можно вроде бы. Но... вот реализация этого плана зависит от множества моментов...

У Виталика было несколько английских марок. Когда-то ради них пришлось пожертвовать зажигалкой-пистолетом и сигаретами «Друг». Виталик не курил, хотя некоторые его сверстники во дворе уже

собирали «бычки», чтобы потом «смолотить» их на чердаке. А Виталик имел сигареты в своих «зачаках» для разменных целей. Эти красивые пачки «Друг» с изображением овчарки имели спрос. Обмен был частью дворовой жизни. А марки – это не просто жизнь, это особый мир. Обменивались марками не всегда там, где жили сами владельцы марок. Иногда обмен происходил в подъездах домов – на подоконнике широкого окна, выходящего во двор, или даже в той самой дворовой беседке, которая служила местом сбора компании с разношерстными интересами. Там же происходило иногда и выяснение внутривидовых отношений.

Виталик дорожил своими английскими марками. На некоторых из них были изображены литературные сюжеты или отдельные герои и персонажи некоторых известных литературных произведений. Была у Виталика марка с Шерлоком Холмсом. Пройдет еще несколько лет до того времени, когда к Виталику попадут книги Артура Конана Дойля и он сможет прочесть сам о деятельности созданного английским писателем частного детектива, которым восхищался еще с начала своего увлечения филателией, зная только от старших ребят устные пересказы историй о Холмсе.

Через четыре десятилетия Виталий разыскал в Лондоне дом с адресом «Baker Street 221b». Он оказался недалеко от станции метро «Baker Street». Соответствующая табличка информировала, что в том доме «жил и работал» в конце 19-го и начале 20-го века созданный Дойлем знаменитый сыщик. Побывав в магазине-музее Холмса-Дойля, Виталий узнал, что во время написания Дойлем историй о Холмсе такого адреса в Лондоне не существовало. На самом деле, номер того дома был тогда 239, но впоследствии, уже после создания музея Холмса в 20-м веке, дом все же получил официальный почтовый адрес: 221b, Baker Street, London, NW1 6XE. Серия марок о Холмсе в том современном музее-магазине напомнила Виталию, как первоклассник провинциального российского городка когда-то давно приобщался к английской литературе через зубчатые бумажные прямоугольники.

Не все сверстники Виталика (кому он показывал свои английские марки) успевали сразу разглядеть на них блестящий профиль королевы. Все зависело от угла зрения. Виталик как-то интуитивно разворачивал зубчатый прямоугольник так, что небольшой профиль монарха-женщины с уголка марки начинал переливаться золотыми бликами. А была еще у Виталика марка с большим портретом королевы с короной. Ту марку он просто обожал и мог подолгу ею любоваться.

Виталик не знал, почему же тогда, на тот злополучный обмен он взял и любимую марку с Елизаветой Второй. Это было его роковой ошибкой. Раньше он и друзьям-сверстникам показывал ту марку не часто. А тут собрались как-то быстро пойти с компанией на просмотр марок – он и забыл выложить из кляссера свои любимые. Сначала ребята собрались в беседке, а потом пошли в подъезд к Корнею. Ребята говорили, что Корней там живет, но никто толком не знал, в какой квартире. Младшеклассников обычно не извещали о месте жительства старших ребят. Корней был старше Виталика на три года. Знакомство с Корнеем было шапочным, Виталик не знал даже его настоящего имени. Кто-то говорил, что того мальчика на самом деле звали Сашей или Сергеем. Но во дворе повелось так – Корней да Корней. Может, то было сокращением от его фамилии, а может, еще почему так звали того мальчика.

В марочных обменах иногда участвовали несколько человек, и обмен мог походить на базарные торги (каждый расхваливал свое, иногда придумывая историю приобретения марок, предлагаемых к обмену), с той лишь разницей, что деньги здесь почти не участвовали. Правда, редко, но все же и деньги применялись при обменах марками тоже. К маркам могли добавляться зажигалки, перочинный ножик, карманная металлическая рулетка, ленты пистонов к игрушечному пистолету-автомату и много чего еще, что являлось дефицитом в обычной жизни подростка шестидесятых годов. Иногда кто-нибудь приносил на обмен и медали – боевые награды своих родителей.

Как-то в беседке Виталик увидел у мальчишек медаль «За Отвагу». «Такая же, как у отца», – подумал тогда он. После войны в стране еще несколько лет продолжали выплачивать деньги за медали – полученные военные награды. Но потом – в 1948 году отменили оплату за многие медали. «За Отвагу» тоже перестали доплачивать. Десять рублей в месяц полагалось ее обладателю до отмены.

Возможно, поэтому или еще по какой причине отцы и матери не очень бережно хранили свои награды, а дети... Наверное, дети в своих марочно-дворовых занятиях совсем не понимали ценности наград родителей из отгремевшей пятнадцать лет назад великой войны.

Пропажу медалей и орденов из дома родители обнаруживали не сразу, и младшеклассники-филателисты могли свободно променять их на обожаемые бумажные прямоугольнички. Потом – назад, из дворовой среды, уже трудно было вернуть пропавшую медаль. Хотя иногда это удавалось – с большими жертвами для провинившегося мальчишки – с потерей прежней дворовой репутации. Иногда такую по-

терю было перенести труднее, чем ремень в домашней обстановке.

...Как-то незаметно ребята, с которыми Виталик пришел в тот злополучный подъезд к Корнею, разошлись по домам, почти ничего не поменяв из того, что им хотелось. Корней был жмот, и более-менее равноценно обмениваться с ним было довольно сложно. Оставшись наедине с Виталиком, Корней просто выхватил у него марки и швырнул их на пол. Виталик бросился их спасать, прежде всего ту – любимую, с Королевой. Он уже почти коснулся пальцами лежащего на полу подъезда зубчатого прямоугольника с поблескивающим королевским профилем, но Корней наступил ботинком на кисть руки младшеклассника. Виталик зубами вцепился в колено противника – это помогло ослабить давление ботинка и он смог выдернуть из-под него руку. Он потянулся онемевшими пальцами снова к марке – он все еще пытался спасти свою Королеву...

Королева Елизавета Вторая – глава Великобритании и 15 других государств, входящих в содружество. Является старшей дочерью короля Георга Шестого и королевы Елизаветы. Родилась в 1926 году и стала королевой в возрасте 25 лет. Царствует уже более полвека. Замужем за принцем Филиппом, графом Эдинбурга, и имеет четверых детей. Королева Елизавета Вторая празднует свой действительный день рождения (21 апреля) в Виндзорском замке в узком семейном кругу. Традиционно устраивается салют из 21 залпа. Но еще празднуется официальный день рождения Королевы – в июне.

Традиция отмечать два дня рождения у монархов началась с короля Эдварда Седьмого, который был рожден в ноябре, но решил праздновать второй день рождения в июне. Первые семь лет царствования Елизаветы ее официальный день рождения отмечали во второй четверг июня. Сейчас ее день рождения королевство обычно празднует по субботам. В Британии та суббота в июне традиционно отмечается парадом конной гвардии. В течение многих лет Елизавета Вторая прибывала на этот парад на своем любимом коне.

Младшеклассник Виталик, конечно, не знал ничего о жизни Королевы и Королевского дома. Более того – приезд Ее Величества в Бристольский университет для открытия здания Королевы и символический королевский ключ, хранящийся в музейной комнате инженерного факультета, – все это имело место быть, когда мальчик был еще совсем маленьким. А молодая Елизавета только начинала царствовать... В то время она и не предполагала, что через полвека снова приедет на инженерный факультет Бристольского университета, чтобы «открыть» новую дверь в здании Королевы...

...Силы были не равны – Корней пнул ногой Виталика, и мальчик отлетел к перилам и ударился о них плечом. Это был конец – у него не стало той любимой марки с Елизаветой Второй. Утрата Королевы воспринималась им с большей болью, чем отдавленные пальцы руки или ушибленное плечо.

Тогда Виталик не мог ничего изменить и, затаив обиду, решил, что отомстит Корнею и вернет Королеву позже – но своими силами – потом, когда немного подрастет и станет сильнее. Через несколько дней Виталик уже понял, что марку с Королевой ему не вернуть – от ребят во дворе он знал, что Корней не имел страсти к маркам на самом деле и использовал их в последующих обменах на табак и еще какую-то травку, которая иногда «гуляла» во дворе тоже – из нее делали самокрутки и курили как сигары. Настоящие сигары никто во дворе тогда не встречал. Только слухи о них ходили. Считалось, что они есть где-то там – далеко, в Америке. И слово «наркотик» тогда в обиходе не использовалось. Говорили просто – «травка». Виталик тогда еще не понимал, почему те самокрутки во дворе так ценились среди старших ребят.

Жизнь во дворе продолжалась, как и прежде, но Виталик больше не встречался с Корнеем – казалось, тот сам избегал младшеклассника. Кто-то из ребят говорил, что Корней прихрамывал день или два, а кто-то видел и шрам на колене, который тот объяснял укусом собаки...

Виталий не пошел в здание Королевы – «Слишком много народу и мало места внутри», – решил он, вспомнив свои прошлые визиты в библиотеку инженерного факультета. Он не знал на самом деле, сколько же будет людей внутри здания, когда Ее Величество повернет ключ в двери новой лаборатории. Холл первого этажа перед входом в библиотеку ему запомнился как довольно просторный. И он подумал, что, в принципе, в той части здания он мог бы увидеть Елизавету Вторую и ее свиту, но вот его смущали переходы-коридоры к лабораториям – они были узкими и вряд ли могли вместить всех желающих. «Сотрудников с другого факультета, которые могут попасть в переходы к лабораториям только со стороны холла библиотеки, могут и не пустить, когда там будет присутствовать Ее Величество», – решил для себя Виталий и стал по «University Road» спускаться с холма от здания Королевы в сторону улицы «Queen's Road».

Чистота на улице и часто мелькающие на ней желтые куртки полицейских свидетельствовали о том, что именно здесь будет проезжать королевский кортеж, когда Елизавета Вторая закончит официальное мероприятие в здании инженерного факультета.

Виталий обратился к одной «желтой куртке» с вопросом о возможном времени появления на этой дороге Королевы со своим сопровождением. Полицейский ответил, что у Ее Величества намечен ланч на «Queen's Road» в здании Вильса («Wills Memorial Building») на час дня. Тогда Виталий решил, что появления Королевского кортежа на пересечении улиц «University Road» и «Queen's Road» следует ожидать уже в ближайшее время.

Имя табачного магната Вильса прочно вошло в историю Бристольского университета. При его финансовой помощи (около шести миллионов фунтов стерлингов – в пересчете денег начала двадцатого века на начало двадцать первого) и королевского гранта и был создан университет как результат слияния колледжа технологии и Бристольской инженерной школы. Вильс стал и первым канцлером университета. Потом имя Вильса присвоили одному из красивейших университетских зданий высотой 68 метров. Часто это здание называли башней Вильса. Несколько раз Виталий был внутри этого здания на некоторых этажах – там, где был музей и где регулярно проводились различные выставки.

Когда Виталий добрался до «Queen's Road» и оказался перед входом в башню Вильса, то понял, что Королева уже внутри здания – перед входом начинали собираться люди, ожидая окончания королевского ланча. Виталию удалось протиснуться в передние ряды. Но в самый первый ряд он не попал – там все уже стояли плотно и опирались непосредственно на ограждения, расставленные «желтыми куртками» с целью обеспечения свободного прохода Ее Величества от башни Вильса в сторону «Queen's Road».

От «Queen's Road» до входной двери было совсем близко, а проход между полицейскими оградками был довольно узкий и образовывал коридорчик всего-то в четыре метра шириной.

Свободное пространство широкого тротуара перед зданием Вильса быстро заполнялось народом. По нарастающему оживлению в рядах людей чувствовалось – что-то скоро произойдет.

Стоя в третьем ряду, Виталий поглядывал то на входную дверь в башню Вильса, то на дорогу, к которой выводил коридор-проход из полицейских ограждений, – там уже стояли две легковые автомашины. Впереди и позади них находились мотоциклисты, готовые по команде начать движение. Двое мужчин вышли из одной машины и скрылись в здании Вильса. Прошло несколько минут, но из башни Вильса никто не выходил. На холодном ветру начинали мерзнуть пальцы рук – Виталий не взял перчатки, когда уходил из лаборатории Школы химии около двух часов назад. Но мысли оставить место ожидания выхода Ее Величества – не было. Люди в окружении переговаривались о разном, ожидая прихода монарха, и часто задавали друг другу один и тот же вопрос: «Когда же придет Ее Величество Королева?»

Королева появилась неожиданно – она как-то сразу сделала несколько шагов в сторону дороги, а потом неожиданно остановилась и отпустила руку шедшего рядом с ней мужа – принца Филиппа. До тех двух машин с уже распахнутыми дверцами оставалось не более десяти метров, но Елизавета Вторая, казалось, не спешила покинуть этот узкий проход-коридор между рядами людей, так долго ожидавших ее выхода. Она была в пальто, шляпке, перчатках и... Она улыбалась всем – тем, кто дождался ее выхода, невзирая на холод, тем, кто во все глаза смотрел на нее и, казалось, о чем-то спрашивал, ища в ее открытом лице и внимательных глазах ответ на свои вопросы... Она что-то говорила негромко.

Из-за шума в соседних рядах «Queen! Her Majesty the Queen!» Виталий не мог понять, отвечает ли она на какие-то вопросы или говорит просто свои приветствия собравшимся.

Возможно, Елизавета Вторая хотела ответить на вопросы людей из первого и второго рядов, стоящих перед Виталием, а может, еще почему, но вот только она вдруг шагнула влево – туда, к той группе людей, среди которых стоял и Виталий. Принц Филипп остался в середине прохода-коридора, а Ее Величество оказалась перед самым ограждением – почти напротив Виталия. Потом, позже, отогреваясь дома, он будет рассказывать жене: «Стояла так близко... На расстоянии всего лишь вытянутой руки...».

Близость Королевы его смутила – он, казалось, что-то говорил ей, но от волнения английские слова не выстраивались в правильном порядке. Все было как в тумане, сквозь который проступало только лицо Ее Величества и... он тянул к ней свою руку. Люди из рядов перед ним не расступались, но все-таки немного передвигали свои локти и плечи так, что кисть руки Виталия «прошла сквозь строй» на свободу... Было ли у Елизаветы запланировано «идти в народ» или это вышло случайно и импульсивно, но... она стала пожимать руки людей из первых рядов. Среди тех рук оказалась и рука Виталия...

...Виталик тянул пальцы к любимой марке с Королевой. Ботинок Корнея зажал руку младшеклассника, когда он почти коснулся золотистого изображения Ее Величества...

Виталий смотрел в лицо пожилой женщины-монарха. Ему показалось, что в ее добрых глазах блеснули приветливые искорки. Уголки ее губ слегка подрагивали – она словно пыталась подобрать слова на другом (отличном от ее английского) языке.

...Блеск Королевы на зубчатом прямоугольнике придавал силы мальчику – он тянулся к ней.

Чем-то резануло ладонь, когда Виталик пытался выдернуть кисть руки из-под ботинка Корнея. Не чувствуя боли, сдвинул руку и... пальцы коснулись Елизаветы Второй...

Мог ли мальчик предположить тогда, что через сорок лет его рука у башни Вильса в Бристоле коснется живой женщины-монарха, главы Королевства Великобритании.

Два касания, между которыми прошло так много лет...

В старшем школьном возрасте Виталику попалась книжка по хиромантии. Она представляла собой перепечатку на пишущей машинке. И это была третья или четвертая копия, на которой серые «разводы» свидетельствовали о том, что мажущая черная «копирка» была подложена в машинку неровно. Тогда пишущая машинка была и основным средством размножения печатных материалов, которые удавалось раздобыть лишь для временного пользования.

Возможно, где-то такое понятие, как «ксерокопия», уже и существовало, но вот сам аппарат «Ксерокс» оставался недоступным. Виталик тогда кое-что освоил из той книжки – он мог иногда даже предсказывать по линиям на ладони что-то своим знакомых. Но... вот увидеть на своей «линии жизни» черточку, которая бы свидетельствовала о будущей встрече с человеком, золотистый коронованный профиль которого всегда печатался на марках государств – членов содружества, все-таки не мог.

Потом, уже уйдя от башни Вильса и с улицы «Queen's Road», а затем и свернув на выходящую к своему дому улицу «Cotham Hill», Виталий остановился и внимательно посмотрел на свою ладонь. Он все еще пытался как-то объяснить для себя случившееся: «Ведь одна и та же рука... Те же линии, что и всегда: сердца, жизни и ума... Может, как раз вот эта «зазубринка» на «линии жизни» указывает на то, что встреча с Ее Величеством была предопределена заранее?»

«Кто знает, а может, это – сглаженный годами старый шрам, что остался от ботинка Корнея?»

На пороге квартиры у Виталия возникла неожиданная мысль: «А вдруг аналогичная черточка-морщинка есть и на руке Ее Величества?» Однако Виталий никогда не видел ладони Королевы Елизаветы Второй. При встрече в Бристоле Ее Величество была в перчатках. В тот год конец февраля на острове выдался холодным.

Портрет с родинкой

Таня сидела с мужем Вадимом на скамейке на берегу небольшого озера, находящегося в центре зеленой зоны микрорайона, и посматривала изредка то на выступающие над водой головки кувшинок, то на уток, плавающих у береговой кромки. Скамейка была удалена от общей пешеходной дорожки, что огибала все озеро, и выходила через ворота к оживленным улицам жилых кварталов. Форма озера напоминала Тане неправильную гантель, над центральной узкой частью которой нависал пешеходный мостик. По мостику быстро шел молодой человек, бросая взгляды в разные стороны. Казалось, он кого-то искал. Оказавшись на берегу, человек остановился, сделал несколько шагов в сторону полукруга левой части озера и остановился, как бы раздумывая, но потом быстро направился к Тане и Вадиму. Он присел на край скамейки и почти сразу начал говорить...

Тимур сбивчиво рассказал о своей жене Зое, которая ушла к другому. Он не хотел, чтобы Зоя знала, что ему без нее плохо. И Тимур решил показать, будто у него есть красивая молодая женщина, с которой он проводит время, и что их можно встретить вдвоем на улицах их микрорайона. Поэтому Тимур попросил Таню погулять с ним полчаса, ну, в крайнем случае, около часа по улицам, окружающим озерную зону отдыха. Зоя могла появиться вблизи озера уже в ближайшее время. Тимур объяснял, как для него это важно – показаться с Таней на глазах у Зои. Ему казалось, что Таня могла бы сыграть роль его женщины. Тимур предлагал деньги и извинялся за то, что все это может выглядеть как «аренда» Тани на какое-то время. Убеждал Таню и Вадима, что его недолгая прогулка с Таней могла бы стать доказательством для Зои, что он счастлив с другой женщиной.

Вадим растерялся, слушая взволнованные объяснения молодого человека, так неожиданно возникшего перед ним и Таней. И ему казалась нелепой просьба незнакомца – «одолжить» Таню для прогулки. Тимур выглядел как лектор естественнонаучного колледжа, убеждающий своих слушателей проникнуться неожиданными идеями в решении сложной задачи. Таня переводила взгляд с одухотворенного лица «лектора» на растерянное лицо мужа – казалось, она уже думала о чем-то своем, уловив смысл просьбы «лектора». После монолога Тимура возникла пауза – он ждал решения этой супружеской пары и думал, какие доводы мог бы привести еще, чтобы убедить этих людей согласиться ему помочь. Таня положила

руку на плечо мужу, слегка подвигала пальцами, словно разглаживая сосборившуюся ткань рубашки возле ворота, и неожиданно сказала: «Вадим, надо помочь молодому человеку. Я пройду с ним не долго вдоль улицы. Ты подожди меня здесь или... лучше жди дома. Разморозь окорочка и отвари цветную капусту. А я вернусь к ужину».

Тимур и Таня прошли уже несколько кругов вокруг озера, потом вышли за ворота парка на улицу, выходящую к жилым домам, и стали медленно прогуливаться там. Каждый раз, когда навстречу им попадалась молодая женщина, которая, по предположениям Тани, могла оказаться Зоей, то Таня бросала взгляд на лицо Тимура с немим вопросом: «Это она?» А Тимур не реагировал на эти взгляды, он словно забыл, что их прогулка с Таней имела цель повстречать бывшую жену Тимура и произвести на нее впечатление. Он с увлечением рассказывал о себе, о своей работе, говорил о литературе и искусстве. Он был замечательным рассказчиком. Таня с интересом слушала его – ей даже казалось, что Тимур весь светился при этом. И любой встречный, несомненно, мог полагать, что молодой человек счастлив в обществе Тани. Незаметно Тимур и Таня удалились довольно далеко от озера, пройдя несколько пересекающихся улиц в жилом районе.

Когда надвинулись сумерки и зажглись уличные фонари, Тимур и Таня остановились у крайнего подъезда многоэтажного дома, в торце которого виднелась вывеска агентства по продаже авиабилетов.

«Здесь я живу», – сказал Тимур, а потом добавил: – «Третий этаж и налево». Потом Таня не могла вспомнить, в какой форме прозвучало приглашение Тимура подняться к нему и было ли оно на самом деле. Но вот они уже на третьем этаже, перед входом в квартиру, что слева от лифта.

...Потом они сидели на кухне и пили чай. Тимур показывал Тане фотоальбомы, свои рисунки и картины. Да – он рисовал, живопись была его хобби. Картины Тимура притягивали внимание, и Тане подумалось, что с его хобби он мог бы стать незаурядным художником. И, может быть, его картины приносили бы хороший доход. В его картинах чувствовался какой-то свой неповторимый стиль. Тимур сказал, что он рисует не спеша – по настроению. Иногда переделывает заново те работы, что еще недавно казались ему почти законченными. Он любил пейзажные зарисовки. Они ему удавались – благодаря им он и искал свой стиль в портретной живописи, но не был уверен, что с портретом у него все хорошо – он искал способы воплощения на полотне характера человека. Чисто внешнее сходство с объектом для него не было главным.

Тане нравились неожиданные сочетания цветов в некоторых рисунках Тимура. В портретных работах внимание Тани сразу сосредоточивалось на глазах изображенного человека. Но разгадывать характер по изображениям на картинах Тане казалось сложным, хотя Тимур и объяснял ей свои идеи и подходы. Показывал Тимур Тане и фрагменты своих лекций, подготовленных для студентов. Формул Таня почти никогда не понимала и потому не видела в них той красоты, которую «раскрывал» Тимур.

Тимур и Таня в своем общении совсем забыли, что еще несколько часов назад были незнакомы и что у них была совсем другая жизнь. Все, что было у каждого до встречи, вдруг отодвинулось куда-то далеко в прошлое. Казалось, Таня не спешила возвращаться в ту прошлую свою жизнь, туда, где остались замороженные окорочка и давно сваренная цветная капуста. И она не знала, что ей теперь делать и как сделать шаг назад – в ту прошлую жизнь. Таня не понимала, почему же она вдруг «застряла» в квартире этого симпатичного, увлеченного, но в чем-то неудачного и, в общем-то, малознамого ей человека. Она уже не помнила, что сама решила помочь ему и пройтись с ним по маршрутам хождения Зои. Наверное, та роль уже давно была сыграна, хотя Таня и не поняла, кто же она и какая она – эта неизвестная ей бывшая супруга Тимура. Тане было почему-то хорошо и по-домашнему уютно в обществе Тимура в его квартире, и она не решалась сказать, что ей пора уже уходить.

Когда стало совсем поздно, Тимур вдруг встал из-за стола и сказал: «Я постелю тебе в большой комнате на кровати, а сам уйду в другую – буду спать на диване. Завтра сама решишь, что делать».

Таня долго не могла уснуть и все думала: «Что же это такое? Почему я осталась здесь ночевать? И он – странный мужчина... Неужели спокойно спит в другой комнате? И что я должна решить утром? Остаться с ним или уйти? Почему мне предлагается такой выбор? Я ведь сыграла ту роль подруги, с которой можно... А он все делает так, словно доказывает, что не претендует на большее. Раз «арендовал» для показа только, то и не выступает за продолжение отношений. Человек – слова? Но я ведь вижу его глаза и слышу, как он говорит. Понимаю, что я ему нравлюсь. Он же светится от моего присутствия рядом. Что же я – сама должна к нему пойти что ли? Хотя он мне нравится, однако. Все больше и больше, но как-то странно все это выглядит... Чем же он меня очаровал-то? Может, «ловушка» началась еще там, у озера, когда он сошел с переходного мостика и направился к скамейке?»...

Таня заснула с мыслью «пусть будет так, как сложится», а утром проснулась рано. Вспомнила свою ночную установку на «как все сложится», не совсем понимая, что же может «сложиться». После душа тихонько прошла в комнату Тимура и присела на край разложенного дивана. Тимур сразу открыл глаза, и было непонятно, то ли он почувствовал ее присутствие и проснулся, то ли давно не спал, а лежал с закрытыми глазами, ожидая ее прихода из ванной.

«Ты – как?», – Тимур улыбнулся, но в напряженных глазах его Таня уловила опасение получить отрицательный ответ. Таня вдруг заплакала, а потом, отогнув край одеяла, осторожно легла рядом с ним. Успокоилась она не сразу, а только когда заметила, что слезы намочили подушку. «Все будет хорошо», – говорил мягко Тимур и продолжал гладить Таню по голове, уже переместившейся с мокрой подушки к нему на грудь.

...Готовили они иногда вместе, но чаще по-очереди. Тимур как-то по-особому тушил мясо и пек яблочный пирог. Сначала Таня еще пыталась понять «характер», что закладывал Тимур в те блюда, которые готовил сам, но потом решила, что непонимание секретов его кулинарных смесей, пожалуй, даже лучше – придает дополнительное очарование любимым человеком. Да – они любили друг друга. Они жили вместе уже несколько месяцев. Но Тане казалось, что они вместе уже не один год и что так будет всегда...

Таня часто встречала Тимура возле института – сразу после его лекций. Оттуда было близко до платформы электропоездов – они уезжали сразу на природу: бродили по лесу или вдоль берега реки. Если планировали надолго и предполагали рисовать у реки, то брали с собой еду, этюдник и краски. Любили исследовать новые, незнакомые места. При удачно составленном расписании занятий в институте у Тимура иногда образовывались полностью свободные дни, которые он посвящал тогда Тане – они могли уехать ненадолго и в другой город. А иногда они просто оставались дома. Им важно было быть рядом, тогда все у них получалось и в делах. Таня перешла работать на полставки, чтобы больше времени проводить не в бюро переводов, где она работала переводчиком, а в обществе Тимура. Она брала заказы на переводы домой и занималась этой работой тогда, когда он готовил свои лекции или писал картины. В целом получалось примерно так же, как и при работе на полную ставку. Таня была счастлива с Тимуром. Они спали в большой комнате, а в маленькой устроили что-то наподобие рабочего кабинета или жилой комнаты. Там Таня работала над переводами, и там же Тимур рисовал. Там же у них стоял разложенный диван. И если в минуты перерыва от работы Таня садилась на диван и оттуда смотрела на мольберт Тимура и размышляла над создаваемой картиной, то... Под Таниным взглядом он прекращал рисовать и смотрел уже на Таню. Ему всегда нравились ее глаза, а в минуты таких перерывов-просмотров они представлялись Тимур бездонными – его сразу будто затягивало в колодец. А он совсем и не собирался противостоять этому притяжению, и они часто завершали взаимную близость прямо в рабочем кабинете, не считая нужным перебираться в спальню.

Тимур стал писать Танин портрет. Начало работы над ним совпало с подготовкой к Новому году, который они отмечали вдвоем. Однако процесс написания продвигался медленно в основном из-за меняющихся планов Тимура в композиции. Сначала он хотел изобразить Таню на портрете сидя, потом – полулежа и по пояс, а потом решил показать лицо и шею только... Тимур то открывал плечо позирующей Тани, а то полностью застегивал ворот блузки и убирал заколку с ее головы, распуская волосы на одно плечо... Позировать было трудно, но Таня старалась, соглашаясь с Тимуром во всем. Пробовал он и обнажать Тане правую грудь, но потом снова прикрывал ее легкой полупрозрачной тканью, которая совсем не скрывала широкого ореола вокруг соска, а лишь подчеркивала совершенство строения... У Тани была на шее родинка, пусть маленькая и не сразу заметная при беглом взгляде, но все же была. Она казалась темной точкой на фоне очень светлой кожи обнаженных плеч и груди. При не слишком открытом вороте блузки точка-родинка могла быть и не видна. Иногда Тимур поворачивал шею Тани к свету так, что Танина родинка напрягалась упругой горошиной. С ней творилось что-то странное. То Тимур изображал родинку так, что она становилась центром внимания на портрете, то она (вроде бы прорисованная правильно и в нужном месте еще некоторое время назад) вдруг исчезала из-за случайного мазка кисти со светлой краской или, высыхая, приобретала другой цвет. Случалось и вообще что-то неожиданное: исчезнувшая с шеи родинка объявлялась вдруг на еще не совсем прорисованной правой груди. Вообще, многие части портрета выглядели по-разному в зависимости от угла зрения. Глаза – хотя Таниным глазам на портрете Тимур уделял много внимания, пытаясь воплотить в изображении их бездонную глубину, все же больше всего он работал над изображением Таниной шеи с родинкой. Он словно придерживался принципов известного английского художника Джорджа Фредерика Уотса, который считал шею главным элементом в портрете женщины. Жена Джорджа Уотса Мэри была моложе его на 36 лет – ее шее выпало

быть запечатленной на ряде полотен художника, хранящихся в галерее Уотса недалеко от г. Гилдфорда. Во многом благодаря усилиям Мэри (как в последние годы жизни художника, так и после его смерти в 1904 году) полотна и репутация Уотса были сохранены для потомков от нападков критиков.

Тимур искал в любимой женщине какие-то признаки и характерные черточки, которые бы помогли ему представить на холсте более правильное изображение оригинала. Однако Танина привлекательность часто отвлекала Тимура от работы над портретом. Тимур не был профессиональным художником, способным спокойно и по-деловому изобразить на холсте сидящую или лежащую перед ним обнаженную натурщицу. Он был увлеченным человеком, и, хотя пытался работать профессионально, поиски элементов гармонии в позирующей Тане возбуждали его. И если он касался ее лица и родинки на шее, то потом уже не мог остановиться и касался всего остального тоже, и все опять заканчивалось в рабочем кабинете тем, что распластанная на диване и подрагивающая Таня принимала на себя тело увлеченного художника.

Однажды утром Тимур находился в большой комнате и убирал вещи и коробки в шкаф и на антресоли. Таня в это время в рабочем кабинете занималась переводами материалов. Стенка коридора, в который выходили двери кабинета и большой комнаты, была зеркальной. При открытых дверях обстановка комнат отражалась в зеркалах коридора, что создавало впечатление большего пространства квартиры. Если Таня забиралась на диван, и смотрела оттуда в коридор, то тогда могла даже видеть, как в другой комнате Тимур пододвигает стулья к шкафу с одеждой. Просматривая некоторые полотна Тимура, Таня обнаружила один холст, на котором был изображен сжатый посередине голубоватый овал, окруженный большой зеленой зоной. Если бы Таня вспомнила озеро в парковой зоне, с которого началось их знакомство с Тимуром, то, возможно, могла бы догадаться, что рисунок – это вид сверху на то самое озеро. Но с тех пор как она стала жить у Тимура, они ни разу с ним не были в озерной зоне, и у нее за прошедшее время почему-то забылось то озеро, и потому связи между изображением на холсте и тем отдаленным в прошлое озером она не обнаружила. Отложила холст и потянулась к другому, но закружилась голова – по-видимому, она слишком близко склонилась над баночками со скипидаром и тюбиками с масляной краской, а какой-то из них был, вероятно, плохо закрыт и она вдохнула острый запах красок и скипидара. Она уже и раньше заметила, что стала чувствительной к запахам. Потом подумала еще о том, что вот уже слишком долго нет месячных. Надо бы сходить к врачу провериться, но... На фоне головокружения и наступившей слабости мысли путались, и Таня не могла их связать в единую логическую цепочку... Потом через какое-то время тошнота и слабость прошли, и Таня вдруг услышала голос, доносящийся из большой комнаты, где находился Тимур, – это был женский голос. «Кто-то пришел, Тима?» – Таня спросила негромко, но звук ее голоса прозвучал совсем тихо. «Наверное, из-за слабости я не могу говорить громко, хотя чувствую себя уже нормально после приступа тошноты... Но что же там за женщина говорит с Тимуром?» Таня вдруг по-новому и как бы впервые внимательно осмотрела комнату рабочего кабинета и остановила взгляд на открытом проеме двери в коридор. Сдвинувшись на диване влево, Таня изменила угол зрения на проем двери – в зеркальной стене коридора она вдруг увидела полуобнаженную молодую женщину – отражение той незнакомки, которая стояла в комнате Тимура и говорила с ним. Таня сразу решила, что это Зоя, хотя никогда ее прежде не видела, – видимо, Зоя вошла в квартиру в тот момент, когда Тане стало плохо из-за запаха красок и она ничего не видела и не слышала в те минуты. «Так вот она какая – бывшая жена Тимура!»

Зоя стояла напротив «заторможенного» Тимура, а он словно потерял дар речи и просто слушал полураздетую бывшую жену. Она говорила: «Я вернулась совсем. Я знаю, Тима, тебе без меня было очень плохо. Но все наладится... Я больше не уеду от тебя. Я была... в долгой командировке. Только не приставай ко мне сразу. Я пойду приму душ...». И она направилась из комнаты в ванную. Зоя была без лифчика. Ее красивая грудь слегка подпрыгивала при ходьбе, а широкие бедра плавно перекачивались, придавая уверенность их обладательнице в том, что у нее все получится и что она восстановит в этом доме свое женское право... Возможно, она просто переодевалась после того, как пришла в квартиру, а затем зашла в комнату к Тимур, возможно, она не привезла с собой халат и не подумала, что после годового отсутствия он вряд ли окажется в платяном шкафу, возможно, она обнажила грудь сразу, чтобы привлечь внимание бывшего мужа и вернуться в прошлые отношения до ее ухода, возможно... Как много этих «возможно», и как много они создают проблем для уже развившихся других отношений....

Еще не притворив дверь ванной, Зоя крикнула оттуда Тимур: «Принеси мне, пожалуйста, полотенце...», – а потом несколько тише и немного неуверенно добавила: – «И потри мне спину... как раньше».

Когда Тимур скрылся с полотенцем в ванной, Таня решила действовать. Может, необдуманно и не

так, как надо, но... Это будет ее поступок, ее выбор. Она подумала, что до этого момента она не выбирала, она просто плыла по течению и следовала обстоятельствам «как сложится». Она словно очнулась от долгой зимней спячки и вспомнила, что ее ждут с размороженными окорочками и цветной капустой. Ждут уже давно. Но вот где? Как найти дорогу туда – в почти забытое прошлое?

Не надо ей никаких объяснений с Тимуром и Зоей. Она уйдет одна – ей ничего не нужно. Только вдруг поняла, что уже – не одна, что внутри нее уже кто-то есть и что ребенок этот будет только ее. Голова закружилась, и она присела на край дивана. Успокоилась. Обвела взглядом комнату, как бы ища что-то. Что? Портрет – она возьмет свой портрет, пусть он не совсем закончен, но... он вместил почти всю ее жизнь в этом доме. Таня не хотела, чтобы родинку на портрете рассматривала какая-то Зоя. Она взяла скатанный в трубку холст и быстро вышла из квартиры.

Таня не знала, куда идти, все дома ей казались одинаковыми. Долго ходила по улицам, сидела на лавочках перед подъездами незнакомых домов. Наконец, заметив ворота в парковую зону, вышла к озеру. Увидев Вадима, сидящего на скамейке у воды, устремилась к мужу. Ноги слабели, голова кружилась. Вадим вскочил навстречу жене и успел подхватить теряющую сознание Таню...

...В ванной комнате под душем стояла нагая Зоя, а Тимур елозил намыленной мочалкой по ее плечам, шее и лопаткам. Движения его были робкими – он словно боялся, что рука с мочалкой может случайно опуститься ниже талии Зои. «Спасибо, Тима! Достаточно», – как можно мягче произнесла Зоя, полагая, что нежность в голосе снимет робость в Тимуре, и, повернувшись к нему лицом, чуть подалась вперед. Мыльная рука Тимура задела грудь Зои, оставив над правым соском клочок белой пены. Но ненадолго – стекающие по лицу, шее и плечам струйки воды из распылителя душа быстро уничтожили остатки мыльных следов. «Можно теперь спереди намы...», – она начала тихо, но не закончила фразы, так как подумала вдруг, что, возможно, не стоит вот так сразу атаковать Тимура своими чарами. Она уже не понимала его молчание и даже боялась его, не зная, какие действия он может предпринять в ответ на ее нежность. Ведь прошло так много времени, и он стал, несомненно, другим. Но каким? Она еще не знала «нового» Тимура, но вот уже ей стало казаться, что прежние ее женские подходы к нему не срабатывают, и, значит, надо менять тактику... Она пыталась заглянуть к нему в глаза, чтобы увидеть там что-то знакомое, – то, что она знала раньше. Но вот сейчас не находила этого. А он? Он все по-прежнему молчал и с каким-то упорством смотрел на ее правую грудь, словно старался там разглядеть что-то...

Родинка – он видел на теле родинку. Но почему? Ему казалось, что раньше у Зои не было на груди и шее родинок, а вот сейчас. Нет-нет. Это у Тани есть родинка. Но на шее. Он взглянул на шею Зои и там увидел крохотное пятно. Что такое? Опустил взгляд – на груди уже не было никакой родинки. «Какая-то мистика – что-то происходит с родинками, как раньше случалось и на портрете Тани». Вопросы о родинках вернули его мысли к Тане – «а где же сейчас Таня?».

Он словно очнулся от Зоино «колдовства» и вдруг понял, как нужна ему сейчас Таня. Но где же она? Где ее родинка и... где тот портрет? Он должен увидеть Таню. Тимур что-то буркнул Зое, возможно, что «извини, я должен уйти», и выскочил из ванной комнаты, оставив бывшую супругу под струями воды в полном недоумении.

В рабочем кабинете развернул холст с Таниным портретом – на шее горошиной выступала родинка. Все в порядке – подумал он. Это Танина родинка. Но потом перевел взгляд на правую грудь – там под правым соском начинала краснеть чуть заметная точка. Но ведь у Тани, кажется, не было там ничего. И ему казалось, что он не рисовал там никакой точки. Но почему же тогда она сама проявилась на портрете? «Может, все-таки он нарисовал эту родинку неосознанно?»

«А куда же делась сама Таня?». В квартире не осталось ее следов – исчезли с рабочего стола бумаги, принесенные Таней из бюро переводов... И вдруг возникла сумасшедшая мысль – а была ли Таня вообще в его жизни? Не почудилась ли она Тимур? Но кого же он рисовал тогда? Ведь портрет-то Танин был... А если бы не было портрета?

Он уже не пытался сам ответить на эти вопросы. Вспомнил свою поговорку «все будет хорошо» и выскочил на улицу. Он не знал, где искать Таню. Пошел наугад по одной улице, потом свернул на другую... Остановился – задумался. Холст выпал на тротуар и развернулся... Какой-то мальчик-подросток поднял «Таню» и протянул Тимуре: «Вы обронули картину»... Тимур взял развернутый портрет – так и понес его, как плакат, перед собой. Не заметил, как пришел на небольшой рынок, что находился недалеко от парковой зоны и озера – там иногда художники продавали свои работы. Тимур стоял с портретом Тани и вспоминал все прожитое с ней время. Подошел какой-то мужчина, что-то спросил Тимура, показывая на портрет. Тимур думал о своем, и вопрос не дошел до его сознания. Возможно, машинально он что-то и

ответил тому человеку, но в тот момент зачесались глаза и стало щекотно в носу. Тимур передал картину стоящему рядом человеку, а сам стал рыться в карманах в поисках носового платка. Он чихнул несколько раз, потом еще... Потом – после приступа чихания, убирая платок в карман куртки, Тимур обнаружил там несколько денежных ассигнаций... Странно – откуда они? Ему казалось, что он не брал денег при выходе из дома... Разбираясь в своих мыслях и вопросах, Тимур не сразу заметил, что человек, который совсем недавно стоял рядом с Тимуром и что-то спрашивал о портрете, исчез – с портретом...

...Высвобождая Таню из своих объятий, Вадим усадил ее на скамейку. Когда бледность жены прошла и Таня почувствовала себя лучше, Вадим спросил ее: «Так что же сказал врач?». «Врач? Какой врач?», – Таня не поняла вопроса супруга. «Но ты ведь пошла в женскую консультацию. Сказала, что на час или два. Я зашел на рынок и разморозил дома продукты к ужину – как ты просила. А потом опять ждал тебя здесь у озера». Таня не могла понять происшедшее. «Значит, Вадим расстался со мной около двух часов назад, когда я пошла на прием к врачу? Но я не была в консультации – я... жила у Тимура... И очень долго. Но как же мне объяснить все это Вадик? Я должна честно ему все рассказать, что случилось со мной...». «Вадик, я не была в консультации, я...», – начала Таня, но вдруг замолчала, посмотрела себе под ноги, а потом перевела взгляд на Вадима, – «А я пришла со свертком? Где же тот холст?». «Да-да, Танюша, я положил тот коврик, что ты принесла, за скамейку. Вот он!» – он поднял сверток и передал его Тане. Таня решила начать объяснения своего долгого отсутствия с доказательства – с портрета. И стала уже говорить, разворачивая холст: «Это не коврик, это – по...». Она не договорила слово «портрет», так как увидела, что на принесенном ею холсте изображено озеро с зеленым побережьем вокруг. «Да, Танюша, это большая поляна с озером, которое похоже на то, которое мы видим перед собой наяву», – сказал Вадим. Сейчас и Таня признала озеро, только... что-то было не так в нем. Форма береговой линии? Таня вспомнила, что когда-то увидела в озере «неправильную гантель» и задумалась. Наяву уже не было никакой гантели. Овал на картине совпадал с овальной формой берега, который они видели перед собой. Мысли Тани вернулись к последним минутам нахождения в квартире Тимура... «Значит, я перепутала холсты, и портрет остался там – в рабочем кабинете».

Напряжение, отразившееся на лице Тани при ее раздумьях о жизни с Тимуром, Вадим понял по своему: «Ты устала, Танюша, и поздно уже – пойдем домой». При выходе из ворот приозерной зоны, Таня оглянулась. Ей показалось, что озеро снова приобрело форму гантели и что по мостику через «гриф гантели» шел человек и что-то высматривал по сторонам. Сойдя на берег, он направился к скамейке, на которой лежал оставленный Таней развернутый холст-коврик. Из-за хранения в прошлом картины в скрученном состоянии края холста оставались слегка загнутыми вверх, отчего в набегавшем с озера вечернем ветре картина покачивалась и по изображенному на ней озеру «пробегала волна», а трава на побережье-изображении «шевелилась»...

Дома Таню ждал сюрприз – Вадим то ли «забыл», что он купил на рынке у странного чихающего художника портрет молодой женщины, глаза которой ему напомнили Танины, то ли из-за состояния жены возле озера не хотел говорить о портрете там... Вадим временно прикрепил портрет на стене у окна, и Таня, еще находясь в переживаниях «прошлой жизни», теперь узнавала на портрете «свои» глаза и «свою» шею. Под полупрозрачной материей, прикрывающей обнаженную правую грудь, просвечивала «чужая» родинка.

Мятая газета, в которую была завернута принесенная картина, так и осталась лежать на столе непрочитанной, но потом была отложена в кипу других ненужных бумаг и газет, ожидающих своей макулатурной участи в кладовке. Ту газету Вадим купил в киоске у рынка после приобретения портрета. Вадим не знал, что в ней была небольшая заметка, в которой сообщалось, что траектория движения небесного тела (окрещенного журналистами как «комета Х»), за которым наблюдали довольно долго ученые, оказалась отличной от рассчитанной и пролегла очень близко к Земле. Хвост кометы и вызванный ее «метеоритный дождь», излучение которого еще предстоит изучать не одному поколению, «задели» некоторые районы планеты. Высказывались предположения о возможном влиянии излучения «хвоста» на водоемы малого и среднего размера. Людям, которые когда-либо чувствовали на себе проявление «магнитных аномалий» и «вспышек» на Солнце, советовалось не оставаться долго вблизи открытых водоемов. Здесь, как и в аннотации к сильнодействующему лекарству (с возможными побочными эффектами), отмечалось, что в группу риска попадают также и беременные женщины. Вероятность изменения свойств «пространственно-временной среды» от близости «кометы Х» рассматривалась как малая, но все же не нулевая. Сообщение о временной среде скорее всего осталось непонятным обычному среднестатистическому читателю. Если... тот читатель в своем школьном прошлом старался побыстрее перелистнуть страницы

учебника физики с формулами преобразований Лоренца, не задумываясь над словами «релятивистское движение». Тем более «парадокс близнецов», упомянутый в газете как гипотетическое последствие неизвестного излучения, вряд ли мог напомнить такому читателю о различном протекании времени в разных системах отсчета.

...Через положенное природой время Таня родила дочку Лилию. Со временем во внешности девочки проявлялось все больше от мамы. И почти точной копией казались глаза и родинка на шее. Но была еще у Лили вторая родинка – на груди...

Семья Тани часто меняла место жительства, и от такого неоседлого образа жизни портрет с родинкой «затерялся» – возможно, он остался в нераспакованных коробках и тех вещах, что не являлись предметом близкой необходимости и были отложены в «дальний угол» когда-то, где о них и забыли со временем на фоне текущих проблем обычной жизни.

Ближе к двадцати пяти, уже при создании своей семьи, Лиля случайно обнаружит затерянный когда-то портрет, и ей еще придется разгадывать «свой» характер, заложенный отцом в период несовпадения рассчитанной траектории небесного тела с реальной...

Александр ИВАНОВ

Имеет среднее специальное образование. Работал фельдшером в отделении скорой и неотложной помощи, клиническая больница №10. Окончил философский факультет, Киевский университет им. Т.Г. Шевченко. Философ, преподаватель философских дисциплин. Служил в Государственной криминально-исполнительной службе Украины. Занимал должность заместителя главного редактора газеты «Закон і обов'язок». В настоящее время работает в КТРЭД наркологом. Пишет стихи и прозу.

Под аккорды ночи лунной...

Стыла кровь от наслажденья:
Семиструнная гитара
В безудержном иступленье
Переливами ласкала.

След костра ложился тенью,
Грифа черная оправа
Нежностью прикосновенья
С ней оттенками играла.

Дрожь струны от откровений
Исходила вождельем,
И лилась мотива тайна
Сладострастным вдохновеньем.

Ночь застыла в изумленье:
– Восхитительная пара! –
В менюэте вдохновенья
Слились руки и гитара.

И звучат в тиши безмолвной
Зачарованные Руны,
Льется нотами шальными
Песнь подружки семиструнной.

Взор горит, душа ликует
Под аккорды ночи лунной.
Изгибается и стонет
Стан гитары семиструнной.

Под неистовым скольженьем
В неге струны трепетали.
Распахнул свои владенья
Млечный путь для карнавала.

Звездный танец – наслажденье...
Этой ночи будет мало!
Приглашает на свиданье
Семиструнная гитара.

И сплелись тела в движенье,
Этой ночи будет мало!
Соблазняла, чаровала
Семиструнная гитара...

И звучат в тиши безмолвной
Зачарованные Руны,
Льется нотами шальными
Песнь подружки семиструнной.

Взор горит, душа ликует
Под аккорды ночи лунной.
Изгибается и стонет
Стан гитары семиструнной.

Богиня старого метро

Приветливых огней метро
Укрыло под своим шатром.
Счастливой встречи апогей
Обязан щедрости твоей.

Людской поток. Плывущий свет.
Бурлит волна мирских сует.
Состав. Железных рельс стрела.
И вдруг в вагон зашла она.

Плелась роскошная коса.
Волшебный аромат духов.
Чуть с поволокою глаза –
Деметра из прекрасных снов.

Богиня старого метро,
Хозяйка всех подземных тайн,
Пусти в свой мир, открой окно
В тоннель судьбы, манящий вдаль...

Богиня старого метро,
Скажи, что в жизни суждено.

Дорогой тайн, что впереди
Веди меня по ней, веди...

Гласит легенда и молва –
Раз в год является она
Двум душам, ищущим любви,
Пересекая их пути.

Застыли стрелки на часах,
Бегущая строка молчала.
Плыл поезд словно в небесах
В прекрасное любви начало....

Стучал колесами вагон,
Качала бедрами она.
И в восхищении перрон
Ее глазами провожал...

Богиня старого метро,
Хозяйка всех подземных тайн,
Пусти в свой мир, открой окно
В тоннель судьбы, манящий вдаль...

Богиня старого метро,
Скажи, что в жизни суждено.
Дорогой тайн, что впереди
Веди меня по ней, веди...

Ночь танцует танец тени

Тонет Вечер в чарах Ночи –
Тела зов в походке лунной.
С ней парят под блюз эмоций
Тени в поступи бесшумной.

Томной грацией движений
На палитру чувств ложится
Страсть огня воображений,
Тайна женских интуиций.

Перед блюзом наслаждений
Преклони свои колени.
Нить восторженных мгновений –
Ночь танцует танец тени.

В бухте грез волна желаний,
Блюз полночных отражений,
Жгучий взгляд очарований –
Ночь танцует танец тени.

В царстве Ночи сны Морфея
Ластятся в соблазнах девы.
Лепестками роз усеян
Млечный путь для королевы.

В сладких грезах представлений
Полон красок мир иллюзий.
Падал образ Ночи тенью
Зачарованного блюза.

Перед блюзом наслаждений
Преклони свои колени.
Нить восторженных мгновений –
Ночь танцует танец тени.

В бухте грез волна желаний,
Блюз полночных отражений,
Жгучий взгляд очарований –
Ночь танцует танец тени.

Черный ангел

Тихий взмах уставших крыльев,
Неземной красой пленила.
В аромате нежных лилий
Грусть янтарная застыла.

Ты несешь свой крест смиренно,
Ты лишь Вестница пророчеств.
Ты чиста душой и телом,
Пусть молва пороки прочит!

Черный ангел, ты печальна...
Почему так жизнь жестока?
Лишь за цвет и крыльев тайну
Одинока, одинока...

Гонят прочь и проклинают.
Ну, скажи, за что?.. За что же
Твои крылья презирают?!..
Но Ангелу роптать негоже...

Ты смахнешь слезу скупую,
Ты горда – не выдашь слабость...
Не клянeshь судьбу лихую,
Чтобы вызвать чью-то жалость.

Черный ангел, ты печальна.
Почему так жизнь жестока?
Лишь за цвет и крыльев тайну
Одинока, одинока...

Мир холодный, равнодушный...
Но сильна у сердца жажда –
Встретить родственную душу
Ты надеешься однажды...

Ищет Ангел к счастью дверцу,
Нужно лишь немного веры –
Есть вторая часть у сердца,
Что не может жить без первой!

Черный ангел, ты печальна.
Почему так жизнь жестока?
Лишь за цвет и крыльев тайну
Одинока, одинока...

Екатерина ДЕРИШЕВА

Родилась в 1994 году в г. Мелитополе, Украина. Окончила Экономико-правовой колледж Запорожского Национального Университета, техник-программист, мл. бакалавр (2014), ХНУ им. В.Н. Каразина, филологический факультет, специальность «журналистика» (2014-2019, заочно). Менеджер по продажам. Печаталась: журналы поэзии «Лава» (Харьков), «Хортица» (г. Запорожье), «Квадрига Аполлона», №13 (сетевой журнал, Спб.), сетевая газета «День литературы» (Москва). Сборник стихов «Сплав» (Х.:2015, Майдан).

Зазеркалье

Моё второе имя – Алиса
или Асила.
Я говорю и пишу
на когда-то
придуманном мной
языке.

Окружающие
не понимают меня, –
говорят, будто бы
сочиняю сплошные
иероглифы,
и их можно
разобрать,
только будучи
пьяным.

Каждое утро
я просыпаюсь
и подхожу к зеркалу,
возле которого уставлено сотни баночек
с эмоциями, жертвами и молитвами...

Я пробую поочерёдно
то боль, то радость
и, когда начинается
их действие,
в чужих глазах
расту и
п
а
д
а
ю
одновременно...

Солнце в зените

Ты касался глазами-лучами,
просверливал в сердце дырочку –
исчезал, прятался месяцами,
затем говорил:
«Ошибочка,
девочка,
извините,
не хватает нынче небесных светил –
только я да луна,
но и та холодна –
ушла в отпуск и ночью не светит,
а мне, между прочим,
завтра
с пяти утра
отчитываться
в небсовете!
Девочка,
Вам хочется посмеяться – так идите,
Вы слишком ещё дитё,
а я не охотник до смеха, простите!
Простите!»

Одиночники

В августе каждый внутренне одинок.

Татьяна Шеина

В этом городе каждый из нас одинок.
И когда гаснет свет,
зажигаются ночники-звёзды...

Когда они меркнут,
каждый одиночник
стремится
загадать желание...

Гаснут звёзды.

Гаснут окурки.
Гаснут люди.
Меркнут признания.

Каждый из нас по-своему одинок...

Хотя некоторые и настаивают,
что слеплены из одного теста
(из одной любви
созданы в Божьей спальне)
что когда Он творил,
тишина была в стократ важнее,
чем звук, продолжение или тьма...

Тьма – это шум,
и когда её нет,
буквы из тысячи анаграмм
складываются в слова,
и каждая буква
становится исповедальной.

Чем важнее тишина,
тем больше одиночества в мире,
тем больше любви
и тем больше оков...

Когда умолкают слова,
я смотрю в своё зеркало-сердце...
В этом городе
каждый второй одинок.

Последний лист

Когда земля уходит из-под ног,
а за спиною груз из злого прошлого;
когда последний лист совсем продрог,
уже не помня ничего хорошего...

Когда темнеют к вечеру снега
и солнца луч не ярче тусклой лампочки;
Мне остаётся только гладко лгать
и отправлять открытки скорой почтой

себе, забытой между тесных строк
стихов и в тоннах пыльных, старых писем.
Быть одиночкой больше не порок,
но сколько новых я открою истин?

А за окном грядёт – не свет – сусвет,
понятней Нарний, Norvej и Нирваны,
и осени реальности билет
лист жёлто-красный, раненый и рваный.

Минутная слабость

Механизмы сбились
и часы зашагали по-новому –
минутная стрелка канула в вечность,
секундная стала отвечать за минуты,
а часовая
за дни
и маршруты,
превращая
жизнь в аксиому,
что состоит из Рядов испытаний.

Механизмы сбились.
Стрелки двигаются в обратном
направлении –
тикают,
очерчивая вектор-линию
на юг,
пошатываются, будто выпили
холодный брют.
Часы – асы времени?!

* * *

Ты взял меня за руку
и отвёл, как детей водят на прогулку,
в мир чудес и слов...
Знаешь, когда-то мне снился вечерний Харьков:
Шевченковский Сад, и Собор.
Чья-то услышанная невзначай фраза:
«Девушка, наденьте головной убор –
тепло... спасает от сглаза»

Бессонница

Бес-сонница
уснул и не просыпается.
Город – не спит –
бессонница.
Скитальцами
полнится
улица,
будто их притянул маг Нит¹.

Город не спит – целуется:
он давно познал похоть
и плоть,
и не помнит
моливт.
Город – бездонная улица:
одни требуют чувств,
а другие – гражданский сплит².

¹ Нит – единица измерения яркости.

² Сплит – раскол.

Город не спит.
 День – не сменяется ночью, ночь – днём.
 Я возьму тебя за руку, тихо скажу: «Пойдём».
 Люд разбегается с улицы –
 город застыл в слезах.
 Бес просыпается – сонница
 бесно, любя, грозя.
 Я возьму тебя за
 руку?

Прильни!

Прильни к моим губам –
 рассея тревогу,
 пронзай туман,
 смотри на ветхую дорогу –
 она уже трещит по швам.
 Побудь со мной совсем немного
 на зависть звёздам и волхвам.
 Прильни... Рассвет ещё не скоро...
 Свеча горит без разговора...
 Кричи, целуй, но не молчи –
 в крошечной тьме земной ночи
 растая искренне и гордо
 под звуки летнего аккорда!

Губишь?

Губы
 губят
 и любят –
 верую!
 Целую профиль.
 Целую анфас.
 Тебе себя отдаю целую.
 Верую
 в первую
 верность
 фраз!

Лепта

1
 Любовь не придаёт мне цвета жизни,
 иду по лезвию ножа...
 Мне боль
 заангажировала мысли –
 я пью любовь –
 тихонько, не спеша...
 Смотрю на остров в океане – мыслю ли?

2

Любовь
 к тебе
 я прячу по карманам,
 как карамельки в детстве
 от ребят.
 Ты для меня не то, что манна –
 ты свет –
 мои глаза рябят!

3

Я спрячу мысли в длинный ящик
 и подпишу – «ненужный хлам».
 Я без тебя – ненастоящая.
 Я без тебя – напололам...

4

Я без тебя – напололам.
 Пронзают тысячи иголок,
 акупунктирно давят грудь –
 ещё немного, и по жилам
 начнёт бежать живая ртуть...

Остров

Сколько точек не ставь, сколько слезы не лей,
 всё же близкое видится позади.
 Наполняется сердце шумом безмерных морей,
 звонко ветер посвистывает в груди.

И не важно, зачем и куда я иду,
 мне не светит маяк, и якорь не тянет вниз.
 Моё сердце, будто морской недуг,
 боль – ни остров, ни озов – жизнь.

Азъ тмение

Я живу без лица.
 Твоё имя мне дарит голос.
 И хотелось бы злиться
 на небо... да выстрел – холост...

Ночь становится Тьмой –
 время точит наждачкой нервы.
 Слышу голос – «г л а ЗА к р о й,
 ни к чему твои жертвы...

Ты напишешь строку
 и разделишь сознание на ан-ки³,
 отдавая кусочек от неба – лоскут,
 этот мир на изнанке замкнут...

Проверяя – тьма или свет – секут...

³ Ан-ки – понятие из шумеро-аккадской мифологии, буквально – «небо и земля».

Сергей МАСЛОБРОД

Родился в селе Дойбаны-2 Дубоссарского района Республики Молдова. В 1960 году окончил факультет механизации Кишиневского сельскохозяйственного института. После окончания института – главный инженер колхоза «Молодая Гвардия» Дубоссарского района. С 1964 года работает в Академии наук Молдовы. Доктор habilitation биологических наук по специальности «агрофизика», главный научный сотрудник Института генетики и физиологии растений АНМ. Автор и соавтор пяти монографий и более 300 научных статей. В 1981 издал книгу «Электрический «язык» растений», за которую получил диплом Всесоюзного конкурса научно-популярных книг и по материалам которой студии «Киевнаучфильм» и «Леннаучфильм» выпустили три научно-популярных фильма. Стихи пишет с 1959 года. В 2010 году издал книгу стихов «Земные небеса». Работает также в жанрах литературной критики, публицистики и популяризации науки.

Побег в детство

Из квартиры ликующий топот
По ступенькам скатился во двор –
И рассыпался в визги и хохот,
Ставя на уши вольный простор.
И пахнуло родным, бесшабашным,
Я вскочил, как от крика «Пожар!»,
И по этим же лестничным маршам
По спирали я в детство сбежал!

* * *

Впечатленья детских лет –
Сокровенный раритет,
Оберег, который часто
Вынимаю я на свет.

* * *

Детство. Сельская природа.
И душа – в заре восхода.
И с годами всё сильнее
Чувство родины моей.
Детство было – да уплыло,
А добра на век хватило.
И в душе моей с тех пор
Солнце, воздух и простор!

Угощение для мамы

В 1948 году, когда мне было 11 лет, а сестре – 10, я написал стихотворение. Недавно оно неожиданно всплыло в памяти – по-детски наивное, но искреннее. Я решил его основательно причесать, сохранив его дух и содержание.

Ура! Пришла с работы мама!
Тебя кормить начнём сейчас.
Садись, садись за столик прямо,
Как самый главный гость у нас!

Сестра, неси-ка суп с картошкой!

А я пока достану нож,
Нарежу хлеб. А вот и ложка.
Попробуй, мама, суп – хорош.
Ты хвалишь блюдо! Мы так рады –
Аж загордились слегка.
Теперь у бабушки не надо
Просить на ужин молока.
А мы с сестрой пораньше ляжем,
Чтобы тебя не волновать.
И мы сами себе прикажем
Назавтра в комнате убраться.

* * *

Дети! Вы даёте столько радости,
Что почти не замечаю старости.
И признаюсь вам начистоту,
Я, пожалуй, всё ещё расту.

* * *

Помню, в детстве по утрам
Лился в уши птичий гам,
И, как праздник приходя,
Лился в уши шум дождя.
А теперь на склоне дней
Шум и гам в башке моей.
Знать, природа (не со зла),
Не спеша, в меня вошла.

На форуме пляжа

В Алуште проходил помпезный форум
С обилием начальства и гостей.
На нём трудились с явным перебором
Витии разных рангов и мастей.
Чтоб отдохнуть от братии научной,

Я улизнул тайком на общий пляж
И приземлился там благополучно
На крошечный незанятый метраж.
О, лежбище телес раскрепощённых,
По полной отдыхающих телес!
Ты дало фору форуму учёных,
И я не зря на форум твой пролез!
Вот подиум античных статуэток,
Заряженных магнитом глаз и поз!
А вот и сказка – лукоморье деток!
Сегодняшнего дня апофеоз!
Ну как же мне сейчас не стать поэтом,
Чтоб вместе с ними в сказке побывать?
Как ни стараться в лукоморье этом
К сердечкам юным ключик подобрать?
И деткам я шепчу с серьёзным видом:
Мол, берег полон золотых монет,
Припрятанных Гаруном- Аль- Рашидом.
Так что не стоит упускать момент...
И тайный клад искать им помогаю,
И мне приятно, что для них я – свой.
И, представляете, по полной отдыхаю
И чувствую себя самым собой.

* * *

Возникла мысль – и тут же сон сбежал,
А мысль решила в рифмы нарядиться
И требует, чтоб я соображал,
Как ей в стихотворенье превратиться.
Явилась! Ну и кто её просил?!
В миру покрасоваться захотелось?
Увы, сопротивляться нету сил –
Я даже похвалил её за смелость.
Однако – к делу: некогда скучать.
Жаль, на работу надо утром рано.
Подбадривая, ходики стучат –
Да так, как будто капает из крана.
А из меня для мысли – ничего.
В извилинах настолько прозаично,
Что не могу я вследствие сего
Пробиться сквозь затор косноязычья.
И так и эдак гостье угодить
Стараюсь рифмой, образом, размером,
Но перлы ой как трудно находить
В копилке выражений модельера.
И в поисках материи живой
Для платья моего произведения
Я, вымотанный, с ватной головой,
Проваливаюсь в бездну сновиденья.
Вот где блеснул я силой и красой
Под чутким предводительством Морфея:
Я гостью сразу превратил в Ассоль,
А стихотворца – в капитана Грея!

* * *

Однажды странный сон приснился мне:
Во сне я твёрдо знал, что я – во сне.
Поэтому и вёл себя свободно
И смело совершал там, что угодно.
В любой момент я мог прервать тот сон,
Но нравился мне мой иллюзион,
Где я на сцене выступал без маски –
Живой герой творимой мною сказки.
Когда вот так на сон влияет явь,
То это – в небе пойманный журавль.
И зря его спешит иной охотник
Поймать через компьютер и наркотик.

Окружение

Я попал в окружение –
Нету выхода мне,
Ведь своим положением
Я доволен вполне!
Совершенно не хочется
Выходить из кольца,
Ведь тогда – одиночество
И потеря лица!
Здесь – исток восхождения,
Здесь – отчизна моя!
Я попал в окружение –
Тех, кто любит меня!

* * *

Вся наша жизнь – какой-то длинный день
С его восходом, полднем и закатом.
В нём чувства обостряет светотень,
А солнца сень нас охраняет свято.
И человек средь ауры такой
И сам уже – источник излучений.
Смотрите: стал он утренней зарёй,
Затем – теплом или, увы, жарой,
А на исходе дня – зарёй вечерней.

Две зари

Знаешь ты, что в мире нет
Лучше этой крошки.
Для тебя на склоне лет –
Это свет в окошке.
Промеж вас давно любовь.
Ну, а как иначе?
Тут ещё родная кровь
Тоже много значит.
И, короче говоря,
Чудно получается,
Что вечерняя заря
С утренней встречается!

Юлия РОДИЧЕВА

Родилась 6 июля 1947 года в Калининградской области. Окончила ЛПИ им. Калинина. Работала в Воронеже и Кишинёве.

Свидание

Час тишины безветрия настал,
Серьга луны горит на небосклоне...
Вы ожидаете меня у древних скал,
А я томлюсь в сомнении невольном...

Любовь души коснулась невзначай,
Затрепетала жаркими губами,
Она как поцелуи горяча
Или прыжок в бушующее пламя!

И бабочкой я на огонь лечу,
Касаясь губ дрожащими губами,
И ничего я больше не хочу,
Мне б только век не расставаться с Вами!..

* * *

О, магия любви, она царит во всем!
В улыбке светлой, что в душе несем.
А нежность взоров учащает сердца стук
И мир весь словно бы цветет вокруг!..

О, магия любви, основа мироздания!
Кому – награда, а кому – страданье...
Кто устоять ей может иль перечить?
От колдовства ее лишь время лечит!..

* * *

Во все века жила любовь,
Во все века были запреты,
Но чувства волновали кровь,
Их нежностью сердца согреты...

В глубинах трепетной души
Горел огонь любви священной.
Кто подарил его, скажи!
То тайна вечная Вселенной!..

* * *

Не исчезай в безмолвии ночном,
Не искушай доверчивых девчонок,
Поверь, я не жалею ни о чем,
И голос мой необъяснимо звонок...

Душа поет о чем-то неземном,
Ей непонятны ссоры и обиды.
Она любовью наполняет дом
И источает нежности флюиды...

Давай забудем прошлое сейчас
(Те годы незаметно промелькнули)
Я – Ева, ты – Адам – благословен тот час,
Когда нам в Рай ворота распахнули!..

Кураж

С веселенькой улыбкой:
(Кураж, так уж кураж!)
Не видим жизни зыбкой
Мы призрачный мираж...

Нам грезятся свершений
Прекрасные миры,
Изведав вкус лишений,
Познаем суть игры:

Ребенком несмысленным,
Уже который век,
Мечтою окрыленный
Страдает человек!..

И жизни иллюзорной
С могуществом монет
Большой свой и бездонный
Смерть передаст привет!..

* * *

Хотелось многое узнать,
Хотелось истину понять,
Но пролетело много лет,
И не разгадан тот секрет!

Зачем и для чего живем?
Земля тюрьма иль отчий дом?
Зачем свободная душа
Живет под тяжестью гроша?

Добро и зло враждуют вечно,
И их война бесчеловечна:
То рать налево, то рать направо,
И не найти на них управы!..

* * *

Все суета сует, все преходяще
И в будущем и в настоящем...
Прошедшему глядим вослед:
Мгновение прошло иль сотни лет...

Не возвратить, лишь памяти страница
Нам сохранит исчезнувшие лица
И страны те и города,
Которых не увидим никогда...

Напутствие

Шагая по земле, ты осторожным будь:
Ведь по костям шагаешь, это не забудь...
По сути что земля: песок, суглинок, прах –
Слои былых людей, спеченные в веках,
Останки древ и трав, животных и камней,
А вечна лишь любовь и что поют о ней!..

Северный вальс

Не лукавь, дорогой, не хитри
В светлом зареве северной ночи.
За окном на кустах снегири,
Словно яблоки спелые очень...

Белой ночи загадочный свет
Не дает нам уснуть до рассвета...
Я ждала тебя тысячу лет,
И ты тоже искал меня где-то...

А словесно-наивный дурман
Между мной и тобой зависает,
И наш бурный таежный роман
Разве только Всевышний узнает...

Не лукавь, дорогой, не хитри
В светлом зареве северной ночи.
За окном на кустах снегири,
Словно яблоки спелые очень...

* * *

Повороты, зигзаги судьбы,
Чудеса ее в нашей ли власти,
Мы по жизни всего лишь рабы
В ожидании вечного счастья!..

* * *

Благословенна жизнь
Во всех ее явлениях.
И незачем тужить
О частных огорченьях.

И незачем скорбеть
Нам о кончине века,
А просто быть и впредь
Счастливым человеком:

Свободным от обид,
От денег и от славы.
Нам нечего делить –
И мудрецы в том правы!..

* * *

Мы гости на Земле и гости в небесах,
Души полет стремителен и ярок
А ей неведомы сомнение и страх,
Она нам испытанье и подарок!..

Георгий КАЮРОВ

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Продолжение. Начало в № 1-5.

Жёлтый император

Глава двенадцатая

В гостях

Матвей лежал с закрытыми глазами на кровати у себя в комнате, а рядом, закутавшись в одеяло, тихо дыша, спала Валентоха. Прошло шесть лет после того, как Румянцева уволилась из интерната. Он узнал об этом время спустя. В последнюю встречу у неё дома они повздорили. И Матвей дал себе

слово больше к ней не приходить. Неделю пионервожатой не было на работе, а потом он узнал, она уволилась и вернулась в Москву.

Матвей тяжело вздохнул. Тогда он тяжело перенёс расставание. Годы спустя, повзрослев, с иронией относился к своей мальчишеской влюблённости к взрослой, хоть молодой, женщине. Он всегда вспоминал её появление. Валентоха приехала к ним в интернат после длительной заграничной командировки. Она сразу всем понравилась – открытая, независимая, интересная, с ясным взглядом и, всё время улыбающаяся. Девчонки так и кружили вокруг неё, а мальчишки из разных классов выдумывали всякие небылицы, как смогли позаигрывать с новой пионервожатой. Матвей не стал исключением и тоже тайно вздыхал. Она же при встрече всегда насмехалась над ним, подтрунивала, а больше всего злила её вечная улыбка с лукавинкой во взгляде.

Впервые он оказался у Валентохи дома при очень смешных обстоятельствах. Вспомнив об это, Матвей снова вздохнул, но это уже был вздох удовлетворения. Это случилось в начале декабря. Он учился в шестом классе. Приближался его день рождения, тоскуя по вольной жизни у бабушки, у которой проводил летние каникулы, Матвей пустился в бег. Где его только не носило несколько дней, пока он, голодный, не оказался в интернатовском свинарнике, в самом дальнем углу сада. Там он укрылся от дождя и собирался разжиться хлебом, когда дежурные принесли помой, кормить свиней. Рассчитывал и на то, а вдруг его закадычные друзья – Юрка с Димкой, окажутся дежурными. Матвей усмехнулся – в воспоминаниях даже запах свинарника ощущался.

Лучи солнца, пробивавшиеся со стороны глухой стены свинарника, перешли на противоположную боковину с низкой, узкой дверцей, снаружи закрученной проволокой. Солнце перевалило полдень и время приближалось к вечеру. С наружи слышались лёгкие шаги. Матвей прильнул к щёлке, пытаясь высмотреть, кто идёт. На уроках труда интернатовцы сколотили сарай добротной из доски со стыковочным пазом, поэтому, как ни пытался он хоть что-то высмотреть, ничего не получилось. В щели пробивался слабый солнечный свет, и увидеть можно было только освещённую полоску соседней доски. Шаги прошли мимо и стали удаляться. Матвей не выдержал и жалобно позвал:

– Слышите!? Помогите!

«Неужели не услышали? – Матвей прислушался – звук шагов пропал. И уже сквозь, вдруг нахлынувшие слёзы крикнул, что было сил:

– Помогите!

Шаги раздалась совсем рядом, и кто-то потянул за проволоку на дверце. От неожиданности Матвей вздрогнул, и едва переводя дыхание опять крикнул:

– Я здесь!

Человеческим силуэтом солнечные лучи пропадали и колебались маятником – с наружи раскручивали проволоку.

Когда дверца открылась, и в неё заглянули, Матвей чуть не упал в обморок. Только не это! Если бы он знал, кто его освободит! Кто окажется свидетелем его позорного заточения, то он бы ни за что не позвал на помощь. Уж лучше бы его нашли интернатовцы. Тоже позорно, но это можно пережить. В проёме дверцы, заглядывая внутрь свинарника, стояла Вален-

тоха. Увидев Матвея, она ослепительно улыбнулась и, не удержавшись, громко рассмеялась, своим красивым голосом.

– Что ты тут делаешь Шпагин? Оставь свиней в покое, – заговорила она с ироничными нотками в голосе. – Тебя им нечему научить. А твоё влияние может на свиней дурно сказаться, – и опять залилась звонким, совсем девическим смехом. – Вылазь! Чего набылся?

Делать было нечего. Матвей вылез из свинарника. Лицо его, от стыда, заливала густая красная краска, но в душе он радовался высвобождению.

– Куда поплёлся? – Позвала Валентина Григорьевна. – Ты в таком виде хочешь в интернат явиться? Идём, горе славянского народа!

Матвей, конечно, не хотел являться в таком виде в класс и пошёл за Румянцевой, представляя, как она завтра будет рассказывать девочкам, как освободила его из свинарника. Ему было стыдно, но в душе он ликовал столь удачному высвобождению. От него и, правда, воняло свинарником, поэтому Матвей старался держаться на приличном расстоянии от Валентины Григорьевны, но и не отставать. Румянцева шла быстро, изредка оборачиваясь и награждая его ехидной улыбкой. Он ловил её ироничный взгляд, прибавлял шаг и опускал голову вниз.

– Не отставай! – отзывалась она. – Близо, только не подходи, а то рядом с тобой даже комары падают задохнувшись.

Наконец, они подошли к зелёной калитке. Матвей много раз проходил мимо неё, когда бегал в магазин за шербетом. Он знал, в этом доме живёт пионервожатая.

Румянцева открыла калитку и остановилась.

– Заходи, вонючка, – подтолкнула она его в спину. Матвей прошмыгнул мимо пионервожатой, но всё равно заработал комментарий в след: – Ну и воняешь!

Румянцева поставила сумку на лавку и открыла дверь.

– Куда пошёл? Завоняешь весь дом. Здесь раздевайся и бросай своё барахло вон туда, в мангал.

Матвей обернулся посмотреть, куда показала Валентина Григорьевна. Он не знал что такое мангал, но увидел металлический короб на коротеньких ножках и под ним, аккуратно сложенные дрова.

«Наверное, это и есть мангал, – подумал Матвей».

Румянцева вошла в дом, а Матвей стоял одиноко озираясь.

«Что делать? Может, пошутила? – гадал он».

Его раздумья прервал стук. В окне стояла Валентоха, – переодетая в домашнюю одежду и с повязанной косынкой на голове.

«Совсем как девочка, – оценил Матвей».

Валентоха пальцем показывала в сторону мангала и другой рукой помахала поторапливая. Делать было нечего. Матвей снял с себя всю одежду, оставшись в трусах, и сложил её в мангале. Что делать дальше он не знал и опять остановился, ежась от вечерней прохлады. В окно опять постучали. Валентоха, ехидно улыбаясь, кликала рукой, приглашая зайти в дом.

– Шпагин! Ты чего? Уснул? – Завалила его вопросами Валентоха, когда он вошёл в коридор. – Мало того, что тебя надо отмыть, так ты хочешь ещё лазарет у меня устроить? – насмехаясь, наставляла она. За её спиной светилась и сверкала, в открытую дверь, бежевым кафелем, натёртым до зеркального состояния ванная комната. Из неё доносился шум воды, наполняющейся ванной.

– Проходи. Это по твою душу, – уже мягче добавила она и подтолкнула Матвея в ванную. – Дверь не запирай. Помоешься, позовёшь, – и ушла.

Матвей всё-таки закрыл за собою дверь на щеколду и залез в ванную. Слегка горячая вода обжигала тело, пока не привык. Мощная струя взбивала пену, сверкающую всеми цветами радуги. И вместе с пеной из воды поднимался пряный аромат. Матвей намылил волосы и всё тело. Затем он задержал дыхание и нырнул под воду. Ему нравилось нырять. Когда они с пацанами сбегали из интерната на речку он только и нырял, стараясь дольше продержаться под водой и дальше заплывать. В ванной это конечно не в речке, но тоже здорово. После стольких дней бродяжничества – помыться это здорово вдвойне!

Раздался стук в дверь и Валентохин голос скомандовал:

– Ну-ка открой!

Матвей быстро стал стирать пену с себя, чтобы не обляпать пол, но стук раздался настойчивый и сильнее.

– Я кому сказала, сейчас же открой! – Валентоха командовала жёще.

Матвей быстро вылез из ванной и открыл дверь.

– Это что ещё такое? – То ли кричала, то ли громко говорила, не понял тон пионервожатой Матвей, и хотел залезть обратно в ванную, но она его остановила, поймав за руку.

– Я тебя спрашиваю, что это такое? – Ее рука указывала на Матвеевы трусы, в которых он купался. – Почему в трусах? Быстро снимай!

Ничего не оставалось, как подчиниться. Матвей медленно стянул с себя трусы и положил на край ванны.

– Быстро в воду и тщательно помыться! – отдавала команды Валентоха. – Нука-нука, – неожиданно она снова ухватила Матвея за руку, когда тот перелез в ванную, и развернула к себе. – Руки, кому сказала, убрать! Это что ещё такое?

– Болит, – уже сквозь слёзы промямлил Матвей.

– Прекрати реветь и объясни внятно, – продолжала кричать Румянцева. – Что это за воспаление?

– Я не знаю, – мямлил Матвей.

– Садись в горячую воду и выпарись хорошо, – уже мягче посоветовала Валентоха, и, выходя пробубнила. – Сейчас посмотрим.

Когда Матвей намылился в очередной раз, Валентоха вернулась, держа в руках литровую банку с красной жидкостью и бинтами.

– Что это? – сдрейфил Матвей.

– Ничего, – отмахнулась Валентоха. – Быстро смывай мыло и вставай.

Матвей долго поливался из душа, пока Валентоха не выдержала.

– Ну, хватит. Повернись ко мне. Давай посмотрим, что тут у тебя? – с этими словами пионервожатая оторвала кусок марли и смочила в банке с красной жидкостью.

– Что это? – перепуганный Матвей, начал дрожать от страха.

– Не трясись-ты, – скрывая улыбку, сказала Валентоха.

– Что это? – в истерике заорал Матвей, прикрывая воспалённое место обеими руками.

– Раствор марганцовки, – спокойно парировала пионервожатая. – На понюхай, – и она поднесла банку к Матвееву носу.

– А ничего не будет? – успокоившись, сдался подросток.

В душе он и сам желал поскорее покончить с этим воспалением, которое мучало его уже несколько дней, а за время проведённое в свинарнике, только усугубилось и уже болело не на шутку.

– Убери руки и стой смирно, – не глядя на подростка приказала Валентоха.

– Я боюсь, – тихо пролепетал Матвей.

– Тогда одевайся и чёрт с тобой, останешься без своего писюна. Отвалится как-нибудь ночью, – равнодушно сказала Валентоха, убирая бинт и вату и собираясь вылить раствор марганцовки. – Проснёшься в один день, а он рядом лежит.

– Ладно, – сдался Матвей, эти перспективы его испугали ещё сильнее.

Он представил, как это будет выглядеть, что будут делать ребята и скорее всего его переведут в спальню к девочкам. А может, чего ещё хуже, выдадут девчачьи вещи и заставят надевать платье.

– Будет немного больно и пощиплет, – рассматривая воспалённое место, спокойно говорила Валентоха.

– Ай! Ай-яй-яй! – завопил Матвей.

– Ты чего орёшь?

– Кипяток, – сквозь слёзы сказал он.

– Немного горячо, ну потерпи. Надо же распарить воспалённое место, – успокаивала Валентоха, а сама продолжала набирать тампоном горячий раствор и прикладывать к воспалённому месту. – Иначе будет ещё больнее. Я же не виновата, что у тебя именно на писюне воспаление. В конце концов, ты мужчина или нет? Терпи, кому сказала!

Закутанный в большое, махровое полотенце в ярких, крупных, неизвестных цветах, Матвей вошёл в комнату. Это была большая зала с тремя окнами. Два – выходили во двор, их прикрывала, вместе со всей стеной, длинная, от потолка до пола портьера из парчи, цвета какао, а третье окно, в левой стене, выходило в кухню и закрывалось бежевыми жалюзи; и двумя дверями: одна, в которую вошёл Матвей, вела из гостиной, другая, расположенная в правой стене вела в спальню. В углу, между дверями, напротив окон, стоял оригинальной конструкции мягкий уголок, по форме напоминающий собою большую, сильно закрученную запяную. Началом этой запятой служил круглый журнальный столик, прикрепленный к уголку шарнирами, в одном месте, за край так, что его можно было двигать, располагая либо внутрь, либо снаружи «запятой». Спинка, самая высокая в конце «запятой», тремя волнами, плавно сходила на нет, позволяя столику, в любом положении, оставаться в поле зрения сидящих на любом месте уголка. Небольшим роголиком, рядом стоял пуфик, а в углу, между дверью из гостиной и окном в кухню, приютилось кресло. Мягкий уголок, кресло и пуфик – составляли гарнитур, который складывался в тахту, представляющую собой просторное место спать двоим человекам. Противоположный, мягкому уголку, по диагонали, угол занимала высокая, пузатая ваза, одинаковой расцветки и рисунком с мягкой мебелью – геометрические фигуры, выкрашенные разными оттенками коричневого цвета – в основном, теплых, пастельных тонов. Вазу занимало высокое, сухое, неизвестное Матвею растение. Под окном в кухню, ожидая своего применения, стоял столик на колесиках, состоящий из нижнего и верхнего подносов, и блестящей ручки, за которую его можно катить. Между окнами во двор, располагался телевизор, стоящий на подставке со стеклянной дверцей, через которую виднелся проигрыватель и два десятка больших пластинок. На полу, занимая, почти все свободное от мебели пространство, большой фасолиной, раскинулся, коричнево-бежевыми оттенками ковер.

Матвей стоял в двух шагах от двери и разглядывал интерьер комнаты не зная куда можно сесть и можно ли вообще, сесть без разрешения, когда пришла Валентина Григорьевна:

– Чего стоишь? – её мягкий голос придал Матвею уверенности. – Проходи, садись, – она подошла к пуфику, пока Матвей устраивался на мягком уголке, и на что-то наступила. Над уголком засветилось красным стеклом бра, осветив, висевшую на стене картину с изображением крупных маков. Валентина Григорьевна поставила на журнальный столик два стакана: один – с бледно-желтой жидкостью, а другой – с фиолетово-бордовой. Затем она подошла к окну в кухню и за что-то потянула. Рядом с окном включился фонарь, какие висели у входа в таверну в старину, обдавший всю комнату ярким светом, тем самым заканчивая показ комнаты, высветив бежевые, в бледно-коричневую полоску обои и другую картину, изображавшую скопление выпуклых геометрических фигур красного и коричневого цветов.

Отсутствие громоздких мебельных стенок и шкафов увеличивало комнату, делая её просторной. Не привыкшим к подобному интерьеру, комната казалась пустынной. Но, даже эти любители превращать свои жилища в склады мебели и хранилища разного рода хлама, не могла не отметить гармонии сочетания рисунка, цвета и расположения всех предметов и их индивидуальную роль в интерьере комнаты.

– Кровать у меня, как видишь, одна, – рассказывала Валентоха. – Думаю, поместимся. Мы оба не толстые.

Валентина Григорьевна, из двух пуфиков и уголка собрала широкую, двуспальную кровать и застелила её простынёй, в красно-оранжевых, крупных, цветах. Такой же расцветки, она положила, две подушки и накинула одеяло.

– Ты спишь у стенки, – сказала Валентоха и, выходя из комнаты, добавила: – Укладывайся, и чувствуй себя как дома. Постарайся быстрее уснуть.

Матвей помедлил, но спать хотелось, и он нырнул под одеяло, занимая место у мягкой стенки уголка. Постельное бельё, как и полотенце, отдавало свежестью и ароматом, но не похожим с полотенечным. Удивительный запах или усталость сморили Матвея и он уснул. Уснул крепким детским сном.

Сквозь сон Матвей почувствовал прикосновения к своему лицу и открыл глаза. Глубокая ночь отделялась плотными портьерами. Комната утопала в красноватом полумраке ночника. Рядом с ним, подперев голову рукой, лежала Валентоха. Она смотрела на портьеры и гладила его по лицу. Матвей попытался улыбнуться, чтобы привлечь внимание Валентохи, но из

этого ничего не получилось. Он совсем оробел, когда увидел, что Валентоха была укрыта по пояс и по обе стороны, слегка присев колыхалась её белоснежная грудь. Матвей сразу её не заметил, потому что грудь прикрывали русые локоны волос, распущенных к ночи. Он тут же закрыл глаза, и сердце его забилося.

– Чего не спишь? – неожиданно для Матвея спросила Валентоха. Матвей промолчал. Она чуть сползла и одной рукой, под спину придвинула Матвея к себе ближе. И тут Матвей почувствовал, что на нём нет халата. От прикосновения к горячему обнажённому телу Валентохи он вздрогнул и упёрся в него локтями, пытаясь отодвинуться. Последние два года у Матвея появилась личная, сокровенная, тайна. Каждое утро он просыпался в мальчишеской возбуждённости. И теперь, резко придвинув Матвея, Валентоха раскрывала его тайну. Он продолжал упираться, пытаясь отодвинуться, и лежал с закрытыми глазами. Лицо его горело от стыда. Валентоха крепко держала его и под сопротивлением Матвея медленно поворачивалась к нему. Толи Матвей устал, толи медленно наползая на него нога Валентохи, сломила его силы, и он замер, больше не сопротивляясь. Матвей почувствовал её дыхание совсем рядом, над собою. К его щеке, прикоснулось, что-то упругое и прохладное и медленно, прерывистыми, извилистыми линиями поползло по лицу. Матвей сдерживал дыхание, но оно вырывалось наружу. Это упругое, наконец, коснулось края его губ, и Матвей открыл глаза. Валентоха, внимательным ласковым взглядом разглядывала Матвея. Её грудь едва не касалась его лица, а это упругое – был сосок. Второй вздрагивал над ним на колыхающейся, от тяжёлого дыхания, груди. Сосок дополз до середины губ и Матвей непроизвольно их приоткрыл, но тут же сомкнул.

– Правильно, правильно. Прихвати губами, – зашептали её губы, – Пожалуйста..., – выдохнула Валентоха и закрыла глаза откинув голову назад. Её рука взяла Матвея за затылок и так застыла. Он ждал давления, но оно не последовало. Матвей подчинился и слабо прихватил прохладный упругий комочек

– Сильнее... – попросила Валентоха. – Пожалуйста, ты же мужчина, сделай мне приятно...

Сам не понимая, как произошло, Матвей закрыл глаза и медленно, помогая губам языком, потянул за сосок. Потом он выдохнул, набравшийся воздух и его движения перешли в плавный ритм. Валентоха, легла на бок, подтянув Матвея к себе, а он уже не сопротивлялся. Он становился мужчиной.

В какие-то моменты Валентоха слегка придавливала Матвееву голову к груди и Матвей, инстинктивно понимал – надо потягивать сильнее и, тогда Валентоха издавала бархатный выдох, и её руки слабели. Иногда она брала Матвееву руку и водила ею по своему телу. Тело её было гладким и упругим. Один раз Матвей замер, но Валентоха тут же просветила его.

– Я их удаляю по всему телу, – и она опустила Матвееву руку по бедру до самой простыни, и вернула её по распалённой влажной плоти, задержав руку в самом сокровенном месте. Тело Валентохи напряглось и она, в этот раз издала глубокий бархатный стон. В Матвееву ладонь ударило горячей влагой. Они на мгновение замерли, и Валентоха медленно потянула его влажную руку по животу к груди, и они опять застыли. Они уснули, оба измученные. Проснулись уже утром, в тех же позах, как и уснули. Валентоха, поцеловала Матвея в лоб и улыбнулась.

– Спасибо тебе! Ты настоящий мужчина. Хоть и маленький.

– Я не маленький, – огрызнулся Матвей. Ему было стыдно смотреть пионервожатой в глаза, и он отвернулся к стене.

– Ну, ладно, ладно. Полежи, а я в душ, и приготовлю завтрак.

У Матвея появилась тайна. Тайна куда более священная, чем все остальные, предыдущие, он лежал обескураженный произошедшим и не знал, что теперь делать.

Потянулись дни и недели. В школе он избегал встреч с пионервожатой. Со сверстниками замкнулся. Даже закадычные друзья Юрка Серебрянский и Димка Мезенок не могли его разговаривать. Валентоха самая его нашла. Подкараулила когда он, дежурный по классу, вечером после самоподготовки мыл полы, и пришла.

– Ты один? – спросила она как ни в чём ни бывало. – Давай помогу.

– Не-е, не надо, – взволнованно ответил Матвей, боясь даже поднять глаза на пионервожатую.

– Где тряпки?

– Там.

Вместе они быстро управились, опустили стулья, закрыли класс и вышли на улицу.

– На, это тебе, – протягивая темноте руку, сказала Валентоха.

– Что это?

– Посмотри. Я заходила в наш магазин и купила себе и тебе.

– Спасибо, не надо.

– Бери, бери, – мягким голосом сказала она. – Я хотела попросить тебя помочь.

– Что?

– Зайдём ко мне?

Вспомнив тот вечер, Матвей снова тяжело вздохнул. Ему стало стыдно, но он и сегодня не мог самому себе солгать, – он хотел, чтобы она его пригласила к себе. Их встречи стали регулярными. И потом, вдруг, она исчезла.

Годы спустя в его жизни снова появилась Валентоха и, как и тогда, он лежал и не знал что делать. До сей ночи для него было всё ясно, а что теперь? Матвей снова тяжело вздохнул, но в этот раз Валентоха проснулась.

– Ой, поздно уже, – сказала она, взглянув на часы. – Ты выспался?

– Да, – сухо ответил он.

– За мной скоро приедут, – засобиравлась Валентоха. – Тебе не стоит меня провожать.

Матвей лежал не шелохнувшись и отрешённым взглядом наблюдал, как женщина одевается.

– Как давно я тебя не видела, – говорила она, метаясь по комнате. – Когда вынуждена была уехать, думала с ума сойду. – С этими словами она подошла к кровати и став на колени поцеловала Матвея в лоб. – Ты возмужал и всё такой же галантный, – в её голосе снова зазвучала знакомая издевательская интонация, которую больше жизни не любил Матвей. В такие минуты он терялся в догадках – она говорит искренне или подшучивает над ним и он пристально посмотрел ей в глаза. Они, наполненные слезами, блестели даже во мраке комнаты.

– Поцелуй меня, – одними губами проговорила она.

– Не хочу, – и Матвей отвернулся, но даже спиной он почувствовал, как она снова улыбнулась своей издевательской улыбкой.

– Я тут тебе привезла, – переведя дыхание, продолжила Валентоха. – Взглянешь?

Матвей резко обернулся, желая наговорить гадостей, но осёкся – увидев, как её слёзы исчезли.

– Ладно, лежи, потом посмотришь, – и она ушла.

Несколько шагов стукнули её каблуки по небольшому коридорчику и Матвей услышал скрип петель ворот.

«Откуда пришла? Как добралась? И куда уходила? – задавался вопросами Матвей. – И что ей от меня надо? Она знала, – я здесь! Она пришла ко мне! – неожиданная уверенность созрела в голове Матвея, он подскочил и кинулся к пакету, оставленному Валентохой.

В небольшом непромокаемом мешочке лежали пятьсот рублей и микрофотоаппарат. Шпагин взорвался в гневе, с силой сжав кулаки он обрушился на дверцу шкафа.

Продолжение следует.